

ВИКТОР ТЮРИН

СМЕРТИ ВОПРОЕКИ

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

АНГЕЛ С ЖЕЛЕЗНЫМИ КРЫЛЬЯМИ

ЦЕПНОЙ ПЁС САМОДЕРЖАВИЯ

БФ-коллекция

Виктор Тюрин

**Смерти вопреки: Чужой среди
своих. Свой среди чужих.
Ангел с железными крыльями.
Цепной пёс самодержавия**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Тюрин В. И.

Смерти вопреки: Чужой среди своих. Свой среди чужих. Ангел с железными крыльями. Цепной пёс самодержавия / В. И. Тюрин — «Издательство АСТ», 2022 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-136869-2

Жизнь этого человека так бы и закончилась в двадцать первом веке, но что-то пошло не так, и он оказался в 1940 году, в теле семнадцатилетнего Кости Звягинцева. Главный герой – бывший наемник, воин-афганец, который имел в жизни только два принципа: не предавать родину и не воевать против своих. Другое время оказалось для него чужим, ведь он не подходил под стандартный вариант гражданина Страны Советов, и ему пришлось искать свое место в этой новой жизни. А еще ему пришлось выживать, как когда-то в горах Афгана или в тропических лесах «банановых республик», ведь наступила война и он не смог изменить присяге и стал защищать свою Родину... Сергей Богуславский не только старается найти свое место в новом для себя мире, но и все делает для того, чтобы не допустить государственного переворота и последовавшей за ним гражданской войны, ввергнувшей Россию в хаос. Создав на основе жандармерии новый карательный орган, он уничтожит оппозицию в стране, предотвратит ряд покушений на государя, заставит народ поверить, что для российского правосудия неприкасаемых больше нет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-136869-2

© Тюрин В. И., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	58
Глава 6	71
Глава 7	83
Глава 8	102
Глава 9	116
Глава 10	132
Глава 11	147
Свой среди чужих	162
Глава 1	162
Глава 2	172
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Виктор Тюрин
Смерти вопреки: Чужой среди своих.
Свой среди чужих. Ангел с железными
крыльями. Цепной пёс самодержавия
Циклы «Чужой среди своих» и «Ангел с
железными крыльями» в одном томе

© Виктор Тюрин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Пролог

Клубок человеческого сознания, который состоял из миллиардов нитей, отвечающих за умственное, душевное и телесное здоровье, стал разматываться, раскидывая в разные стороны обрывки. Человек умирал, и нити, раньше скрепленные и переплетенные воедино, сейчас, судорожно подергиваясь, разлетались в неведомом пространстве, где непонятным образом слилось все вместе – жизнь и смерть, пространство и время. Одни из них, отмершие, отваливались от клубка мертвыми кусками, другие, еще живые, просто распускались на всю длину. В какой-то момент одна из таких нитей случайно коснулась другого, трепыхавшегося на невидимом ветру, конца из клубка другого сознания умирающего человека. Так случилось почти невозможное. Невообразимо маленький, почти призрачный шанс дал возможность слиться двум разумам – наложить отпечаток чужой личности на мозг другого человека.

Глава 1

Это был очень странный сон... Перед моими глазами прошла жизнь человека, юноши семнадцати лет, с мельчайшими деталями и подробностями, и это притом, что сны в своей жизни я видел редко, а когда просыпался, то уже не помнил, что в них было. Какое-то время, не открывая глаз, я пытался понять, как такое может быть. Это было более чем странно, так как воспоминания юноши не исчезали в дымке истаивавших поутру сновидений, они плотно сидели у меня в памяти. Особенно его последнее воспоминание: наглая прыщавая рожа какого-то верзилы. Замах тяжелого кулака. Резкая вспышка боли, земля, уходящая из-под ног, кусок ярко-голубого неба, промелькнувшего перед глазами и... темнота.

«Словно и не сон...»

Не успел я так подумать, как услышал легкий храп.

«Погоди! Так, где это я?»

Не успел вопрос возникнуть в голове, как я вспомнил о том, как забравшись на стремянку, укладывал на место старое уголовное дело. Уже начав спускаться, неловко повернувшись, перенес вес тела на искалеченную ногу, чего делать ни в коем случае было нельзя, так как собранная по частям врачами нога имела дурную способность в самые неожиданные моменты разрождаться вспышками сильной боли. Невралгия, мать ее! Обычно я старался присесть или перенести вес тела на другую ногу, что я и сделал почти автоматически, но неустойчивость положения, в котором я находился, меня подвела. Резко дернувшись, я пошатнулся, затем было падение с двух метров, сильная вспышка боли в голове и... темнота. Стоило всему этому всплыть у меня в голове, как пришла догадка: «Так я в больнице. Видно, сильно меня приложило. Хорошенькое сотрясение мозга получил, раз такие долгоиграющие сны снятся».

Чтобы окончательно удостовериться, открыл глаза. Несмотря на то, что за окном была ночь и в помещении было темно, глаз легко различил спинки кроватей на белом фоне стен. Больничная палата. Я приложил руку к голове. Плотный намотанный вокруг головы бинт окончательно подтвердил правильность моего вывода. Вроде все было правильно и логично, но внутренняя тревога не хотела рассеиваться, даже наоборот, она все больше усиливалась, словно хотела предупредить меня о чем-то. Причиной непонятной тревоги мог быть только яркий и ничем не объяснимый сон.

«Всё этот сон. Странный и непонятный сон...» – постарался я себя успокоить, но в следующее мгновение взгляд уперся в спинку моей кровати. Она была металлическая и выкрашена белой краской. В этот самый момент луна пробилась сквозь тучи, и ее тусклый свет проник в палату. Снаружи где-то глухо залаяла собака, заставив меня автоматически повернуть голову к окну. Деревянная рама, выкрашенная в белый цвет. Вместо штор была белая занавеска, висевшая на веревочке и закрывавшая только нижнюю половину окна. И... открытая форточка. За окном было лето. Я слышал шелест листвы за окном, а затем легкий теплый ветерок, ворвавшись в палату из приоткрытого окна, принес с собой легкий и сладкий аромат трав и цветов. Сердце обмерло.

«Этого не может быть. Просто не может быть. Сейчас зима! Зима! Сегодня 16 февраля!»

Рука сама откинула одеяло, и я рывком сел на кровати, но, похоже, делать мне этого не следовало. Резкие движения подняли тяжелую волну боли в голове. В глазах потемнело, а уже в следующую секунду меня вырвало. Сквозь боль и спазмы, сотрясавшие тело, я словно сквозь вату услышал из-за спины чей-то мужской крик:

– Сестра! Никитична! Мальчишке плохо!

Послышалось тяжелое и быстрое шлепанье тапочек, открылась дверь, и вспыхнул свет. Все это я воспринял отстраненно, так как кружащаяся голова и накатывающая волнами тошнота поглощали все мое внимание.

– Паренек, ты как?! Очнулся, слава тебе господи! И зачем встал?! Ложись! Быстро ложись! – но, видно, увидев следы рвоты на моих подштанниках и на полу, сразу переменила свое решение. – погоди! Сейчас вызову врача и уберу! Ты только сиди и не двигайся! Семенов! Пригляди тут за парнем! Я живо!

Последние слова донеслись уже из-за двери. Потом помню таз на полу у моих ног, суету рук, снимающих с меня нижнее белье и обмывающих тело и лицо, а спустя какое-то время я оказался лежащим под одеялом, а надо мной склонилось лицо врача. Сознание сразу отметило белую шапочку на его голове, круглые очки на носу и небольшую курчавую бородку. Лицо напряженное. Было видно, что человек растерян и волнуется.

– Как ты себя чувствуешь?! Голова кружится? Тошнит?

– Не-ет, – медленно ответил я, прислушиваясь к своим ощущениям. – Пока все нормально. Спать только сильно хочу.

Голова слегка кружилась, но не это меня сейчас волновало, а то, что вокруг меня происходит.

– Хорошо. Спи. Если станет плохо, зови сестру.

Врач ушел, сестра поправила на мне одеяло, потом выключила в палате свет и осторожно закрыла за собой дверь. Наступила тишина. Я закрыл глаза. Несмотря на довольно смутное восприятие окружающей действительности, понятно было одно: я – это не я, а если выразиться точнее, находился я сейчас не в своем теле. Этот факт настолько не укладывался у меня в голове, что я несколько раз провел пальцами по местам, где должны находиться шрамы. Никаких следов. Худое тело юноши.

«Сон. Тело. Хм. Может, это просто бред? Горячный бред».

Простая мысль, возникшая в затуманенном состоянии, расставила немыслимые факты по своим местам и дала отмашку сознанию успокоиться, наверное, поэтому я неожиданно для себя уснул. Проснулся от слегка дребезжащего мужского голоса, который громко вещал об ударных темпах сбора урожая.

«Какого черта радио на полную мощь включили?! Это что, больница или хрен...»

В следующую секунду я резко открыл глаза. Сердце замерло, а потом застучало сильно-сильно. Ночной кошмар вернулся, но теперь уже наяву, при свете дня. Какое-то время я тупо смотрел на слегка выцветшие плакаты, висящие на стене, напротив моей кровати. Один из них изображал Ленина и Сталина на фоне трудящихся масс и красных флагов со словами: «Вперед к победе коммунизма!» Рядом висел плакат с фигурами Сталина и Ворошилова на фоне военного парада на Красной площади. Внизу надпись: «Да здравствует рабоче-крестьянская Красная Армия – верный страж советских границ!» Сталин был в фуражке, а Ворошилов – в буденовке, с шашкой и кучей орденов на груди. Какое-то время я перебегал взглядом с одного плаката на другой, тупо перечитывая надписи на них, а потом посмотрел на свои руки, лежащие поверх грубого солдатского одеяла. Это были руки юноши семнадцати лет от роду, Кости Звягинцева. И я всё знал о его жизни. Всё!

«Это не бред. Но как подобное могло произойти?»

Страх не было, а вот напряжение, растерянность и скованность в мыслях присутствовали в полной мере. Не отрывая головы от подушки, медленно и неторопливо обошел глазами палату. По сторонам и над головой – плохо выбеленные стены и потолок. Шесть металлических разномастных кроватей. По углам палаты стояли две тумбочки, очень похожие на табуретки на длинных ножках, только в их верхней части были вделаны выдвижные ящички, а на третьей, стоявшей посередине помещения, между двух кроватей, красовался горшок с каким-то цветком. Не успел я все это оценить как следует, как наткнулся на любопытные взгляды еще двух обитателей палаты.

– Оклемался, парень? Али как? – спросил меня мужчина с худым, изможденным лицом, на котором довольно странно смотрелись пышные буденовские усы, торчащие в разные стороны.

– Не знаю, – неуверенно произнес я, причем мой тон касался не столько моего физического, сколько душевного здоровья.

– Не знаю, – насмешливо повторил он за мной. – Глянь на него! Не знаю! Да ты радоваться должен, что выжил, паря! Давай знакомиться! Тебя же Костей кличут? А меня зови Михалычем.

Мужчина был тем Семеновым, который ночью вызвал медсестру. Спустя десять минут я знал, что тот воевал с германцем, потом дрался с белыми генералами, а теперь работает в котельной истопником и попал в больницу с очередным обострением язвы. Это был худой, болезненного вида мужчина, но с живыми и хитрыми глазами. Сейчас он сидел на кровати в белой нательной рубашке и кальсонах, держа в одной руке очки, а в другой – газету, а рядом, на соседней кровати, сидел, не отрывая от меня любопытного взгляда, мощного сложения молодой парень с широким лицом и носом-картошкой, который представился Дмитрием. От силы ему было лет двадцать пять. Его левая рука была в гипсе и висела на груди, на перевязи. Работал он в механических мастерских, где при ремонте какого-то прессы произошел несчастный случай.

Оба просто пожирали меня глазами, изнывая от любопытства. Им явно хотелось услышать какую-нибудь страшную историю, но так как я молчал, Михалыч решил подтолкнуть меня к разговору.

– Когда тебя привезли и положили, я подумал, что не жилец ты, паря, на белом свете! На лице ни кровинки. Лежишь весь белый, не шевельнешься, только дышишь. Три дня так лежал. И вот на тебе! Живой! – радостно поделился с нами своими переживаниями истопник.

– Три дня? – вопрос должен был подразумевать удивление, но мне было абсолютно все равно, сколько я здесь лежу. Три дня или три недели. Так как на данный момент это был самый незначительный странный факт из тех, что осознал мой ошеломленный мозг.

– Точно! Лежал. Михалыч правду говорит, – подтвердил Дмитрий. – Только стонал изредка. А так, как труп, даже не шелохнувшись ни разу. Как тебя угораздило, парень, так головой стукнуться?

Я перевел на него взгляд и тихо сказал:

– Не помню.

Слесарь-ремонтник переглянулся с истопником, потом оба уставились на меня с явным сочувствием.

– Тебе что, парень, память совсем отшибло? – наконец поинтересовался Михалыч.

Отвечать я не стал, а вместо этого спросил:

– Какое сегодня число?

– Семнадцатое августа, – тут же отозвался слесарь-ремонтник.

– А год... какой?

Мне был известен год, но мне нужно и важно было подтверждение со стороны того, что я и так знал. Вернее, знал Костя Звягинцев. Зачем мне это было? Честное слово, не знаю. Просто хотел услышать от постороннего человека.

– Сороковой год, – задумчиво протянул Михалыч, взглядываясь в меня, и, немного помолчав, добавил: – Знаешь, парень... Был такой случай у меня. Помню, в девятнадцатом году нашему комэску в бою под Красным так дали по голове, что он только через сутки в себя пришел и тоже, как ты, сидел полдня и, словно дурень, глазами хлопал.

Истопник, по-видимому, ожидал, что этот интересный случай вызовет вопросы, но так как никакой реакции не последовало, наступила неловкая тишина, к тому же, отведя взгляд, я уставился в потолок, всем своим видом показывая нежелание продолжать разговор. Михалыч,

пожав плечами, надел круглые очки и принялся читать газету. Дмитрий еще какое-то время поглядывал на меня, потом встал и, подойдя к распахнутому окну, сел на подоконник и стал слушать музыку духового оркестра, которая неслась из громкоговорителя, подвешенного где-то снаружи.

Попытки понять, как такое могло произойти, я отбросил сразу. Не мое это, да и ни с чем подобным не только сталкиваться, к тому же даже слышать о подобных фактах не приходилось. В чудеса не верил, так же как в бога и черта. Переселение души? Хотя факт был налицо, но все равно мне почему-то казалось, что к этому мой случай никакого отношения не имеет, хотя бы потому, что имеется факт наличия двойной памяти. Это настораживало, так как невольно подталкивало к мысли, что у хозяина тела еще есть шанс возвратиться...

Впрочем, новое тело и прыжок в прошлое я был вынужден признать как факт, от которого никуда не денешься, и сделал соответствующий вывод: будем жить с тем, что есть... Вот только как уложить жизненный опыт и привычки взрослого человека с образом юноши, лишь вступающего во взрослую жизнь? Настолько разный жизненный опыт, что и говорить об этом не приходится, не говоря уже о привычках и вкусах. Ведь чтобы полностью перевоплотиться в юношу, требовалось определенное актерское мастерство, которого у меня даже на грош не было.

Опекаемый родителями, Костя был наивен, а во многих чисто житейских вопросах даже глуп, подменяя реальную жизнь своими юношескими фантазиями, но это если судить с точки зрения взрослого человека. При этом обладал очень цепкой зрительной и умственной памятью и имел, по тому времени, отличное образование, в чем была немалая заслуга его родителей, высокообразованных и интеллигентных людей. Именно они привили сыну любовь к книгам и изобразительному искусству. Кроме того, он почти в совершенстве владел двумя иностранными языками, хорошо играл в шахматы и пытался писать стихи.

«Талантливый паренек, не то что я, разгильдяй...» – И память автоматически перескочила на страницы моей собственной биографии, как бы сравнивая прожитые мною годы с неполными семнадцатью годами угловатого юноши, который только-только взял старт во взрослую жизнь. В отличие от талантливого парня, у меня были свои достижения в жизни, хотя их далеко не каждый человек так назовет. Конечно, можно сослаться на такие слова, как «присяга», «служебный долг», «выполнение приказов командования», и это будет правильно. Я получал приказы и старательно их выполнял, но если заглянуть в Священное Писание, то большинство заповедей мною были нарушены. Причем неоднократно.

Так уж сложилось, что моя жизнь разделилась на две неровные части. Первая часть моей жизни началась с детского дома. Первые несколько лет я мечтал о том, что вот-вот придут мои родители и заберут меня домой, но уже в двенадцать окончательно понял, что о них можно забыть и жить надо не мечтами, а реальной жизнью. Идти учиться в техникум или институт не было ни малейшего желания, поэтому результатом выбора стало ПТУ. Во время учебы ходил в секцию бокса, но спустя год с лишним меня отчислили, так как не всегда получалось сдерживаться и драться по правилам. Затем был выпуск и направление на завод. Заводское общежитие мало чем отличалось от детского дома, вот только теперь я считал себя взрослым, а значит, надо гулять по-взрослому. Пьяные компании, девочки, драки. Парень я был не по годам крепкий, к тому же не умел отступать, так что сидеть бы мне в тюрьме, да участковый оказался настоящим человеком, сумел найти к строптивому и своевольному парнишке подход. Узнав, что я занимался боксом, устроил меня в секцию самбо, а спустя год я ушел в армию. Степан Петрович Козарев, наш участковый, стал единственным человеком, кто пришел проводить меня в армию.

Казарма практически ничем не отличалась от детдомовской спальни и койки в общежитии, поэтому особых проблем для меня армейская жизнь не представляла, а вот дисциплина напрягала.

Полгода учебки в десантно-штурмовой роте – и здравствуй, Афганистан! Многие из моих однолеток были умнее и образованнее меня, но зато, в отличие от них, я обладал звериной интуицией, хитростью и изворотливостью, а если к этому прибавить смелость, хладнокровие и жестокость, то получится идеальный боец. Мой командир оказался хорошим воспитателем и сумел привить необходимые для войны навыки. Основной предмет «как стать сильнее страха», без которого трудно выжить, я постоянно сдавал на пять баллов. Не все из солдат оказались готовы к подобным экзаменам, но, в отличие от многих, я смог стать достойным учеником своего учителя. Эти годы закалили меня, научили как отчаянной смелости, так и осторожности и терпению, но главное – умению разбираться в людях. Уже позже я понял, как мне повезло с командиром. Волевой, хладнокровный и жесткий офицер стал для меня примером. Именно от командира, великолепного мастера ножевого боя, на всю оставшуюся жизнь у меня осталась страсть к холодному оружию. За время службы у меня в голове сложилась мысль посвятить себя армии, но командир, похоже, лучше знавший меня, чем я сам себя, не сразу, а постепенно доказал мне, что служба в Афганистане по большей части является работой наемника, но никак не солдата.

Все, что я вынес из Афганистана, помимо богатого боевого опыта, были старшинские лычки и три медали. С другой стороны, доказал себе, что я крутой мужик, а значит, живи дальше, работай, заводь семью, вот только спустя какое-то время я понял: окружающий мир без войны для меня не существует, поэтому об обычной работе не могло быть и речи.

Следующие полтора года я кидался из стороны в сторону, работая то охранником, то вышибалой, но это была не та жизнь, к которой я стремился. Мне не хватало риска, ярости смертельных схваток и адреналина, кипящего в крови. Жизнь с каждым днем становилось все более серой и блеклой. Что делать? Оставался криминал, но от этой ошибки меня спас бывший командир. Он вспомнил обо мне, так как в это время собирал команду для «командировки» в одну банановую республику. На вопрос «что там будем делать?» он ответил коротко и по существу: работать по специальности и с хорошей оплатой, на что я с большой радостью согласился.

Следующие одиннадцать лет, переходя от одной войны к другой, я воевал зло и жестко, придерживаясь только двух правил: не предавать интересов Родины и не воевать против своих, пока не получил тяжелое ранение в бедро и не превратился в инвалида. Моя профессия наемника не исключала подобный вариант, но человек всегда надеется на лучшее, а это в моем понимании означало быструю смерть. Пуля в голову или в сердце.

«Что случилось, то случилось», – подведя этими словами итог своей прежней жизни, я снова, в очередной раз, стал делать попытки найти себя в гражданской жизни.

Неизвестно, как бы сложилась моя дальнейшая судьба, если бы не одна моя странность. Мне всегда нравилось посещать художественные музеи и картинные галереи. Тихие, прохладные залы, увешанные картинами, были спокойным и уютным местом, противовесом моей бурной, полной боевого азарта и риска, жизни наемника. Словно тихая пристань для корабля, который, стремясь уйти от бури, укрывался в спокойной гавани. При моем характере и образе жизни это можно было объяснить только генами, заложенными во мне одним из моих предков, видимо каким-то образом связанным с искусством. Именно там, в одном из художественных музеев, случай свел меня с женщиной, которая спустя год стала моей женой. Это был в моей жизни сложный, непонятный и очень неприятный (и это мягко сказано) период, и только Лена стала тем единственным человеком, который поддержал меня в то трудное время. Она не жалела меня той бабьей, надрывной жалостью, с причитанием и слезами на глазах, а отогрела и вернула в люди своей особой душевной теплотой. Девизом нашей совместной жизни вполне могли стать слова из песни: «просто встретились два одиночества».

До нашей встречи у Лены была одна-единственная любовь и страсть: ее искусство. В сорок три года она уже была признанным международным экспертом-искусствоведом по искус-

ству эпохи Возрождения, имела ряд научных работ, докторскую степень. В какой-то момент к ней пришло прозрение: годы, когда люди сходятся, обзаводятся семьей и заводят детей, прошли, и тогда произошла наша случайная встреча. Наверное, это была высшая предопределенность или, проще сказать, судьба. Вместе мы прожили семнадцать лет. Год назад ее не стало. Этот период я считаю своей второй половиной жизни. Она совершенно противоположна первой части, но со временем я приобрел к ней вкус и перестал сожалеть о прошлом. Экспертом в области искусства я, конечно, не стал, но определенные знания и опыт в этой сфере получил.

Работая в архиве МВД, со временем я заинтересовался историей советской милиции. Это стало моим вторым увлечением. В свободное время, насколько это было возможно, я старался как можно чаще посещать тир и зал ножевого боя. Естественно, что схватки на ножах для инвалида были противопоказаны, но мне никто не мешал там оттачивать, доводить до совершенства метание ножа в мишень.

Теперь, в этом времени, мне, судя по всему, снова придется учиться жить. Уже в третий раз. Я еще только пытался приноровиться к мысли о новой жизни, как дверь открылась, и в палату вошли два врача, сопровождаемые медсестрой. Внешний вид медиков был для меня непривычен. У мужчин и женщины были одинаковые длинные белые халаты, которые завязывались сзади на тесемочки. Кроме того, у сестры волосы прикрывала белая косынка, делавшая ее похожей на монахиню. Один из врачей мне был уже знаком по ночному визиту. Незнакомый доктор первым подошел к моей кровати.

– Здравствуй, Константин. Меня зовут Михаил Аристархович Поливанов. Я заведующий отделением. Как ты себя чувствуешь?

– Не знаю даже, – тихо ответил я на его вопрос. – Вроде неплохо.

– Хм. Для человека, трое суток пролежавшего без сознания, ты действительно неплохо выглядишь. Теперь давай подробнее. Голова кружится?

В течение какого-то времени он меня трогал и ощупывал, одновременно задавая мне вопросы о самочувствии. По мере осмотра его лицо принимало все более задумчивое выражение, и когда он подвел итог, в его голосе явно чувствовалась неуверенность:

– Гм. Честно говоря, ничего не могу сказать на данный момент. Если исходить из вашего состояния, то у вас, молодой человек, все как бы в порядке. Гм... но это для человека, который получил обычное сотрясение мозга, но тогда сразу возникает вопрос: что могло вызвать у вас столь длительное состояние комы? Причем... Впрочем, я не специалист. М-м-м... Хорошо бы вас показать... Ладно. Пока лежите у нас, молодой человек, а мы вас наблюдаем. Гм. Так что до завтра.

Судя по тому, что он неожиданно перешел на «вы», его голова сейчас была занята разгадкой необыкновенного случая в медицинской практике. Если на меня потратили определенное время, то с двумя другими пациентами нашей палаты врачи разобрались быстро. Дмитрий, оказывается, попал в больницу вчера поздно вечером, поэтому его решили оставить до утра и сегодня после короткого осмотра выписали из больницы, при этом сказав, что ждут его через две недели на осмотр. Он тут же стал одеваться с помощью молоденькой сестры. У кровати Михалыча они тоже долго не задержались, и спустя пять минут дверь за ними закрылась. После того как они ушли, истопник ехидно заявил, что это не врачи, а коновалы, и какое-то время негромко ругался, но высказать свое возмущение до конца ему не дал приход «моих» родителей, после чего состоялся мутный, бестолковый, суетливый разговор. Мама плакала навзрыд, отец, было видно, тоже сильно переживал, но крепился, стараясь не показывать своих чувств. Судя по их состоянию, вид у меня был не сильно бодрый, поэтому я постарался успокоить, пусть и дежурными словами:

– Папа, мама, все уже хорошо. Не волнуйтесь вы так, я почти здоров.

Когда они наконец ушли, я облегченно вздохнул, так как довольно трудно было исполнять навязанную мне роль сына, но как оказалось, визиты на этом не закончились. После обеда пришел младший лейтенант милиции. На фуражке пятиконечная звезда с извечным серпом и молотом, гимнастерка белого цвета, в голубых петлицах три кубика, портупея с кобурой и планшет, из которого он сразу вытащил блокнот и карандаш. Меня удивило только одно: мужику лет сорок, а то и более, а он все в младших лейтенантах ходит. После короткого представления он пожелал узнать, как я оказался лежащим с пробитой головой на улице Парижской Коммуны. Пришлось ему объяснить почти теми же словами из фильма «Бриллиантовая рука», что я шел по улице, подвернулась нога, упал, а дальше – больница.

– Гм. Значит, шел, затем оступился и упал. Все так и было? Ничего не путаешь, парень? – с явным недоверием спросил лейтенант.

– Все так, как я сказал.

– Хм! Пусть так, – в его голосе чувствовалось явное сомнение, – но ты потом, когда выздоровеешь, зайди ко мне. Авось что-нибудь и вспомнишь. Договорились?

– Хорошо, – соврал я, зная, что не приду к нему.

– Выздоровливай, Костя. До свидания.

Михалыч, все это время делавший вид, что читает, а сам внимательно прислушивавшийся к нашему разговору с милиционером, отложил газету, после чего лег, повернувшись к стенке, и уже через несколько минут захрапел. Для меня наступило время обдумать мою будущую жизнь. Новое тело и новое время я уже признал как факт, а вот линию поведения предлагалось продумать и выработать.

«Слишком большая разница лет, да и характеры, считай, две противоположные величины».

У нас был настолько разный жизненный опыт, что и говорить об этом не приходилось, не говоря уже о привычках и вкусах. Исключением из правила можно было назвать любовь к картинам, но даже здесь искусство было целью и смыслом жизни Константина Звягинцева, а у меня оно стояло на втором месте, являясь своего рода хобби. Опекаемый родителями, Костя был еще по-детски наивен, а во многих чисто житейских вопросах даже неразумен. Несмотря на внешнее благополучие, в их семье была «страшная» тайна. Его родители с молодых лет посвятили свою жизнь борьбе за счастье народа, став профессиональными революционерами, но, как оказалось, и у них были причины бояться за себя и за сына.

Если раньше они с восторгом и энтузиазмом относились к свершениям революции, то теперь их радость сменилась настороженностью и опаской. Дело в том, что родители матери имели дворянское происхождение, а это означало, что она в любой момент могла не пройти проверку классово-благонадежности и автоматически становилась «врагом народа». Именно поэтому Кирилл Иннокентьевич Звягинцев, имея пост начальника отдела в комиссариате народного образования, в 1937 году перевелся из столицы в небольшой подмосковный городок на должность заведующего отделом народного образования, а его жена, Мария Евгеньевна, стала директором школы. Переезд был совершенно неожиданным для их сына, но через какое-то время совершенно случайно ему удалось узнать правду из разговора родителей. Он был тогда мал и не придавал этому большого значения, но в памяти разговор все равно отложился. Суть этого разговора, который мне достался по наследству, заключался в следующем: начались чистки среди руководящих работников, и к их семье стали присматриваться. Растворившись в глубинке, его родители благополучно пережили «большую чистку».

Благодаря усидчивости и отличной памяти Константин в июне 1940 года, в возрасте шестнадцати лет и десяти месяцев, окончил среднюю школу им. С. М. Кирова, получив аттестат, соответствующий нынешней золотой медали, что дало возможность поступить без экзаменов в один из престижных вузов страны – в Московский институт философии, литературы

и истории, на факультет истории искусства. За два дня до того, как Костя попал в больницу, он ездил в Москву и узнал, что зачислен в институт на первый курс.

Проснулся от матюгальника, так я успел обозвать черный четырехугольный рупор, висевший на столбе, рядом с нашим домом. Тот захрипел, пытаясь пропустить через себя звуки какого-то марша, выдуваемого духовым оркестром.

«Дура громогласная, мать твою!» – невольно выругался я.

Первым делом посмотрел в сторону буфета, на часы. 8:03. Настенных часов у семьи Звягинцевых не было, а вместо них был будильник, стоявший в спальне родителей, и бронзовые каминные часы с двумя ангелочками по обеим сторонам циферблата, стоявшие на буфете. Откуда эти часы появились, прежний хозяин тела не знал – просто они всегда были в их семье. Я поднялся и сел на кровати, оглядывая комнату. Смотрел так, словно видел впервые, хотя для моей второй памяти вся обстановка квартиры была хорошо знакома. Несмотря на то, что наши памяти каким-то образом переплелись, никакого дискомфорта я не испытывал. Прислушался. Где-то плакал маленький ребенок. Память Кости тут же подсказала: это у Надеждиных, их младшая дочка Танька разревелась.

Мой отец, когда получил квартиру в ведомственном доме, по приезде сошелся с начальником механических мастерских Дмитрием Михайловичем Надеждиным и главным инженером Евгением Тимофеевичем Степаненко. Для тогдашнего школьника Кости они были, да и сейчас оставались, дядей Дмитрием и дядей Женей. Чуть позже к их компании присоединился Степан Иванович Обойников, председатель Облшвейсоюза, одной из организаций Промкооперации, в который входили пошивочные артели и ателье городка.

Родители уже ушли на работу. Было тихо, но спустя пару минут издали послышались далекие голоса. Веселые, звонкие и пронзительные детские голоса.

«Компания собралась. Идут на речку купаться».

Весь вчерашний вечер, проведенный с родителями, для меня был чем-то похож на переживание минного поля. Зрелый мужик, как я ни контролировал себя, моментами проступал из Кости Звягинцева, и поэтому успел поймать несколько тревожно-недоуменных взглядов матери. Отец ничего не заметил. Впрочем, я не удивлюсь, что потом мать поделилась с ним своей тревогой по случаю неадекватного поведения сына. Ни память, ни знание привычек родителей – ничто не могло заменить естественных реакций и эмоций ребенка, которые в памяти никак не могли быть отпечатаны. Вот эту самую импровизацию чувств не могло не заметить любящее сердце матери. Правда, пару раз, как бы невзначай, я пожаловался на боли в голове и звон в ушах. Об этих симптомах, которые могут проявляться какое-то время, меня при выписке предупредил лечащий врач.

Встал, подошел к массивной деревянной конструкции, к буфету (особой маминой гордости). Его верхняя часть была застеклена, там стояла посуда – сервиз на шесть персон и с десяток разномастных тарелок, стаканов и кружек. Сервиз доставали редко. В дни больших государственных праздников и семейных торжеств. За стеклом сейчас стояли три открытки, присланные в свое время нам какими-то родственниками. Сталин на фоне Кремля, самолетов и танков, а внизу надпись: «Сталинским духом крепка и сильна армия наша и наша страна». Рядом открытка – поздравление с Новым годом. На ней изображены две пары на коньках, показанные на фоне Кремля и красных звезд, державшие друг друга под руки. У каждого из них на груди была красная цифра, а вместе они составляли число – 1940. Судя по очкам летчика на шапочке одной из девушек, она олицетворяла собой авиацию, а по буденовке парня можно было понять, что тот представлял Красную армию. Кто были остальные двое? Некоторое время, глядя на них, пытался угадать, но никакой догадки так и не пришло на ум.

«Да и фиг с ними, другое непонятно: почему поздравительная открытка сделана в три цвета? Денег на краски нет или решили, что и так сойдет?»

Третья открытка представляла собой репродукцию картины Васнецова «Богатыри».

Память чисто автоматически выдала информацию по картине: над созданием этой картины художник работал почти тридцать лет. В 1871 году был создан первый набросок сюжета в карандаше, и с тех пор художник увлекся идеей создания этой картины. В 1876 году был сделан знаменитый эскиз с уже найденной основой композиционного решения. Работа над самой картиной длилась с 1881 по 1898 год, а уже готовая картина была куплена Петром Третьяковым, основателем Третьяковской галереи.

Отвернулся и подошел к зеркалу, чтобы посмотреть на себя. Отображение показало угловато-худое тело юноши с узкими плечами и выпирающими ключицами. Уже в который раз смотрелся в зеркало, привыкая к своей внешности, и каждый раз не мог удержаться от кривой усмешки. Ну не нравился я сам себе, и все тут!

«Ну что, скелет ходячий, придется вплотную заняться твоим физическим воспитанием...» – дав себе это обещание, снова оглядел комнату. Она была гостиной, столовой и одновременно Костиной спальней. Диван, на котором спал Костя, соседствовал с этажеркой, стоявшей у входной двери. На ней стоял патефон, а внизу на двух полках лежали пластинки. Одну из стен занимал массивный буфет с завитушками. В нем хранилось главное достояние семьи Звягинцевых – художественные альбомы известных художников, отпечатанные еще в царское время. К ним в семье относились как к малым детям – осторожно, бережно и ласково. Посреди комнаты стоял стол, накрытый светло-коричневой плюшевой скатертью с бахромой, маминой гордостью, а на нем ваза. В день рождения мамы и на праздник Восьмое марта в ней всегда стояли цветы. Вокруг стола расположились четыре стула с высокими спинками. В комнате была еще одна дверь, которая вела в спальню родителей. Там стояла кровать, одежный шкаф и письменный стол, заваленный тетрадками учеников, методическими пособиями и словарями. Им попеременно пользовались родители. Мама на нем готовилась к занятиям по немецкому и французскому языку, а отец (по большей части поздно ночью) готовил справки и доклады по работе РОНО.

Из этических соображений я учился в другой школе, так как родители считали неправильным учить сына в школе, где его мама преподает и работает директором. У обоих родителей помимо любимой ими педагогической работы было еще одно страстное увлечение – страсть к живописи. От них заразился и Костя.

Все свое свободное время юноша предпочитал проводить наедине с книгами и художественными альбомами. Была у него еще одна страсть – коллекционирование старинных монет. Костя не то чтобы сторонился компаний мальчишек, он просто считал это пустым времяпрепровождением, поэтому редко ходил с ребятами на речку или в лес. Несмотря на некоторое отчуждение со стороны ребят, он никогда не отказывал в помощи по школьным предметам, а также позволял списывать контрольные. Но ни литературные викторины, ни олимпиады по физике и математике, на которых он занимал первые места и выигрывал призы, никак не прибавляли ему уважения со стороны одноклассников. С другой стороны, он был активным комсомольцем, участвовал в подготовке школьных праздничных вечеров, редактировал школьную стенгазету, и даже одно время вел кружок по истории живописи.

Городок я хорошо знал по памяти бывшего хозяина тела, но теперь решил пройтись по улицам, посмотреть на него другим – своим – взглядом. Дома по большей части были деревянные и ветхие. Прошел мимо булочной и мастерской сапожника, и вдруг где-то сбоку раздался непонятный стук и лязг. Резко развернулся, а это был лишь мальчишка, который гнал перед собой железный обруч крючком из толстой проволоки по булыжной мостовой. Прошел мимо пивной будки, а по-другому ее и не назовешь. Сверху была прибита вывеска, на которой красной краской, уже потрескавшейся и немного облупившейся от времени и непогоды, были выведены два слова: «ПИВО. РАКИ». Вырезанное в передней части ларька окошко было рас-

пахнуто, и в проеме, правда, смутно, виднелось полное лицо продавщицы. В двух шагах торчали грибами-поганками три потемневших от времени столика, за которыми сейчас пили пиво несколько человек. Один в белой рубашке, белых штанах и легкой соломенной шляпе, держа под мышкой папку, сейчас запрокинув голову, с жадностью пил пиво. Судя по его мокрому лицу, жара советского служащего окончательно достала. Трое мужиков, расположившихся у соседнего столика, похоже, устроились основательно, так как около них уже стояло по пустой кружке, и сейчас они вливали в себя вторые, а может и третьи порции. Да и горка рыбьей чешуи на середине стола подтверждала, что стоят уже давно. На вид они смотрелись босяками. Этим словом я обозначал в своей прежней жизни личностей, которые были готовы пить что угодно и с кем угодно. Они мало чем отличались от тех персонажей из моей прошлой жизни. Серые рубашки, мятые штаны и такие же мятые физиономии.

Раньше из-за таких типов Костя Звягинцев обходил подобные места по другой стороне улицы, я же шел прямо к пивному ларьку с желанием опрокинуть кружечку, но уже в следующую секунду вспомнив, кто есть на самом деле, резко свернул в сторону. Мужик в соломенной шляпе не обратил на меня никакого внимания, так как, судя по легкой задумчивости на его лице, все еще решал: не выпить ли ему еще пива? Зато один из босяков, стоящий ко мне лицом, заметил мой маневр и с любопытством проследил за мной взглядом. Завернул за угол и медленно прошел мимо школы, в которой учился Константин Звягинцев, и городской библиотеки. Отметил то, что для Кости было привычно, а мне резало глаз. Обилие плакатов и лозунгов. «Комсомол – верный помощник партии», «Готов к ПВХО. Приобретайте билеты 14-й лотереи Осоавиахима!», «Нарпитовец, повышай свою квалификацию». Последний плакат висел на стене столовой.

Выйдя из тени столовой, я вдруг почувствовал на себе чей-то чужой взгляд. Чувство опасности встряхнулось, словно пес после сна, и настороженно замерло. Я мог только догадываться, кто за мною следит. Чтобы это проверить, я как бы случайно забрел в одно тихое, но излюбленное место мальчишек-подростков. С одной стороны глухая стена склада ПОТРЕБСО-ЮЗА, с другой стороны заброшенный пустырь, где сгрудились полуразвалившиеся клетушки сараев, земля была завалена ржавыми кусками железа, разбитыми ящиками, досками, кучами битого кирпича. Здесь, подальше от взгляда родителей, мальчишки играли в орлянку или в карты, курили и дрались.

Моя догадка оправдалась на все сто процентов. Вслед за мной на пустырь вышел Семен Жигун по кличке Гвоздь. Худое, костистое лицо парня было под стать его длинной, неуклюжей фигуре. Синяя линялая рубака с засученными рукавами, обтрепанные штаны неопределенного цвета, грубые ботинки. Мелкий хулиган, изображавший отъявленного уголовника, имел несколько приводов в милицию за мелкое воровство и драки. Нередко с компанией таких, как и он, подонков Гвоздь устраивал засады на школьников, забирая у тех еду и деньги. Несколько раз подобное случилось и с Костей, за исключением их последней встречи. Их встреча тогда была случайной. Гвоздь был пьян. Перегородив юноше дорогу, потребовал от него денег, а когда тот ему отказал, разозлился и ударил, а результатом стало неудачное падение подростка виском на осколок кирпича.

– Выжил, падла, – криво ухмыльнулся хулиган. – Я-то думал, что ты тогда копыта откинул. Так вот, у меня к тебе вопрос нарисовался. Ты чего мусорам меня не заложил?

– А что, надо было? – в свою очередь ухмыльнулся я. – Ты только хорошо попроси, так прямо сейчас и пойду.

Тот чуть ли не целую минуту переваривал мой ответ, глядя на меня удивленными глазами. Не таких слов он ожидал от этого труса. Ведь он специально выслеживал Звягинцева именно для того, чтобы встряхнуть из вчерашнего школьника, как обстоят дела. Раз дело на него не завели, даже участковый не приходил, то это могло означать только одно: Звягинцев настолько его боялся, что так ничего и не сказал в милиции, иначе бы Гвоздь давно сидел в

кабинете следователя. Трус он и есть трус! А тут такой наглый ответ. Что-то он больно храбрый стал, так я ему сейчас напому. Вдруг он неожиданно вспомнил, как его тогда охватил страх. Дикий, панический страх сжал его сердце, стоило ему увидеть неподвижное тело на земле и растекающуюся кровь вокруг головы Звягинцева. Моментом протрезвев, он помчался сломя голову прочь от места преступления.

«Убил! Убил!» – эта мысль каталась и билась в его голове, отдаваясь многократным эхом.

Он не помнил, как забрался в сарай за домом, в свое потайное место, где его вырвало. Как он не спал ночь, трясаясь в ожидании, что за ним вот-вот придут, и только к обеду второго дня узнал, что Звягинцев уже сутки лежит без сознания. Спустя какое-то время разнесся слух, что сын заведующего отделением народного образования не жилец на этом свете, и только тогда Гвоздь отпустил страх, но, как оказалось, ненадолго. На третьи сутки среди жителей городка пронеслась весть, что мальчик очнулся, и тогда Семен Жигун снова ударился в панику, кинувшись собирать вещи, чтобы уехать до приезда милиции. Окольными путями, крадучись, он пробрался к железной дороге, чтобы сесть на товарняк до Москвы, но тут на его подозрительное поведение обратили внимание бойцы железнодорожной охраны. После грозного окрика он снова потерял голову от страха и сломя голову кинулся обратно в городок.

Двое суток Гвоздь ночевал в каких-то развалинах на окраине городка, вздрагивая от каждого шороха. Еда, которую он захватил с собой, быстро закончилась, и он, отчаявшись, решил пойти сдать сам, но на подходе к милиции случайно наткнулся на одного из своих дружков, от которого узнал, что его никто не ищет. В один миг страх сменился изумлением, а затем дикой злобой. Он тут мучился, переживал... Но спустя какое-то время все обдумав, он остыл и решил, пусть все идет, как идет, вот только любопытство застряло в нем занозой. Ему до смерти хотелось понять, почему все так получилось. Вот только когда они встретились, этот трус как-то неправильно себя повел. Он должен был бояться Семена, как и раньше, вот только теперь в нем нет страха. Как это понять?! Он с ним встретиться решил, почти пожалел, а этот сучий выродок вон как заговорил! Смелый! Ничего! Сейчас он ответит за все его страхи! На коленях будет стоять и молить о пощаде! Он за все ответит! Семен успел только размахнуться, как Звягинцев стремительно перехватил его руку и... Гвоздь оказался на земле, лицом в пыли. Он был настолько удивлен тем, что с ним произошло, что не только забыл про боль, но даже не вскочил сразу на ноги, а только поднял голову и посмотрел на Звягинцева. Тот весело скалил зубы. Он ничего не понимал, да и не хотел понимать, так как тупой мозг хулигана был полностью поглощен двумя чувствами – унижением и яростью. Эта взрывоопасная смесь заставила его вскочить на ноги.

– Все! Умри, падла!

Выхватив заточку, он кинулся на Костю, а уже в следующую секунду Гвоздю показалось, что его правая рука попала в железные тиски. Он охнул от боли, и на его глазах показались слезы. Ничего не соображая от дикой злобы, Семен рванулся всем телом, пытаясь вырваться из захвата, и наткнулся боком на острый стальной штырь. Огненно-острая боль опалила его изнутри словно огнем.

– Ты, сука... А-а-а! – но уже в следующую секунду дикая боль, задавив в нем все чувства, заставила его громко и хрипло застонать. Он бросил взгляд вниз и увидел кровавое пятно, расплазающееся по рубашке, и свою руку с заточкой, торчащей в боку. Гвоздь хотел вырвать ее, но тело уже не слушалось. Сначала он упал на колени, а затем завалился на бок. Он даже не сознавал, что умирает. Последнее, что его мозг отпечатал в своей памяти, это были белые парусиновые туфли, находящиеся в шаге от его лица. Тело в агонии дернулось в последний раз и замерло на горячей от полуденного жаркого августовского солнца земле.

Я быстро огляделся по сторонам. Никого не было. Так оно и должно быть, что здесь делать мальчишкам в полуденную жару, когда рядом речка.

«Свидетелей нет. Ну и славно».

Обогнув тело, я быстро зашагал по залитому жгучим августовским жаром пустырю, заросшему чертополохом и лопухами. Поплутав по улочкам, нашел скамейку в тени дерева и уселся. Кое о чем следовало подумать, так как у меня и в мыслях не было доводить дело до подобного финала, но это случилось, а значит, в чем-то был мой просчет. Теперь требовалось понять, в чем ошибка, чтобы не допустить подобную оплошность в следующий раз. Сделано было все правильно. Тактически верно провел прием, исходя из тщедушного сложения Кости Звягинцева, фактора неожиданности и четкого знания приема. Вывернув Гвоздю руку, хотел ткнуть подонка носом в пыль, затем сломать руку, чисто в воспитательных целях. Вот только прошло все не так. Причина могла быть только в одном: мои рефлексy, навыки и опыт рукопашного боя вступили в противоречие с физическими возможностями доставшегося мне тела.

Труп спустя несколько часов нашли мальчишки, и вскоре новость облетела весь городок. Власти и население три дня лихорадило, искали убийцу, но судя по слухам, которые стремительно разлетались среди жителей, милиция его вряд ли когда-нибудь найдет. К тому же в одном из вариантов народных новостей злостный хулиган Семен Жигун по кличке Гвоздь фигурировал как самоубийца, убивший себя собственной заточкой. Естественно, что следствие такой вариант даже не рассматривало, так как эксперты определили совершенно точно, что тому помогли умереть. Это также подтверждали следы другого человека, найденные у трупа. Вот только эта улика никак не могла помочь следствию: в таких парусиновых туфлях на резиновом ходу ходили две трети городка, как мужчины, так и женщины. Кроме того, не было у следователя Дмитрия Вадимовича Степанкова и мотива преступления, поэтому тот решил остановиться на одной-единственной версии, которая должна была всех устроить: Гвоздь перешел дорогу кому-то из блатных, и тот, как говорят уголовники, «поставил его на перо». Сейчас следователь сидел в кабинете и в уме формировал заключение по этому делу, но додумать окончательно ему не дал зазвеневший на его столе телефон.

– Следователь Степанков слуш... Да, товарищ начальник! Так это... я дело Жигуна сейчас оформляю. Семен Жигун по кличке Гвоздь! Куда засунуть? А! Понял! Закрyть и забыть! Так точно! Сейчас выезжаю!

Следователь положил трубку, потом посмотрел в окно, за которым разгулялась гроза, и поморщился. Меньше всего ему сейчас хотелось выходить на улицу, под проливной дождь, но был прямой приказ начальника, тем более что пострадавший, получивший ножевое ранение в пьяной драке, являлся членом партии. При этой мысли следователь снова поморщился. Он очень не любил вести дела с политическим оттенком. Хотя времена «большой чистки» вроде прошли, но то, что следователь Дмитрий Вадимович Степанков пережил за те годы, оставило в его душе неизгладимый отпечаток страха, который нет-нет да и начинал шевелиться, отравляя ему жизнь.

Глава 2

Махнув рукой родителям в последний раз из-за плеча проводника, я прошел в вагон, положил чемодан на багажную полку, сел и облегченно выдохнул воздух.

«Теперь не скоро их увижу. И это радует».

Чувства к ним у меня были смешанные. Они были хорошими людьми, и я старался делать все, чтобы их не огорчать, но с другой стороны, общение с ними давалось с таким трудом, что к вечеру появлялось ощущение, аналогичное тому, словно целый день ходил по минному полю с завязанными глазами. Со стороны выглядит вроде все хорошо. Ты знаешь привычки, жесты, любимые словечки этого юноши, но сочетать их вместе со своими привычками, которые так и рвутся из тебя, очень и очень сложно. Недаром мама нередко бросала на меня испуганные взгляды, когда ее сын временами становился чужим и непонятным.

Спустя четыре часа поезд прибыл в Москву. Доехав до Сокольников, где находился институт, я отправился в секретариат, где занялся оформлением документов и получением койки в общежитии. Вновь прибывшие студенты с возбужденно-радостными лицами бегали туда-сюда, суеились, задавая все новые и новые вопросы. Я снисходительно смотрел на них с высоты своего солидного возраста и внутренне усмехался. Быстро оформил нужные документы, после чего отправился в общежитие.

Вошел в комнату на первом этаже, которая станет отныне моей на ближайшие четыре года. Стоп! На один год. Дальше война... Огляделся. Большая комната с одним-единственным окном, соответствующим помещению, таким же огромным, шириной где-то два с половиной метра. Восемь железных кроватей, расставленных вдоль стен, и рядом с каждой – низенькая тумбочка. Посредине стоял длинный голый стол и невзрачные, расшатанные стулья, а с потолка свисали три лампочки без абажура. Оглядев комнату, подумал, что к такому спартанскому набору мне не привыкать, почти та же казарма, хотя в душе хотелось комфорта, к которому я успел привыкнуть за свою вторую половину жизни. Не успел я выбрать себе кровать, как в комнату вошли трое парней. Первый, плотного сложения парень с густой гривой волос, быстро obeжав меня снисходительным взглядом, подошел и протянул руку.

– Давай знакомиться! Дмитрий Егошин!

– Костя, – я осторожно пожал грубую и крепкую ладонь сокурсника. – Звягинцев.

– Что, Звягинцев?! Будем строить новую, пролетарскую культуру?! Ты как, с нами?

– Там видно будет, – усмехнулся я.

– Нет! Так не пойдет! Ты или с нами, или против нас! Советским людям нужно свое искусство! Свои писатели и поэты! Маяковский и Горький – это наши маяки, на которые мы должны держать направление! Они заложили основу пролетарского искусства, а нам нужно как можно больше развернуть поднятое ими знамя рабоче-крестьянской культуры! Именно нам, молодежи страны Советов, предстоит внедрять комсомольско-коммунистическую культуру в народные массы! Только так мы...

«Самодовольный и наглый ублюдок. Бедная культура...»

Больше не слушая его болтовню, я направился к двум парням, стоявшим посредине комнаты с ехидными улыбками на лицах, при этом с удовольствием констатируя, что пламенная речь за моей спиной резко оборвалась. Один из ребят, с рыжими кудрями и веселыми глазами, поставил чемодан на пол и, больше не сдерживаясь, весело рассмеялся. Похоже, на нем уже опробовал свое ораторское искусство носитель новой пролетарской культуры. Не успел я подойти, как он протянул руку.

– Петр, – представился он. – Мой дед и отец – речники. Вся их жизнь с Волгой связана, а я вот в литераторы решил податься. Внештатным корреспондентом целый год работал. Писал под псевдонимом Товарищ Речник, а фамилия моя – Трубников.

– Рад знакомству. Костя. Буду изучать историю искусств.

– Александр Воровской, – представился второй юноша, подтянутый, спортивного вида. – Тоже буду изучать историю искусств.

– Костя Звягинцев, – в очередной раз представился я.

В следующую секунду дверь снова открылась, и вошли новые жильцы нашей комнаты.

После того, как все перезнакомились, мы толпой отправились на поиски столовой, а пока шли, я прокручивал в голове цифры.

«Родители дали мне с собой четыреста рублей, стипендия – сто сорок рублей, обед в студенческой столовой стоит, как говорят ребята, тридцать пять копеек, так что с голода точно не умру. Три рубля в месяц за общежитие. Сюда входит пользование душем, кухней и смена белья два раза в месяц. За еду и крышу над головой можно не беспокоиться. Правда, быт уж больно спартанский, а я как-то привык к хорошей жизни. Ладно. Там видно будет».

Прошло две недели. Учеба не напрягала, так как Костя Звягинцев имел основательный запас знаний. Из ребят по комнате я ближе всех сошелся с Александром Воровским. По трем причинам. Во-первых, это был спокойный и немногословный парень. Как и я. Во-вторых, мы оказались с ним в одной группе, а третьей и главной точкой соприкосновения стало знание немецкого языка. Дело в том, что огромный недостаток обучения иностранным языкам в институте заключался в том, что оно не предполагало необходимости живого контакта с носителями изучаемого языка, и студенты умели свободно читать на иностранном языке, но при этом разговорная речь у них изрядно хромала. Саша, как оказалось, отлично владел немецким разговорным языком, причем с ярко выраженным берлинским акцентом. Как я узнал намного позже, он был сыном одного из работников посольства в Германии и прожил там ни много ни мало шесть лет. Спустя какое-то время его отец был уличен в любовных связях с другой женщиной, одной из секретарш посольства. Скандал по этому поводу поднимать не стали, а вместо этого всех выслали обратно в Союз. Спустя полгода его родители развелись. Мать стала работать преподавательницей немецкого языка в одном из московских институтов, а еще спустя год вышла замуж за одного из профессоров. Прошло еще какое-то время, и до них дошло страшное по тем временам известие: его отца, работника МИДа, объявили врагом народа и дали восемь лет лагерей.

Жизнь за границей сделала Сашу Воровского строгим и сдержанным на слова, несмотря на его детский возраст. Когда он повзрослел, этому стало способствовать его прошлое: отец – враг народа. Многие из студентов, не зная его толком, считали это надменностью – пережитком прошлого и барскими замашками. Даже как-то на одном комсомольском собрании ему поставили это в вину, заявив, что настоящий комсомолец должен быть простым и открытым в общении.

За время скитаний в прошлой жизни я стал неплохо изъясняться на английском языке, да и моя жена его отлично знала, так что разговорный язык был у меня на хорошем уровне. В этом времени, благодаря Костиным родителям, я знал немецкий и французский языки. Это был немалый плюс. Здесь знание нескольких языков уже само по себе было хорошим заработком, дававшим заработать не только на бутерброд с маслом, но и на толстый слой красной икры. Когда выяснилось, что из нашей комнаты только двое владеют иностранными языками, мы с Воровским частенько разговаривали на немецком языке, на зависть остальным студентам.

Имея приличный багаж знаний, которых мне должно было хватить на первый год обучения, я собирался все свое свободное время посвятить как общей физической, так и специальной подготовке. Основы бойцовской практики и наработки у меня были, так что дело осталось за малым – усиленно тренироваться. Другой мир, другое тело, а цель – одна. Стать сильным, выносливым и ловким. Стать снова хищником. Парк и лес, простиравшийся сразу за институтом, стали отличным полигоном для моих тренировок, а чтобы иметь партнеров по спаррингу, я стал ходить на тренировки по боксу и самбо. При этом сильно уставал, но вот только отдох-

нуть или лечь пораньше в студенческом общежитии было практически невозможно. Буквально каждый вечер шло обсуждение последних новостей, выливаясь в споры и дискуссии. Обсуждение мировых новостей, радость успехам передовиков производства и сельского хозяйства, критика и осуждение нравов капиталистического мира, яростные споры о будущем страны Советов – все это мне было абсолютно неинтересно, но при этом надо было поддерживать имидж советского студента, а значит, участвовать.

Со стороны института на меня пытались навесить общественные нагрузки, заставляли ходить на политучебу и выполнять поручения комсомольской организации. Так как они покушались на мое личное время, я всячески старался избегать подобных поручений, но при этом нередко было смешно, когда я читал очередной плакат-объявление, в этот раз зовущий на собрание в поддержку угнетенных народов Африки. Я уже был на полпути к выходу, как мне дорогу перегородила Маруся Стрекалова, краснощекая, пышная телом, секретарь нашей комсомольской организации.

– Звягинцев, ты куда направился?!

– На тренировку.

– Как ты можешь свои личные интересы противопоставлять общественным! Каждый советский студент должен осудить звериную сущность капиталистического отношения к угнетенным народам Африки! Или ты, Звягинцев, другого мнения?!

– Ты мне лучше, Маруся, скажи другое: ты хоть одного живого негра видела?

– Нет! Но это не значит, что я не должна бороться за их свободу и независимость! И скажу тебе прямо, Звягинцев, как комсомолец комсомольцу, от твоих слов пахнет гнилым индивидуализмом! Мне уже не раз докладывали, что ты нередко избегаешь общественных мероприятий и отказываешься от нагрузок! Ты комсомолец, Звягинцев, и живешь в советском обществе! Ты не можешь...

Я не стал ничего говорить, а вместо этого быстро и неожиданно протянул руку и легонько ущипнул ее за крупную грудь, которая просто распирала ее кофточку, при этом был готов отскочить, если она попытается ударить меня, но вместо этого она неожиданно ойкнула и густо покраснела. Воспользовавшись замешательством девушки, я быстро обошел ее и продолжил свой путь. После этого случая Маруся на ближайшем собрании поставила вопрос о моем махровом индивидуализме, и мне стало понятно, что от меня просто так не отцепятся, после чего я принялся изображать активную деятельность. Все это заставило меня задуматься о том, что необходимо найти более спокойное место для проживания, но самый лучший вариант: снимать комнату или квартиру, что в перенаселенной Москве обходилось очень дорого.

«Пора искать способ для получения денег, – решил я. – Причем не откладывая».

Всю первую неделю гулял по Москве. Город казался... Нет, не чужим, но очень непривычным для моего глаза. Много старых домов с обвалившейся лепкой и потрескавшимися стенами, церквушки, превращенные в мастерские; угловатые и скучные, словно по линейке выстроенные стояли современные здания. На улицах было непривычно мало транспорта, зато они были полны народа. У магазинов покупатели звенели молочными бутылками и металлическими бидончиками, из дверей вкусно пахло свежим хлебом, а витрины были заставлены пирамидами консервных банок. Странно и непривычно смотрелись деревянные кабинки телефонов-автоматов и тележки с мороженым. И опять плакаты. Они были повсюду. Нередко с ликом Сталина. Их можно было найти почти во всех витринах магазинов, причем все они были отобраны строго по тематике. На продовольственном магазине красовался плакат, на котором седоусые колхозники вручали вождю плоды своего труда, снопы пшеницы и корзины с фруктами. Промторг был украшен плакатом, где вождь ласково улыбался детям, а в витрине книжного магазина великий мыслитель склонился над столом с ручкой в руке, где фоном была обложка книги «Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных

статей и речей». Разбавляла изобилие ликов всенародного вождя реклама, приглашающая есть крабов, покупать облигации государственных займов и туалетное мыло «Рекорд».

«В сберкассе денег накопила – путевку на курорт купила», – повторил я про себя слоган рекламы, висящий на стене дома, мимо которого сейчас проходил. На большом плакате была нарисована женщина с довольным лицом и со сберкнижкой в руке, а за ее спиной красовался кусок черноморского побережья.

«Насчет денег... надо серьезно подумать, – в который раз я вернулся к этому больному для меня вопросу. – То, что нам дают в студенческой столовой, едой можно назвать с большой натяжкой. Мне лично, чтобы запихнуть в себя их обед, надо три дня поголодать. Не меньше. Только как быть с деньгами?»

Планы, как добыть деньги, у меня были, причем конкретные, только вот время для осуществления моих проектов еще не настало. Дело в том, что, работая в Госархиве МВД, я иногда держал в руках уголовные дела и, естественно, время от времени заглядывал в них. Всю эту информацию, которая осталась в памяти, я около недели перекладывал на бумагу, потом долго и тщательно сортировал. Из всех этих обрывков мне удалось собрать три эпизода, которыми я мог воспользоваться, вот только первый из них станет возможным 4 декабря 1940 года, а другие и того позже. Был у меня еще один привлекательный и простой способ разжиться деньгами. Взять на гоп-стоп инкассатора.

Так как официальная идеология страны Советов гласила, что преступность порождается социальными условиями, которых при Советской власти нет, а значит, с ней вот-вот будет покончено, ни в газетах, ни в журналах, ни в книгах – нигде не упоминалось о работе милиции. Да и чего о ней писать, если в советском обществе остались только хулиганы, дебоширы и пьяницы: наверное, поэтому по городу так спокойно сновали между отделениями госбанков и предприятиями инкассаторы, имея в кобуре револьвер, а за спиной мешок денег.

«Прямо как Дед Мороз с мешком, виноват, портфелем, полным подарков, – подумал я, глядя вслед невысокому полному мужичку в очках, шляпе и револьвером на боку, который пару минут назад вышел из отделения госбанка и сейчас неторопливо шел в свою организацию с набитым деньгами портфелем. – Ладно. Это пока не критично. Есть и другие дела».

Несмотря на свое язвительное отношение к окружающей меня реальности, я уже несколько раз приходил на Красную площадь, смотрел на красный флаг, на высокие стены и окна дворца, возвышающиеся над зубчатой стеной, и думал о том, что можно сделать в этой ситуации.

«Война неизбежна, но есть время хоть частично исправить последствия ужасной катастрофы. Попробовать пробиться к Сталину?»

Эта мысль мелькала у меня не раз, но реального воплощения так и не получила по ряду причин. Из того, что мне довелось видеть и слышать в этом времени, нетрудно было сделать кое-какие выводы, проанализировав которые, можно получить возможный вариант исхода подобной встречи. Предположим, что я попаду на прием к высшему руководству и расскажу историю развития государства строителей коммунизма. Предположим, что мне поверят. Вот только какому из партийных бонз сможет понравиться этот рассказ? Тут и сейчас за менее крамольные высказывания дают десять лет лагерей, да еще без права переписки. Да что там далекое будущее?! Если им рассказать правду о войне, которая через год начнется, то меня через пять минут расстреляют, потом выкопают и снова расстреляют. Единственный шанс что-то исправить в этой ситуации – это только личный разговор со Сталиным. Только он все решал в этой стране. Если он и поверит мне, то постарается получить информацию лично для себя, чтобы в дальнейшем использовать к своей выгоде. Да и зачем великому вождю и учителю народов человек в его окружении, который знает больше него? После того как источник информации иссякнет, он станет ненужен. Это логично, а главное, правильно. Ведь если я останусь в живых, автоматически расширится круг людей, знающих о приходе из будущего, со време-

нем этот круг будет становиться все шире и шире, а значит, в народ может просочиться вредная для него информация, идущая вразрез с линией правящей партии.

Как солдат я им не нужен. Мои знания в сфере развития сельского хозяйства и экономики равны нулю. Если только конструирование оружия. Материальную часть оружия, начиная с автомата Калашникова и заканчивая известными иностранными марками, я знал досконально, как знал их сильные и слабые стороны. Тогда, возможно, на год, от силы на два, продлится мое существование.

Если реально смотреть на вещи, то я им нужен так же как зайцу знак «стоп». Нет человека – нет проблем. Сталин и его окружение уже получили и еще будут получать информацию о нападении Германии на Советский Союз. А прислушались они к ней? Нет. Вот и ответ на мой вопрос. Так что живи спокойно, советский комсомолец Костя Звягинцев, потому как совесть твоя чиста.

Только я успел так подумать, как заметил двух людей, которые целенаправленно двигались в мою сторону.

Странно. Стою, смотрю, никого не трогаю. В чем проблема?

То, что это люди из охраны Кремля, я определил еще на расстоянии. Крепкие, плечистые. От них исходил запах опасности, как от диких зверей. Уходить было нельзя. Зачем поднимать волну лишних и ненужных подозрений? Пока один подходил ко мне, второй сотрудник, сдвинувшись влево, остановился и застыл от меня в трех шагах, держа руку в оттопыренном кармане пиджака. Сотрудник госбезопасности, подойдя ко мне, спросил:

– Гуляешь, парень?

В его голосе не было ни намека на угрозу, только ленивый интерес, но так может показаться только постороннему человеку, но не мне. В глубине его глаз сидят внимательность и настороженность, которые ловят каждое мое движение, как лица, так и тела.

– Гуляю. Мне нравится по Москве ходить. К чему этот вопрос, товарищ?

– Не первый раз здесь гуляешь? – он просто отмел мой вопрос, не считая нужным отвечать на него.

– Третий, – растерянным голосом произнес я. – А в чем дело, может? скажете наконец?

– Вот и мы заметили, что ты зачастил сюда. Стоишь и словно что-то высматриваешь.

– Не высматриваю, а просто смотрю. Мне нравится тут бывать.

– Нравится, – повторяет он за мной и начинает быстро и ловко похлопывать меня по бокам, затем по карманам куртки.

– Зачем вы это делаете? – воскликнул я, при этом делая наивно-растерянное лицо.

– В портфеле что?

– Учебники, конспекты...

– Студент? Документ с собой есть?

– Да. Есть, – теперь я придал себе испуганный вид. – Вот.

Он быстро пробежал глазами мой студенческий билет, потом вернул его мне. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, пока он насмешливо не сказал:

– Чего стоишь?! Беги! Учись, студент!

– Спасибо. Я пошел.

Развернувшись, быстро зашагал. Я шел и чувствовал на своей спине взгляд кремлевского охранника.

Выйдя из института, я отправился прогуляться, так как до тренировки было больше двух часов. Чисто автоматически изучал и заносил в память карту района: улицы, проходные дворы, тупики, скверы, при этом отмечая наиболее выгодные места засад, пути отхода. Все это проходило у меня между делом, совершенно не мешая мне радоваться свежему по-осеннему ветерку и теплоте солнечному дню. Идя, смотрел по сторонам, при этом внимательно огляды-

вая фигурки наиболее симпатичных девушек. Женским вопросом я тоже собирался заняться, но только в порядке очереди. Только я свернул в проулок, как меня обогнал парень в модной двухцветной спортивной куртке. Мне его доводилось видеть в институте. Он учился на нашем факультете, только в другой группе. Симпатичный, веселый парень, вечно окруженный смеющимися девушками. Скорее всего, он был москвичом, так как в общезнании я его ни разу не видел.

«Мне бы тоже такая курточка не помешала», – только я так подумал, как из полутемной арки показались представители местной прибалтийской шпаны, идущие наперерез владельцу симпатичной куртки. Судя по тому, что они шли парню наперерез, их посетила такая же мысль, как и меня. На головах у них, по последней бандитской моде, кепочки-малокозырки, на ногах – «прохоря» с голенищами гармошкой. Судя по перстню, наколотому на пальце идущего впереди босняка, тот уже отбыл один срок по малолетке. У всех троих лица слеplены словно по одному трафарету: наглые, с прищуром, глаза, в уголках губ примятые папироски, а на передних зубах поблескивают металлические фиксы.

Было около двух часов рабочего дня, поэтому народу в переулке было немного, на что, очевидно, и рассчитывали грабители. Главарь остановился перед студентом, загородив ему дорогу.

– Кореша, глянь, какой у пацана клифт богатый.

Один из его поделщиков тем временем зашел за спину жертве, а третий остался стоять за спиной главаря. Студент попытался развернуться, чтобы уйти, но был остановлен грубым тычком в спину и замер, оглядываясь по сторонам в поисках помощи. Вот только рассчитывать на нее не следовало. Солидный мужчина с портфелем, шедший впереди меня, стоило ему только увидеть эту троицу, сразу резко ускорил шаг и сейчас был далеко впереди, на выходе из переулочка. Стайка студенток, под залихватский свист босняка, стоявшего за спиной главаря, еще раньше перебежала на другую сторону дороги и быстро, не оглядываясь, зашагала прочь. Только старик в старомодном пенсне продолжал медленно идти по другой стороне, опираясь на палку, и, похоже, ничего не замечал вокруг. Получалось, что один я неправильно отреагировал на сложившуюся обстановку, продолжая идти, но при этом старался выглядеть как можно более безобидно, вжимая голову в плечи и смотря в землю. Судя по их ухмылкам и пренебрежительным взглядам, роль труса мне вполне удалась.

«Хорошо. Неожиданность присутствует, вот только против троих не потяну. Значит, надо их выбивать по одному. К тому же у главаря нож». Нож появился несколько секунд назад, так как жертва категорически отказывалась отдавать куртку, и теперь главарь, угрожая им, пытался затащить парня в темень арки. Я услышал, как он в притворной ярости, чтобы окончательно запугать жертву, угрожающе зашипел:

– Ты че, сучонок? Враз попишу! Рука не дрогнет!

В тот момент, когда я проходил мимо них, грабитель, стоящий за спиной главаря, решил, что пора как-то проявить себя, и шагнул мне навстречу:

– Ты, шкет дохлый! Чего здесь шляешься?! Ну-ка живо чеши отсюда!

При этом он замахнулся, ожидая, что я сейчас втяну голову в плечи и рысью помчусь от них подальше, но вместо этого носок моего ботинка впечатался ему между ног. Только он открыл рот, чтобы закричать, как получил широко открытой ладонью сильный удар в лоб и покатился по мостовой. Главарь, до этого не обращавший на меня внимания, резко развернулся в мою сторону, но больше ничего не успел сделать – мой локоть вошел в соприкосновение с его челюстью. Я еще успел услышать хруст сломанной кости, как его сразу перекрыл вопль боли босняка, который сейчас лежал на земле, скорчившись и держась за причинное место. Своим криком он словно привел в чувство третьего налетчика, который до этого ошеломленно замер, широко открыв глаза от удивления, но только я успел шагнуть в его сторону, как он кинулся бежать. Я быстро посмотрел по сторонам. Никого не было, только старик стоял на

противоположной стороне и подслеповато шурил глаза на лежащие тела. Вслед за ним я тоже obeжал их взглядом. Главарь, хорошо приложившись затылком о брусчатку, лежал, потеряв сознание. Второй грабитель тихо выл, глядя на меня испуганными глазами.

Я нагнулся и подобрал нож, выпавший из руки главаря. Быстро оглядел. Ничего особенного, но в хозяйстве может пригодиться. Сунул его в сумку, а затем повернулся к студенту, все еще стоявшему на том же месте и ошеломленно глядящему то на меня, то на своих грабителей.

– Чего зенки пialiшь? Пошли отсюда быстрее!

Тот, еще только приходя в себя, несколько раз автоматически кивнул головой, затем осторожно обошел лежащее на земле тело главаря и поспешил вслед за мной. Идя, я начал мысленно анализировать схватку, заодно ставя оценки своей подготовке. К этой драке меня подтолкнули не благородные побуждения, а желание изучить в действии реальные возможности своего тела. Переулок тихий, народу практически нет, да и противники были равны мне по силе – ну как тут не соблазниться такой возможностью.

Не успели мы свернуть за ближайший угол здания, как парень вдруг сбивчиво заговорил:

– Слушай, а я тебя знаю! Видел в нашем институте. Все произошло так неожиданно... Ты здорово дерешься! Бац, бац – и готово! Я никогда...

– Скажи мне спасибо. И будь здоров.

– Да погоди ты! Я ведь тебя даже толком не поблагодарил!

– Тогда быстрее благодари и разбежались.

– Послушай! Так будет не правильно. Не по-человечески. Давай хотя бы познакомимся. Меня зовут Костя, – и протянул мне руку.

Я усмехнулся и пожал руку.

– Здорово, тезка.

Теперь пришла его очередь улыбаться.

– Предлагаю отметить наше знакомство. Ты как?

– Нет. Мне сегодня идти на тренировку.

– Так ты боксом занимаешься?!

– Вроде того.

– Жаль, – он на несколько секунд задумался, потом его лицо просветлело, и он почти выпалил: – Слушай, а приходи к нам сегодня вечером домой!

– Зачем?

– Чаю попьем, – и тезка хитро, словно с намеком, усмехнулся, – с бутербродами.

Есть мне хотелось постоянно и желательно вкусно, а так как в институтской столовке кормили скудно и по большей части невкусно, аргумент показался достаточно веским, чтобы сходить в гости.

– С бутербродами, говоришь? Уговорил! Давай адрес.

Как оказалось, жил он недалеко отсюда, в трех трамвайных остановках от института, в старом доме еще царской постройки. Жил тезка хорошо, даже, можно сказать, богато, если исходить из того факта, что у его отца была трехкомнатная квартира, и это в Москве, где более семидесяти процентов населения ютились в коммунальных квартирах, в которых проживало от трех до семи семей.

В прихожей висело на стене длинное зеркало в ореховой раме. В углу стояла вешалка, опирающаяся на три массивные ноги. Переступив порог, я вошел в гостиную и сразу обратил внимание на большой, солидный, темно-вишневого оттенка, с красивыми резными цветочками на дверцах буфет. В центре комнаты стоял стол, накрытый плюшевой скатертью темно-вишневого цвета с бахромой. Обивка четырех стульев полностью соответствовала цвету скатерти. Над столом свисала с потолка лампа в оранжевом матерчатом абажуре и такой же бахромой. В одном углу на широкой тумбе стоял громоздкий и квадратный по форме радиоприемник, подмигивающий зеленым глазком, в другом – патефон с набором пластинок. Стандартная

обстановка зажиточной семьи, если не считать хозяйки квартиры. У нее, совершенно точно, была нестандартная, яркая и живая внешность. В лице и фигуре, если брать по отдельности, нетрудно было заметить некоторые излишества, но все вместе это смотрелось настолько привлекательно и соблазнительно, что я внутренне облизнулся. И так несколько раз. Большие пухлые губы. Огромные черные глаза. Тугие покатые бедра. Целую минуту я пытался понять, кто она и что здесь делает. Что это была не сестра Костика, это и ежу ясно. Хотя по годам красавица недалеко от него ушла.

– Что? Гадаешь? – усмехнулся Костя, который, видно, каким-то образом сумел прочитать мои мысли.

Не успел я ничего сказать, как это небесное создание подошло ко мне и томно протянуло свою нежную ладошку.

– Олечка.

Она так странно отрекомендовалась, что я на пару секунд растерялся.

– Звягинцев. Костя.

Потом, неожиданно для себя, взял ее ручку и, чуть склонившись, поднес к губам. Поцеловал. Отпустил ее руку и, глядя ей прямо в глаза, сказал:

– Вы очень вкусно пахнете, Олечка.

Та усмехнулась:

– Интересный комплимент. Ребята, вы пока поговорите без меня, а я схожу на кухню. Надо же проявить себя хоть немного хозяйкой.

Не успела она уйти, как я сразу уставился на тезку вопросительным взглядом. Костя весело улыбнулся и негромко сказал:

– Посмотрел бы ты на себя со стороны. Впрочем, почти все так реагируют на Олечкины прелести. Стоят столбом и жадно пожирают ее глазами.

– Это твоя...

– Не моя, а моего папаши. Его жена. Почти пять месяцев. Все понятно?

– Гм. Понятно. А ты как?

– Нормально, – пожал плечами тезка. – Я...

В эту минуту в комнату вплыла с тарелкой бутербродов Олечка.

– Ну что, мальчики, успели обсудить меня? Или вам дать еще время?

Ее улыбка была мягкая, нежная и какая-то трогательная. Я невольно почувствовал, что начал таять под ее обволакивающим взглядом. Потом мы пили вино, ели бутерброды, слушали музыку и весело болтали. Олечка умела слушать, непринужденно говорить на различные темы, весело и заразительно смеяться. Через пару часов я стал прощаться, так и не дождавшись отца Костика. Тезка неожиданно вызвался проводить меня до остановки.

– Как тебе супруга моего папаши? – спросил он меня, стоило нам выйти из подъезда.

Костик не умел пить и сейчас выглядел охмелевшим. Это чувствовалось по не совсем твердому шагу и такой же речи.

– Студентка, комсомолка, спортсменка, наконец, она просто красавица! – ответил я ему фразой из фильма, который выпустят еще лет через тридцать.

– Почему спортсменка?

– Просто так сказал. Не обращай внимания.

– Насчет студентки ты угадал, – сообщил он.

– А твоя мать где?

– Ушла от отца шесть лет назад. Надоели ей любовницы моего папаши. Я сначала с ней жил, но потом она вышла замуж и... уехала в другой город. Пришлось переехать к отцу. Полтора года прожили вместе, а потом появилась она. Окрутила его настолько быстро, что он, наверное, это понял, когда они зарегистрировались.

Как я узнал позже, его мать действительно вышла замуж за директора какой-то базы, но прожили они вместе недолго. Спустя год или полтора ее мужа обвинили в воровстве и дали четыре года с конфискацией всего имущества, и как следствие, у них появились трудности, как с жильем, так и с деньгами, после чего мать отправила Костика к отцу.

– Сколько ей лет?

– Месяц тому назад двадцать два исполнилось, а папаше моему вот-вот сорок пять стукнет. – Какое-то время он молчал, потом снова заговорил: – Умеет она себя подать. Да?

– Нелегко тебе приходится, Костик, – усмехнулся я. – Никак к ней не подступиться? А ведь пробовал! Да?

– В точку, – пьяно усмехнулся тезка. – Все сразу понял.

– Кстати, а кто у тебя отец?

– Профессор в Московском педагогическом институте. Занимается научной подготовкой аспирантов на кафедре марксизма-ленинизма. Куча печатных работ. Окончил в свое время Институт красной профессуры.

Неожиданно он остановился.

– Знаешь, наверное, я домой пойду. Не обижаешься?

– Нет. Пока.

Свежий, но не холодный ветерок приятно обдувал лицо. Вино слегка шумело в голове, давая некоторую воздушность мыслям, поэтому, секунду подумав, я решил продлить свое умиротворенное состояние и пройти пешком. Одну остановку. Правда, не вдоль извилистого трамвайного пути, а надумал срезать угол и идти напрямик. Сначала улица шла между двух-этажными бараками, которых полно на окраине города. В окнах горел свет. Через открытые форточки были слышны голоса, смех, музыка вперемешку с шипением патефонных пластинок. Где-то в глубине дворов раздавалось шальное, залихватское пение под гармошку. С другой стороны улицы, из-за домов, послышался дребезжащий электрический звонок трамвая, идущего по маршруту. Скоро дома закончились, и показались развалины какого-то заводика или цеха. Проходя по пустырю, среди россыпей битого кирпича и обугленных бревен я пошел осторожно, напряженно вглядываясь под ноги. Того и гляди ногу подвернешь! Городской гул как-то сам собой отдалился, стал тихим и невнятным – наверное, поэтому я услышал тихий плач.

«То ли женщина, то ли ребенок», – определил я и направился в сторону звуков.

Как ни старался осторожно идти, все равно нашумел. Выйдя из-за частично развалившейся стены, я обнаружил маленький костер и что-то типа лежанки, собранной из двух обломков досок, на которых лежало какое-то тряпье. Огляделся, но никого не заметил, зато сразу почувствовал, что за мной наблюдают.

– Выходи. Не бойся. Ничего тебе не сделаю.

В ответ тишина. Тут я вспомнил, что перед моим уходом хозяйка дома, Оленька, сунула мне в портфель бутерброды. Сел на доски, открыл портфель и достал сверток. Развернул. Понюхал, после чего изобразил блаженную улыбку и сказал:

– Ох, и вкусно пахнет! – Выждал минуту и снова сказал: – Если есть будешь – поделюсь.

За обломком кирпичной кладки кто-то зашевелился, потом поднялась маленькая фигурка, но подойти так и не решилась.

– Как хочешь. Уйду, голодным останешься.

Фигурка сделала несколько шагов, потом еще несколько. Теперь я разглядел хозяина ночлега. Это был мальчишка лет девяти-десяти. Под его левым глазом лиловел синяк.

– Ничего я тебе не сделаю, – я протянул ему бутерброд. – Бери.

Он сделал шаг вперед, выхватил у меня из руки бутерброд и сразу отскочил назад, после чего впился в него зубами и стал быстро жевать, не отрывая от меня взгляда. Я подложил немного обломков досок в огонь, после чего спросил:

– Вкусно?

Парнишка согласно закивал головой.

– На! Держи еще. И садись к огню.

Паренек взял второй бутерброд, сел и сразу принялся за еду. Прожевав последний кусок, усталился на мой портфель. Я усмехнулся.

– Извини, парень. Больше у меня нет. Давай знакомиться. Меня Костей зовут. А тебя?

– Миха.

– Михаил, значит?

Он опять закивал головой. Я уже оглядел его и составил о нем свое мнение. Он был не беспризорником, так как, несмотря на дешевизну и грязь, одежды были явно не на помойке подобраны. Да и по размеру подходили. Очень бедная семья или... детдом. Если бы семья, то он бы здесь не ночевал.

– Сбежал из детдома?

Он приподнялся, хотел вскочить, но так как я остался неподвижен, сел обратно.

– Ну, сбежал.

– Я сам когда-то жил в детдоме. Было и плохое, и хорошее. Ничего, вырос, человеком стал, – сказав это, сразу понял, что не то сказал. Это подросток может что-то понять, а но передо мной еще совсем малыш. По моим меркам.

– Тебе за что глаз подбили? Крысятничал?

– Я? Да никогда в жизни! Ни крошки ни у кого не взял! Зуб даю! – он прямо вскинулся, глаза заблестели.

– Верю. Верю. Так за что фингал получил? – спросил я его, но сразу добавил: – Не хочешь – не говори.

– Нас с Тимой, Серегу и еще других ребят Змей с парнями заставлял просить у прохожих деньги.

– Это взрослые парни?

– Старший отряд. В следующем году в фабрично-заводское училище будут поступать.

– Ты отказался, и они, чтобы запугать остальных, тебя избили. Так?

– Сказали, что каждый день бить будут, если не соглашусь просить.

Я задумался. Пойти и набить морды? В этом я не видел проблемы, но парнишке за мое заступничество потом прилетит еще больше. Вот если как брат...

– У тебя есть кто-то из родных?

– Мама.

– погоди! А чего ты тогда в детдоме?

У мальчишки сначала заблестели глаза, потом он захлопал носом. Я дипломатично молчал, зная по себе, что в его годы мальчишки считали позором «распускать нюни», особенно перед чужими людьми. Немного успокоившись, сдавленным голосом тот все же объяснил ситуацию. Оказалось, что его мать вышла замуж во второй раз и уехала строить новую жизнь, где-то на Урале. Обещала, как только устроится на новом месте, то обязательно заберет своего любимого сына к себе. Прошел уже год. Из родственников в Москве была тетя Зина, старшая сестра его матери. Она его навещала раз в месяц, приносила гостинцы.

– У нее дети есть?

– Два сына. Костя и Сергей. Еще Катя. Она тоже большая.

– Ее сыновья приходили к тебе?

– Нет. Зачем? Они же взрослые.

– Знаешь, где живет тетя Зина?

– Нет. Ни разу у них дома не был.

– Нет так нет. Завтра я тебя отведу в детдом и представлюсь твоим двоюродным братом. После чего поговорю со Змеем.

Мальчишка закрутил головой.

– Не. Так еще хуже. Ты, дядя, потом уйдешь, а меня...

Вешать на себя мне эту историю не хотелось, но любое дело надо доводить до конца. Это было одно из моих немногих жизненных правил, которые я никогда не нарушал.

– Навешать буду. Обещаю. – Я немного подумал и добавил: – Раз в неделю – точно.

Мишка повеселел, потом немного подумал и согласился. Забрал мальчишку, и мы поехали в общежитие. Увидев паренька, студенты засыпали меня и его вопросами. Узнав его грустную историю, собрались завтра всей комнатой идти бить морду Змею и его друзьям. Я успокоил их, сказав, что сам все решу. Поэтому утром, вместо лекций, поехал с парнишкой в детдом. Там меня радостно встретили, поблагодарили за найденного воспитанника, после чего я отправился искать Змея. Нашел во дворе, в компании еще двух парней. Культурно представился, после чего пояснил, что мне от него надо, а в ответ меня обозвали разными непечатными словами, но так как о педагогике я не имел ни малейшего понятия, то просто сломал Змею руку. Спустя минуту то же самое проделал с другим шустрым мальчиком, приятелем Змея, который попытался ударить меня самодельным кастетом. Третий малолетний хулиган решил не искушать судьбу и сбежал с поля боя. Кастет я забрал. На всякий случай.

Пришел через три дня. Мишка обрадовался мне, как родному.

– Как Змей? Угрожал?

– Нет. Только от него приходили. Сказали, что со мной разберутся.

– Хорошо. Придется снова поговорить.

Снова нашел Змея и пообещал сломать ему ногу и затем все остальные конечности по очереди, если у него и дальше будут претензии к Мишке. Судя по его испуганному виду, он воспринял мои слова серьезно, при этом клятвенно пообещал, что ничего подобного больше не будет.

– Остальных это тоже касается, – с этими словами я пробежал глазами по лицам стоящих рядом со Змеем парней.

Те, старательно избегая моего взгляда, только кивали головами в знак согласия.

Глава 3

Жизнь шла своим чередом. Ходил на лекции. Тренировался. Вот только возможностей заработать деньги, кроме как на разгрузке вагонов, не подворачивалось. Как ни странно, помог мне в этом деле, сам того не желая, Мишка.

Воспитанников младших отрядов из детдома отпускали только в том случае, когда за ними приходили родственники, но у Мишки был лучший друг, Тима-Тимофей, которого раз в две недели забирала бабушка. Вместе с ним она иногда забирала и Мишку.

Когда я пришел в очередной раз навестить паренька, то вдруг узнал, что тот лежит в медпункте детдома. Быстро сделав выводы, я уже начал искать Змея, как увидел, что навстречу мне летит Тима, лучший приятель Миши. Мы с ним были хорошо знакомы, да и историю со Змеем он хорошо знал.

- Дядя Костя! Дядя Костя! Мне с вами поговорить надо!
- погоди! Сначала я кое с кем поговорю, а уже...
- Да не он это, дядя Костя! Не Змей!
- А кто тогда?

Мальчишка хоть сбивчиво, но вполне понятно разъяснил, что случилось на самом деле. Оказалось, что в прошлое воскресенье они с Мишкой гостили у его бабушки Авдотьи. Придя, неожиданно увидели во дворе ее дома молодого мужчину, мывшегося во дворе над тазом. Середина октября месяца, а он моется и довольно улыбается. Увидев мальчишек, подмигнул и насмешливо спросил:

- Чего уставились, парни?
- Не холодно вам? – спросил его Мишка.
- Нет. Отец с детства приучил. В гости к бабушке?
- Ага, – оба закивали головами.
- Это хорошо, что я еще не ушел.

Он вылил воду, потом насухо вытерся и ушел в дом. Бабка, до этого молча стоявшая, неожиданно сказала:

- Это мой новый постоялец, малыцы, а теперь идите в дом. Кормить вас буду.

Мальчишки, гадая, что могут значить слова мужчины, пошли вслед за бабушкой Авдотьей. Только успели раздеться, как квартирант, уже одетый, вышел из своей комнаты. В одной руке он держал чемоданчик, а в другой – бумажный кулек.

- Это вам, пацаны.

В кулке были леденцы, которые парнишки тут же по-братски разделили. После обеда они отправились гулять и, как обычно, зашли на маленький рынок, где продавалась всякая всячина. Походили какое-то время, а затем остановились около женщины, которая продавала фарфоровых собачек. Мишке они так сильно нравились, что он никак не мог от них оторваться, а Тимофей, стоя рядом с приятелем, крутил головой и вдруг неожиданно заметил бабкиного постояльца. Тот остановился, поставил чемоданчик на землю и о чем-то начал оживленно разговаривать с мужчиной, который чем-то торговал. Вдруг Тимка увидел, как торговец откуда-то из-под прилавка достал такой же чемоданчик, что был у квартиранта, и стал его расхваливать. Дескать, купи, не пожалеешь! Тот достал деньги, протянул продавцу и забрал чемоданчик, а тот, что принес с собой, так и остался у продавца. Тимофей попытался объяснить Мишке, что случилось, но пока до того дошло, постоялец уже ушел с рынка. Они несколько раз прошли мимо продавца, но чемоданчика так и не увидели. Решили, что тот его спрятал. После чего еще немного погуляли и уже собирались идти домой, как по дороге встретили Степку, приятеля Тимофея, жившего через дом от его бабушки. Разговорились, затем стали играть в ножики. В

это время на улице появился квартирант. Проходя мимо, он улыбнулся, кивнул головой ребятам и пошел дальше. Чемоданчика в его руках не было.

– Я его у чертовых развалин вчера видел, – вдруг неожиданно сказал приятель Тимофей.

– Чертовых? Это где? – спросил Мишка.

– Да есть тут такие, – ответил ему Тимофей. – Дом большой каменный стоял, а потом взял и сгорел. Бабушка говорит, что хозяин дома был очень богатый, но богатство получил от черта, а когда тот пришел за ним, тот не захотел идти. Черт тогда разозлился и сжег его вместе с домом.

– Люди туда не ходят. Боятся, – подтвердил эти слова его приятель. – Говорят, что там иногда по ночам огоньки горят. Мать говорит, что это души незахороненных мертвецов.

– Далеко... развалины? – заинтересовался Мишка. – Сейчас светло. Давайте сходим, посмотрим!

– Не, не пойду, – сразу отказался Степка. – Мать узнала, что я вчера туда ходил, уши надрала.

– Если только посмотреть, – нехотя согласился с другом Тимофей.

Развалины подтвердили свое название. Мишка хотел забраться на стену, чтобы рассмотреть все сверху, но, забравшись до половины, сорвался. Просто чудо, что ничего себе не сломал, но сильно расшибся.

– Значит, живой?

– Живой, дядя Костя. Наш врач сказал, что через пару дней его выпишет.

– Веди, посмотрим на больного.

Посидел у его кровати, передал друзьям два небольших кулька. Один с повидлом, другой с конфетами-подушечками. Немного поговорили, и я ушел. Идя в общежитие, стал в уме прокручивать рассказы мальчишек.

«Прямо шпионская история. Если все так, то это работа для госбезопасности, а не для меня. Им за это деньги платят. Гм. Деньги... Интересный момент. Насколько я могу судить, то заброшенных агентов всегда снабжали большими суммами денег. То, что мне и нужно. Теперь надо продумать, как к нему половчее подобраться. Опыта подобной слежки у меня нет, и если он профи, то вычислит меня на раз. К тому же частный сектор, где все друг друга знают, и я буду здесь, как на ладони. К тому же в лицо его не знаю. М-м-м... Если только пойти в этом деле... не от шпиона, а от его чемоданчика. Ведь судя по словам мальчишек, можно предположить, что чемоданчик спрятан где-то в развалинах. Шпион сначала их осмотрел, нашел место для тайника, а на следующий день принес и спрятал чемоданчик там. Вот только будут ли там деньги? Найду, а там вместо денег динамит или радиостанция. Хотя нет, радиостанции сейчас большие, а чемоданчик, по словам ребят, небольшой. Может, оружие? Тоже неплохо. А что дальше? М-м-м... Шпиона – в расход, а остальное меня не волнует. Решено. Начинаем с чемоданчика».

На следующий день я отправился на рекогносцировку местности. Обойдя жилые дома стороной, осторожно подобрался к развалинам. Несколько минут понаблюдал за местом и решил, что это пепелище когда-то было усадьбой, окруженной парком. Дом сгорел и развалился, а парк со временем зарос, превратившись в лес. Осмотрев развалины более внимательно, решил, что лучшее место для тайника – это чудом сохранившийся кусок второго этажа в левом углу здания, ближе всего расположенного к деревьям. Вот только как на него забраться? С моего места забраться на него было нереально, поэтому решил сменить пункт наблюдения. Обойдя по широкой дуге, зашел с другой стороны и, став за деревом, стал наблюдать уже со стороны парка.

«Забраться можно. Вот только какой смысл в таком тайнике? Быстро не достанешь. Если только положить на длительное хранение? Хм. А почему я решил, что чемоданчик там? Может,

он его здесь, в лесу, закопал или в россыпи кирпичей запрятал. Хотя... может, подвал тут есть?»

Разгоряченный подобными мыслями, я невольно поддался авантюрному желанию найти чемоданчик прямо сейчас, хотя для первого раза планировал просто осмотреться на местности.

Подобравшись к развалинам, замер на какое-то время и стал прислушиваться. Окружающая тишина успокоила меня, после чего я стал взбираться по стене. Один раз нога сорвалась, и я с трудом удержался на стене, повиснув на руках.

Добравшись до площадки, я был мокрый от пота, хоть выжимай. Но интуиция не подвела. Чемоданчик оказался здесь, как я и предположил. Внимательно осмотрел его на предмет возможной ловушки, после чего взялся его открывать. Замки щелкнули. Откинул крышку, и мое лицо расплылось в довольной улыбке. Мечта сбылась! Оружие, деньги, документы, карты, как чистые, так и с пометками. На самом дне, в углу, лежал продолговатый бумажный сверток. Осторожно его развернул. Золотые царские десятки. Пересчитал: семнадцать штук. Вот это улов! Взялся за деньги. Четыре пачки номиналом пять рублей и две пачки номиналом три рубля. Пересчитал и принялся изучать оружие. Пистолет с глушителем немецкого производства. Несколько пачек патронов. Стоило мне взять в руку рубчатую рукоять, как у меня словно кровь по венам быстрее побежала. Усмехнулся про себя.

«Черного кобеля не отмоешь добела».

Последними я осмотрел две запечатанные пачки папирос «Беломорканал».

«Яд или наркотик. Все в цвет, только монеты никак не вписываются в набор шпиона. Нет, это хорошо, что я сюда зашел».

Искать новый тайник долго не стал. Нашел раскидистое дерево в гуще парка, забрался на него и повесил чемоданчик на одном из верхних суков. Спустился. Посмотрел. Скрытый за только начавшей желтеть листвой, чемоданчик был незаметен. В кармане лежала пачка пятирублевых, грея душу. Шел через рынок. Сначала приценился к сапогам. У следующего торговца спросил цену на табак-самосад. Немецкий агент стоял на своем месте, торгуя овощами. Картошка, капуста, свекла. Посмотрел на его руки. Пальцы грубые, крестьянские. С заусеницами и черными ободками грязи на ногтях.

«Крестьянин. Причем овощи явно с его огорода. Значит, местный, – тут у меня возникла новая мысль. – Смотрится как настоящий колхозник. Неужели так в образ вошел? Как-то не так я представлял себе шпионов. А так мужик сам по себе крепкий. В лоб даст, мало не покажется».

С этими мыслями я прошел мимо него и направился к выходу из рынка.

Спустя день я снова приехал, но уже под сумерки. Рынок сворачивался. Покупателей не было. Торговцы складывали свои товары и поодиночке разбредались в разные стороны. Дождался, когда шпион выкатит свою тележку с нагруженными на нее мешками, и последовал за ним. Спустя пятнадцать минут мне стало известно, где он живет. Собаки не было, но тут было все понятно. Зачем ему пес, который своим лаем перебудит всех соседей, когда к нему наведается ночной гость. Выждал еще какое-то время, потом зашел к дому сзади. Забор был ветхий, того и гляди, что рухнет подо мной. Но обошлось без шума. Осторожно подкрался к светящемуся окну и заглянул в щелку между занавесками. Хозяин закусывал. На столе была миска, из которой тот пальцами доставал капусту и кидал ее в рот. Рядом стояла открытая банка тушенки и лежал нарезанный ломтями хлеб. Довершала этот натюрморт бутылка водки со стаканом. Шпион прекратил жевать, налил полстакана водки и махом влил в себя, после чего взял ломоть хлеба с намазанной на него тушенкой и стал жадно, откусывая большими кусками, пожирать бутерброд. Я проглотил накопившую слюну и продолжил наблюдение. Торговец, пока я за ним наблюдал, словно замороженный, смотрел в одну точку. Лицо не выражало ни одной мысли, а взгляд был словно стеклянный. Судя по тому, что я сейчас наблюдал, он никак не тянул на резидента шпионской сети.

«Нет не он. Даже на полноценного шпиона не тянет. Скорее всего, это мальчик на посылках у немецких агентов».

Наблюдал за ним, до тех пор, пока хозяин дома не допил бутылку и не встал из-за стола. Вскоре погас свет. Вернувшись тем же путем, я пошел к трамвайной остановке. Несмотря на то, что промерз, что ехать мне, по меньшей мере, час, а там еще идти пешком, настроение было бодрим. Спокойная жизнь – это, конечно, хорошо, но когда начинает кипеть адреналин и кровь быстрее бежит по жилам, мне нравилось больше. Несмотря на то, что трамвай дрожал, дребезжал и звенел, сев, я полностью ушел в обдумывание плана. Решать все надо было быстро, пока они не хватились чемоданчика. Тогда их ищи-свищи.

«Отловить агента-квартиранта и провести допрос или понаблюдать за торговцем?»

Прикидывал, пытался анализировать, но ни к какому решению так и не пришел. Устал, да и мало было исходных данных.

Утром сходил на лекции, потом забежал на фабрику-кухню пообедать, просидел несколько часов в библиотеке и снова отправился ловить шпионов. Потратил почти два часа, наблюдая издали за торговцем. Никто из подозрительных типов к нему так и не подошел. Проводил его домой, затем подобрался прежним путем к окну и стал снова наблюдать, как тот пьет и закусывает.

«Алкаш поганый. Ублюдок хренов, – ругал я его всяческими словами, сглатывая очередной раз слюну. – Чего я здесь забыл? Лучше бы на тренировку поехал, вместо того чтобы здесь...»

Додумать мне не дало рычание двигателя грузовика. Я прислушался. Машина ехала сюда. Как только грузовик, последний раз рыкнув двигателем, затормозил напротив дома торговца, хозяин сразу сорвался с места и бросился в глубь дома, к входной двери. Стараясь как можно тише ступать, я обогнул дом и услышал, как заскрипела дверь, затем затопали его тяжелые сапоги по лестнице. Осторожно выглянул из-за угла дома, но, к своему сожалению, смог только рассмотреть темные фигуры у забора. Перебросившись несколькими словами, они втроем пошли к машине. Сгрузив с кузова ящик и два мешка, потащили их в дом. Им явно было тяжело. Это было видно по согнувшимся фигурам и кряхтению, когда они взбирались по отчаянно скрипевшим ступеням.

«Вот агенты обнаглели. На машине приехали. Динамит мешками носят. Ни бога, ни госбезопасности не боятся», – но с минуту подумав, решил, что у них наверняка есть какое-нибудь официальное прикрытие. Например, приехали представители какого-нибудь торгового закупа овощей.

Я угадал. Спустя какое-то время гости вышли с двумя мешками, которые были небрежно закинута в кузов. Шофер остался у машины, а второй гость вернулся в дом. Я вернулся на место наблюдения, но что они делают, подсмотреть не удалось, так как занавески были плотно задернуты. Что делать? Не успел я задаться этим вопросом, как из-за дома послышались шаги. Заметили? Можно было махнуть через забор, но без шума это быстро не сделаешь. Присел, прижавшись спиной к стене дома. Рука сама собой выхватила нож. Фигура вышла из-за угла и, вместо того чтобы шарить по двору, целенаправленно двинулась в дальний угол. Только спустя несколько секунд я сообразил, что шофер шел к деревянному туалету, стоящему в дальнем углу двора. Скользнул в противоположный угол двора и затаился. Спустя какое-то время двигатель взревел и машина уехала.

Несколько минут я обдумывал ситуацию, а потом решил, что такого момента мне может больше не представиться. Они привезли много всего, а значит, есть вероятность того, что в этих мешках могут оказаться денежные знаки, причем в большом количестве. Теперь осталось решить, как взять хозяина дома без шума. Судя по его крепкому сложению и толстым запястьям, он обладает немалой силой, поэтому в прямой контакт вступать с ним рискованно, а ударить со спины самое то! Достал из кармана кастет, который отобрал у хулигана из детдома.

Место для засады определил быстро – сзади дворового туалета. Настроился на долгое ожидание, но просидел относительно недолго. Не больше часа. Сначала услышал, как заскрипела входная дверь, потом ступени крыльца, потом раздались приближающиеся тяжелые шаги.

Скрип закрываемой двери туалета дал мне возможность неслышно оказаться за спиной торговца, когда он разворачивался, чтобы вернуться в дом. Рука с кастетом резко взметнулась вверх и почти в то же самое мгновение рухнула вниз. Шпион упал как подкошенный.

Пока я его тащил по двору, а затем в дом, то проклял все на свете. Закрыв дверь, после чего нашел веревку и связал хозяина дома. Быстро осмотрелся. По внешнему виду это было словно не жилое помещение, а временное убежище. Везде грязь, с потолка свисает паутина. Рядом со столом стояло с десяток пустых водочных бутылок. Прошелся по дому. Скоро нашел люк, ведущий в погреб. Откинул его. Пахло плесенью и холодом. Снова прислушался. Тишина. Бросил быстрый взгляд на хозяина квартиры и успел заметить, как у него дрогнули веки. Очнулся, голубчик. Подошел к нему.

– Очухался. Это хорошо. Значит, поговорим.

Подтащил стул. Сел.

– Глаза открывай. Говорить будем, – несколько секунд подождал, потом резко пнул его ногой в бок. Раз. Второй.

Тот выдержал минуту, затем открыл глаза и заерзал по полу, пытаясь освободиться.

– Ты кто?

– Конь в пальто! И запомни. Вопросы здесь задаю я! Ты только отвечаешь! Понял?

– Да.

Кричать и звать на помощь он не стал, но честно говорить отказался, врал и изворачивался, поэтому, чтобы не тратить время, мне пришлось вспомнить кое-какие методы, широко практикуемые при допросах в полевых условиях. Осознав свою ошибку, хозяин дома сразу стал отвечать быстро и без запинок.

Назвался Мефодием Архиповым, но было ли это его настоящее имя, меня абсолютно не волновало. Бывший кулак, который отсидел свои пять лет. Когда возвращался после отсидки, то случайно познакомился с человеком, который предложил ему помощь, но не безвозмездно. Бывший кулак, злой на Советскую власть, не раздумывая, дал согласие, а спустя какое-то время получил новые документы, прописку в Москве и деньги на покупку дома. Это было почти два года тому назад. Долгое время к нему никто не приходил, и он почти успокоился, вот только зря. Три месяца тому назад к нему пришел человек и назвал пароль. С этого дня его дом стал шпионской явкой. Передает, что ему поручено, держит у себя различные грузы, иногда у него день-два живут незнакомцы.

Он чуть ли не со слезами на глазах рассказывал мне, как ему страшно, и сообщил, что даже решился сбежать куда глаза глядят, но от страха перед своими хозяевами не решился этого сделать. Да и вообще, он хороший и пушистый, как маленький беленький кролик, вот только если судить по тем яростным огонькам, которые горели у него в самой глубине глаз, было видно, что стоит развязать ему руки, как он тут же попытается меня убить.

– Сочувствую. Так что тебе на этот раз привезли?

– Не знаю. Ей-богу не знаю.

– Я не гордый. Сам посмотрю.

Спустился в подвал. Нашел в углу мешки и ящик. Раскрыл первый мешок, потом второй. Вскрыл ящик.

«Что мы имеем? Рация. Несколько комплектов батарей. Три офицерские формы. Одна железнодорожника. Документы. Бланки. Динамит. Капсюли. Оружие. Боеприпасы. Ракетницы. Два финских ножа. Добра много, а толку мало. Где деньги, мать вашу?»

Прихватив пистолет, несколько коробок патронов и ножи, я, сильно разочарованный, вылез из подпола. Теперь оставалась только надежда, что удастся что-нибудь вытрясти у хозяина дома.

– Где деньги храните? Только не говори, что в сберегательной кассе.

Тот, уже придя в себя, нагло рассмеялся:

– А если и так?

– Зря ты это... – сказал я укоризненно, затыкая ему рот. – Я же по-хорошему хотел.

Спустя десять минут его тело непроизвольно затряслось мелкой дрожью, а в широко открытых от боли глазах застыл ужас. Я заинтересовался:

– Еще?

Он закрутил головой. Я вытащил кляп. Чередую стоны и слова, он выложил мне, где хранит свои личные сокровища.

– Речь не в этом! Меня интересует место, где ваш главный хранит деньги. Адрес. Понял? Если прямо сейчас не скажешь, возьмусь за тебя по-настоящему.

При моей угрозе его лицо прямо посерело от страха.

– Не знаю! Христом Богом клянусь, не знаю! Человек время от времени приходит, передает для меня деньги и «посылки», как он их называет. Чемоданчик-посылку я должен передать человеку, назвавшему пароль. Это все, что знаю! Поверьте мне! Чем хотите поклянусь!

Я задумался. В его словах была логика. Деньги, как основной инструмент управления, действительно должны быть только у резидента.

– А кто ваш главный?

– Не знаю. Истинный крест, не знаю!

– Знаешь, я тебе начинаю верить.

Найдя его тайник, выудил оттуда четыре пачки пятирублевых и около десятка царских золотых монет. Вернувшись к пленнику, спросил:

– Золото откуда?

Что-то мелькнуло в его глазах, но после моего покачивания головой, означающего, что если соврет, только хуже будет, он быстро ответил:

– Мне месяца два тому назад приказали найти человека, через которого можно будет доставать золото и драгоценности. У Соньки Завирухиной, из шестого дома, есть брат. У него есть двое сыновей. Один из них работает в комиссионном магазине. Она сама хвасталась своим племянником. Тот, говорила, живет, словно сыр в масле катается. Про золото она, конечно, не говорила, но догадаться можно было. Идти мне к нему было не с руки, поэтому я просто передал адрес комиссионки, а также имя и фамилию племянника.

– Почему не с руки? Ты же честный советский труженик. М-м-м... «Денег я накопил – мешок золота купил». Как тебе?

– Теряюсь я в этом проклятом городе. Улица на улице, где что – не поймешь. Люди непонятные. Бога забыли! Тьфу, нехристи!

– Адрес и фамилия продавца!

Он сказал.

– Ручка и бумага есть?

Нашелся чистый лист и карандаш. Четкими, почти печатными буквами я вкратце изложил на бумаге все то, что мне рассказал Архипов. Практически он мало что знал. Дописал адрес второго агента, квартирующего у бабушки Тимофея. Отложив листок, встал из-за стола, подошел к Архипову. Достал нож.

– Ты чего, паря?! Я тебе все как на духу рассказал! Не бери грех на...

Я проехал несколько остановок, пока не увидел на углу деревянную будку телефона. Спрыгнул. Набрал номер. Сонный голос дежурного произнес:

– Милиция. Дежурный...

Не дав договорить, перебил его:

– Дом двенадцать по Домогаровскому переулку! Там человека хотят убить! Срочно езжайте! Дом двенадцать! Домогаровский переулок!

Вернулся в общежитие уже за полночь. Дежурный вахтер, тетя Клава, перед тем как меня выпустить, целую лекцию прочла о шалавах. Дескать, пока еще молодой, сначала жизнь свою правильно выстрой, специальностью обзаведись, а вот когда выучишься, человеком станешь, тогда и по девкам можно шастать. Как можно вежливее поблагодарил ее за наставления и отправился в свою комнату. Ребята уже спали. В темноте осторожно подобрался к своей кровати и вдруг увидел, что какая-то наглая свинья на ней спит! Резко схватил за плечо и развернул лицом к себе.

«Так это Костик! Чего он тут? А запашок... Перегар на гектар!»

Присел на край кровати, потряс за плечо. Тот чего-то буркнул, не открывая глаз, и опять повернулся на бок. Выхода не было, и я лег рядом. Как лег, так и уснул. Разбудил меня Сашка Воровский.

– Идешь на лекции?

Я помотал головой, просыпаясь. Тот стоял у моей кровати уже одетый. Смотрел с усмешкой.

– Что уже? – тупо спросил я.

– Уже. Так идешь?

– Позже.

– Как знаешь.

Когда ребята ушли, я растолкал Костю.

– Вставай, пьянчуга!

Тот приоткрыл один глаз и какое-то время смотрел на меня. Потом подскочил на кровати и оглянулся по сторонам. Я с интересом наблюдал за ним.

– Это что? Я в общаге?

– Ты с чего так нализался? С радости или с горя?

– Ох! Голова как болит.

– Пить надо меньше!

– Тебя бы из дому выгнали, ты бы еще не так запил!

– Не понял. Тебя из дому выгнали?

– Не тебя же, – буркнул тезка, морщась и потирая виски. – Сколько времени?

– Время в институте на лекциях сидеть.

– Сам чего там не сидишь?

– Ну ты и нахал. Сначала узурпировал мою кровать, а сейчас на лекции гонишь!

– Извини. Просто поздно было, и я не знал, куда ехать.

– У тебя что, друг мало?

– Так мне посоветоваться надо было! Черт! Как в горле пересохло! У тебя попить ничего нет?

– Водка.

Костю передернуло.

– Ну и шутики у тебя. И так тошно, а...

Я достал задвинутую под кровать сумку и вытащил оттуда буханку хлеба, три банки тушенки, сало, завернутое в тряпицу, и бутылку водки. Все эти продукты я реквизирувал у немецкого шпиона, полагая, что мертвецу они не понадобятся.

– Верю. Не шутишь, – скривился Костя. – А чай есть?

– Все есть. И даже какао с коньяком, – я на секунду задумался. – Черт с тобой! Заодно и сам поем. Одевайся, умывайся и пойдем.

Пока тезка приводил себя в порядок, я думал, что делать с оружием. Расставаться с ним не хотелось, словно ребенку с любимой игрушкой.

«Возьму с собой».

К удивлению Кости, я повел его не в студенческую столовую, а в кафе. Тот сначала залпом выпил два стакана яблочного сока и только потом принялся есть омлет, запивая горячим чаем. Свою порцию я съел быстро и теперь смотрел, как тот нехотя доедал омлет.

– Рассказывай, что ты там натворил.

Оказалось, что вчера вечером его отец пришел злой и совершенно неожиданно приревновал сына к своей молодой жене. Оленька и Костик клялись и божились, что ничего между ними не было и быть не может. Папа Костика выслушал их, потом заперся в своем кабинете и, как истинный интеллигент, начал пить горькую. Оленька все это время плакала навзрыд под его дверями, а Костик сидел в своей комнате тихо-тихо, изображая мышь под веником. Ближе к ночи папа вывалился из кабинета, затем пришел в комнату сына и патетически заявил, что змея, которую он согрел на своей груди, больше не может жить в его доме.

– Так и сказал? Змея?

– Да. Так и сказал. А что?

– Ты же он, змей...

– Змей! Змея! Какая разница! Главное, что он выставил меня за дверь!

Правда, сын ушел не просто так, а сумел прихватить с собой бутылку вина, выдержанного марочного портвейна. Половину бутылки выпил на улице, а с остатком приехал в общежитие и стал меня ждать, а так как ребята от вина отказались, он и прикончил бутылку в одиночку.

– И что дальше будет? – поинтересовался я.

– Может, он так спьяна зверствовал, – предположил Костик.

– Считаешь, передумает?

– Не знаю, – помрачнел тезка.

– А причина есть?

– Поверь! Мне-то тебе зачем врать! Не было у нас с ней ничего! Не было!

– Чего ты кричишь? Не было так не было. В общем так. Тебе надо выяснить свои отношения с отцом сегодня. Сегодня! Койка одна, и я не собираюсь ее с кем-либо делить. Встретимся часов... В четыре. В общаге. Позже не получится. У меня сегодня тренировка. Деньги есть?

– Ну...

– Держи, – я отсчитал ему несколько бумажек. – Здесь двадцать рублей.

– Спасибо. Не знаю, как тебя...

– Обойдусь. В институт идешь?

Он покачал головой:

– Настроения нет. Обдумать все это надо.

– Тогда в четыре.

Комната была почти пустая, не считая Костика, сидевшего на моей кровати с гитарой в руках. На грифе инструмента был повязан шикарный красный бант. Он что-то негромко напевал, аккомпанируя себе. Причем, судя по его физиономии, похоже, не грустил. Увидев меня, выдал замысловатый аккорд и запел во весь голос:

В вечерних ресторанах,
В парижских балаганах,
В дешевом электрическом раю
Всю ночь ломаю руки
От ярости и муки
И людям что-то жалобно пою!

– Это что за бред?

– Сам ты бред. Это Вертинский. «Желтый ангел».

– А гитару где взял?

– Девочки дали.

Я сел на соседнюю кровать. Открыл тумбочку.

– Есть будешь?

– У девчонок перекусил.

– Ну-ну.

Я достал тушенку и хлеб. Вскрыл банку. Намазал тушеное мясо на ломоть хлеба. Не успел я это сделать, как Костик схватил мой бутерброд и откусил большой кусок.

– Это как понимать?

– Вкусно пахнет.

– Вот бы и нюхал, а чего в рот тянешь.

Сделал второй бутерброд. Откусил один раз. Второй раз. Прожевал и спросил:

– Чего молчишь? Рассказывай.

– Это все случилось из-за этой дуры. Оказывается, Оля вчера приходила к отцу в институт за деньгами. Присмотрела что-то в магазине, хотела купить, а тот ей отказал, в ответ она решила сцену ему устроить. Дескать, сидит она целыми днями одна-одинешенька и тоскует, только с Костиком и может тоску развеять. Она хотела сказать, что ей одиноко и скучно, в гости и театры не ходим, а папаша понял по-своему. Я ему поклялся, что между нами ничего не было, он мне вроде поверил...

– Слушай, а чего ты его папашей зовешь?

– Ты знаешь, сколько он баб к себе перетаскал, пока мы вместе с ним жили? И после этого я его уважать должен?!

– Понял. Рассказывай дальше.

– В общем, он предлагает мне переехать в двухкомнатную квартиру одного его коллеги по работе. Тот женился и переехал к супруге, а квартиру сдает. Я так понимаю, до этого мой папаша использовал ее для своих любовных утех. Предлагаю поселиться там вдвоем. Ты как?

Предложение меня больше чем устраивало. Еще неделю тому назад я бы не подумал об этом варианте, но теперь у меня были деньги.

– Сколько платить надо будет?

Лицо Костики принял задумчивое выражение.

– Папаша сказал, что платить будет только половину. То есть за меня. Поэтому мне надо найти интеллигентного мальчика, который мог бы оплачивать вторую половину суммы.

– Почему ты решил, что у меня есть деньги?

– Ничего я не решил. Просто подумал и предложил тебе первому.

– Потому что я интеллигентный мальчик? – усмехнулся я.

Костя засмеялся.

– И это тоже. Так как?

– Согласен.

Спустя две недели. Где-то на Лубянке. Кабинет комиссара государственной безопасности третьего ранга

– Что ты мне принес, майор? – Хозяин кабинета ожег подчиненного злым взглядом. – Решил красиво расписать о своей выполненной работе?! А может, уже дырку в кителе для ордена проколол?!

Майор никак не ожидал гневной вспышки от начальства. Довольное выражение лица мгновенно увяло, в глазах притаился страх. Неужели узнал?!

– Дугин, ты где был три месяца тому назад?! Я тебя спрашиваю! Где был, когда они начали работать! Тут под боком у тебя окопались! Ты думал, я не узнаю! Праздничную рапорточку он мне написал! Раскрыта и арестована шпионская сеть! – Хозяин кабинета перевел взгляд на лежавшие перед ним бумаги. – Как ты тут пишешь?.. Ага! «Благодаря тщательно скоординированной и проведенной операции под кодовым названием „Ответный удар” нам удалось выявить и пресечь подрывную деятельность шпионской группы в составе шести немецких агентов!» Захвачено то-то и то-то! Только где тут у тебя написано, что они уже три месяца вели свою подрывную деятельность?! Почему об этом ты забыл упомянуть! Забыл?! Отвечай!

– Виноват, товарищ комиссар государственной безопасности третьего ранга! – вытянулся в струнку майор.

– Виноват! Тебе, наверное, майор, надоело в Москве служить! Так выбирай! Урал или Средняя Азия?! Там постоянно работников не хватает! Будешь радовать своими рапортами местное начальство! Что молчишь?! Язык проглотил?!

– Виноват...

– Знаю, что виноват! Тебе просто повезло, что я уже начальству доложил и что операцию вы провели чисто, никого не упустили! – Комиссар сбавил тон. – М-м-м... Как там с убийством Архипова? Ты обещал разобраться с этим еще три дня назад!

– Не Архипов он, а Иван Сенин. Бывший кулак. Получил пять лет. После отсидки исчез и вот выплыл уже в Москве с поддельными документами. Только вчера получили на него данные. Теперь об убийстве. Взятые нами агенты утверждают, что к его смерти отношения не имеют. Заварзин и Клямов подтверждают, что привозили к нему в тот вечер груз, но при этом в один голос говорят, что почти сразу уехали. Исходя из показаний арестованных агентов, ни у одного из них не было никаких разногласий с убитым. Да они с ним особо и не общались, считая темным, забитым крестьянином. Таким образом, у нас осталась только одна версия. Убийцей является тот мужчина, который звонил дежурному. Вот только его никто не видел.

– Прямо невидимка какой-то! Кто он, майор, как ты думаешь?

– Не знаю, что и думать, товарищ комиссар. С одной стороны, он выдал нам шпионскую сеть, оставив письмо, содержащее сведения, полученные им после допроса Сенина. С другой стороны, найдены следы пыток на теле убитого, и кроме того, сам факт убийства... Исходя из этого, можно сказать, что это хладнокровный, опытный, не боящийся крови человек, при этом обладающий специальными навыками. К нам, в госбезопасность, не обратился. Бойтся... или не доверяет. Склоняюсь к последнему варианту. Мне лично кажется, что убийца, ранее осужденный как «враг народа», вышел на свободу и случайно наткнулся на немецких агентов. Если это так, то с его подготовкой вся эта история легко объясняется. Да и то, что он взял, говорит о его опытности. Ничего лишнего, только деньги и часть оружия.

– Что именно?

– Из чемоданчика – браунинг с глушителем и три пачки патронов. Из подвала дома Сенина – пистолет ТТ. Три пачки патронов. Два финских ножа.

– Хм. Из бывших, говоришь, а теперь еще и с оружием...

Глава 4

Отец Костика, Павел Терентьевич Сафронов, которого мне удалось увидеть впервые в тот день, когда тезка пригласил меня помочь с перевозкой вещей на новую квартиру, представлял собой тип импозантного мужчины с приятными чертами лица и хорошей фигурой. Когда мы познакомились, он имел такой барственно-валяжный вид, что я ему с ходу дал кличку «Павлин ряженный». Профессор детально расспросил меня о моих родителях, а когда узнал, что мой отец заведующий отделом народного образования, а мать – директор школы, он важно покивал головой и с ноткой удивления в голосе похвалил тезку: «А ты, сын, умеешь выбирать друзей», – а затем отбыл в свой кабинет.

Спустя пару недель совместного проживания с Кости́ком я решил, что пословица «яблоко от яблони не далеко падает» верна на все сто процентов. Девушки вокруг него так и вились, как пчелки над пахучим цветком. Правда, далеко не всегда доходило до постели, да и надо отдать тезке должное, он не ставил целью уложить каждую из своих подруг в кровать. Меня его любовные приключения волновали мало, даже можно больше сказать: его легкий и немного шумный образ жизни устраивал меня на сто десять процентов. Мой хороший приятель всегда жил одним днем и умел радоваться жизни, как никто другой. Ему не хватало храбрости, еще он был излишне импульсивен, но это были его главные и единственные недостатки, зато достоинств у него было море. Не жадный, готовый поделиться последним, с хорошим чувством юмора и отлично подвешенным языком, этот большой любитель женского пола к тому же недурно рисовал, имел неплохой голос и отлично играл на гитаре. Было еще одно немаловажное обстоятельство. Он сильно напоминал моего хорошего приятеля, с которым мы впервые познакомились в учебном подразделении, потом неожиданно для нас обоих оказались не только в составе десантно-штурмового батальона, но и даже в одном взводе. Такой же, как Костик, веселый, живой, бойкий парень, он за словом в карман не лез. Отличный был парень, вот только разорвавшейся мне было все равно, какой он человек.

В монахи я не записывался, но бессистемные связи меня не устраивали, сказывалась моя взрослая натура, и я на данном этапе своей жизни решил обзавестись любовницей. Олечка, супруга профессора, мне для этого вполне подходила. У нее было удивительное свойство (впоследствии мне не раз пришлось в этом убедиться): в какой бы компании она ни находилась, почти сразу становилась своей. Умела поддержать разговор, засмеяться в нужном месте, пошутить, а если надо – потупив глазки, мило покраснеть. Но это была только внешняя сторона, а на самом деле ей нельзя было отказать как в уме, так и в практичности. Супруга красного профессора любила посещать магазины, рестораны, получать дорогие подарки и ходить в гости.

Встретиться с ней наедине не составило особых проблем. Когда я пригласил ее в ресторан, она только сделала удивленные глаза, а на самом деле уже давно ловила мои влюбленные взгляды. Немного замаявшись для приличия, она согласилась чуть-чуть посидеть в ресторане, потому что ей немного скучно. Не знаю, что она ожидала от студента, но когда я предложил ей выбрать в меню то, что она желает, у нее невольно округлились глаза.

Украдкой заглядываю в глубокое декольте. Взгляд пробегается по рельефным прелестям, едва прикрытым тонкой преградой платья. Олечка не прекращает улыбаться, и мое сердце колотится в два раза быстрее. От ее красоты звенит в ушах, звучит божественная мелодия. К мелодии добавляются удары моего сердца. Я стараюсь изо всех сил, чтобы выглядеть в нее влюбленным, то говорю ей комплименты, то упираюсь взглядом в скатерть и неуверенно ёрзаю на стуле, как бы в смущении.

– Какой ты застенчивый, Костя, – легким движением она прикасается к рукаву моего пиджака. – Иметь такого приятеля-бабника и не научиться обращаться с девушками...

– Девушки – это одно, а ты – та единственная... – И дальше из меня потоком полились цветистые комплименты.

Вечер в целом удался, что легко можно было заметить по блеску в глазах Олечки и по легкой улыбке на ее губах.

– Может, ко мне? – говорю я неуверенным голосом, когда мы выходим из ресторана.

Она смотрит на меня долгим, томным взглядом, решая, что со мной делать. Она любит такие минуты, полные безраздельной власти над мужчинами. Какой интересный мужской образец, думает она, вот только как бы он потом дров не наломал. Влюбится. Будет потом за мной, очертя голову, бегать. В любви признаваться, цветы дарить. Чего доброго еще муж узнает. Сомнения есть, но почему бы с ним один вечер не провести. К тому же непонятен я ей. У него есть деньги, своеобразное обаяние, немного детской наивности. Он словно мальчик и мужчина в одном лице, а женское любопытство – страшная сила. Именно на него я и делал упор.

– И что мы у тебя делать будем?

– В программе шампанское, вино и конфеты, – говорю я срывающимся от напряжения голосом. – И еще один маленький сюрприз.

– Сюрприз? Почему маленький? Хочу большой сюрприз! – говорит она голосом капризной девочки, но при этом в ее глазах все больше разгорается интерес.

Делаю вид, что смущен и говорю:

– Как пожелаете, моя королева.

Ей нравится, как я говорю. Это видно по довольной улыбке, скользящей по ее губам.

– А где этот шалун Костик?

– Уехал на дачу к своей любимой девушке.

Она смеется:

– К которой по счету?

Смеюсь вместе с ней и заглядываю ей в глаза. Ты согласна? Красавица видит, с каким я нетерпением жду, что она скажет, и специально тянет с ответом. Наслаждается. Из всех сил изображаю преданно-влюбленный взгляд, а сам думаю: «Чего резину тянешь? Ведь согласна!»

– Хочу сюрприз, – наконец говорит она. – Поехали.

Свидание с восторженным и влюбленным студентом (она так думала) как-то сразу пошло не так, и вместо долгого галантного ухаживания Олечка как-то неожиданно для себя быстро оказалась под ним с широко раздвинутыми ногами. Если до этого она считала себя достаточно опытной женщиной в любовных утехах, то этот мальчик, неизвестно, как и когда, сумел достичь таких вершин в интимных ласках, о которых она до сих пор и не подозревала.

– Не ожидала от тебя такого, мальчик. Нет, ты не мальчик, ты самый настоящий мужчина! Мой любимый мужчина! Твоя мужская сила...

– Это и был мой маленький сюрприз, солнышко.

– Сюрприз? Ах, да! Ты говорил, а я уже забыла. Знаешь, не такой уж он и маленький твой сюрприз, – и она провела рукой по простыне в том месте, где та прикрывала мое мужское достоинство. – Еще мне нравится, как ты меня называешь. Зови меня так всегда. Хорошо?

– Хорошо, солнышко.

У меня было намерение продолжить наши любовные игры, но Олечка оказалась не только страстной и любвеобильной, но и практичной девушкой. Получая удовольствие, она при этом не теряла головы.

– Милый мой мальчик, мне было с тобой так хорошо, так хорошо...

– Только мне уже пора бежать к мужу под крылышко, – продолжил я за нее.

– Надеюсь, ты не обижаешься на меня, Костя. Ты умный мальчик и должен понимать, что в сложившейся ситуации...

– Олечка, не бери лишнего в свою красивую головку. Меня вполне все устраивает.

После моих слов Оленька какое-то время смотрела на меня с удивлением, потом уже оценивающе, и это было совсем не похоже на томный и ласкающий взгляд в постели.

Потом она наконец сказала:

– Ты не так прост, мальчик, каким стараешься казаться.

«Расслабился, идиот. Ну что тебе стоило поиграть в любовь!»

– Оленька, солнышко мое!..

– Не переигрывай, Костя. И еще скажу твоими же словами: меня тоже вполне все устраивает.

Мне только и оставалось, что пожать плечами на подобное заявление.

Загрузка у меня была полная. Институт, библиотека, тренировки. Своей физической подготовке я отдавал львиную долю времени. Несмотря на плохую погоду, каждое утро постоянно наматывал круги по небольшому парку, который обнаружил недалеко от нового места жительства, а когда выдавалось свободное время и обязательно каждое воскресенье уезжал в Сокольники и там по несколько часов в лесу тренировался с ножом. Я точно знал то, о чем только подозревали 99 процентов жителей страны Советов – грядет война. Страшная, тяжелая, с мучительными и большими потерями война. Мне нужно было быть готовым к ней. При этом я никак не мог понять, почему о ней не говорят прямо? Почему замалчивают правду о грядущей войне, которая как тесто, когда поднимается, лезет из всех щелей? Сталин и его приближенные в моем понимании сейчас напоминали композицию из трех обезьян, закрывающих лапами глаза, уши и рот, а надпись под ней лаконично и объективно комментировала их позицию: «Если я не вижу зла, не слышу о зле и ничего не говорю о нем, то я защищен от него».

День шел за днем, выстраиваясь в недели и месяцы. Жил я сравнительно неплохо. Слегка обновил свой гардероб, а на вопросы любопытных студентов отвечал, что это родители мне денег подкинули. Теперь я нередко навещал Мишку и его приятеля Тимофея с подарками, балуя ребят бутербродами с колбасой, свежими булочками и конфетами. Иногда водил их в кино, угощал мороженым и ситро. Так продолжалось до конца октября, когда я пришел как обычно, а вот Мишки в детдоме не оказалось. Его забрала неожиданно приехавшая мать. Отдал все подарки, что принес, Тимофею, потом подарил ему на прощание червонец и ушел.

Деньги имеют привычку рано или поздно заканчиваться, поэтому я стал готовиться к операции, чтобы пополнить карман. Еще только оказавшись в Москве и столкнувшись с денежной проблемой, я сразу стал думать, как ее разрешить. Из всех вариантов самым многообещающим стали мои воспоминания об уголовных делах, которые я видел, когда работал в архиве МВД. Изредка, приводя в порядок старые уголовные дела, я пробегал их глазами, а иногда те, которые казались мне наиболее интересными, даже прочитывал. Правда, опять выбирал наиболее интересные моменты. Я потратил не менее двух недель на описание этих отрывочных данных. В конце концов, я смог выделить только три эпизода из множества уголовных дел, которые произошли в Москве с 1940-го по 1947 год. Нет, запомнил я намного больше, но в одних случаях не хватало точной даты, в других – адреса. Все эти мелочи просто не уложились в памяти, хотя дела (убийства, хищения, подлоги и налеты) я помнил.

Самый первый по времени эпизод из трех восстановленных воспоминаний должен был состояться в ночь на четвертое декабря. Это был второй или третий «разгон» банды, состоявшей из четырех человек. (Разгон – вид мошенничества, когда преступники, одетые в милицескую форму, изымают ценности.) Сколько раз в общей сложности налетчики ограбили обывателей, мне было неизвестно, но в деле вроде говорилось о пяти эпизодах. В памяти осталась еще одна деталь. Когда их брали, в перестрелке был тяжело ранен один из оперативников, который позже скончался в больнице. Даты и адреса я, естественно, не помнил, кроме одной, оставшейся в памяти по одной простой причине. День и месяц рождения моей жены странным образом совпали с датой ограбления, к тому же сама дата совпала с номером дома, а название

улицы отложилось чисто автоматически. Номер квартиры не запомнил, но это, по сути дела, было неважно, так как мне их надо было только дождаться. Подъедет машина, выйдут трое в милицейской форме. Побудут час-полтора в доме, затем появятся с награбленными драгоценностями и деньгами, а тут и мой выход. Мне было неизвестно, что налетчики возьмут, но при этом точно знал, что те, кроме денег и драгоценностей, ничего другого не брали. Вот только драгоценности мне были не нужны, так как любая попытка продать их давала ниточку-след ко мне, и кто за эту ниточку потянет, мне было неизвестно.

«Ладно, проблемы будем решать по мере их поступления», – подумал я и занялся подготовкой.

Больше недели я изучал пути отхода, близлежащие проходные дворы, переулки и тупики. Долго думал и планировал, как лучше провести операцию, какое взять оружие. Использование ножей против трех человек с оружием, да еще в темноте, не давало мне полной гарантии, и я решил остановиться на немецком пистолете с глушителем, хотя и сознавал, что его использование представляет для меня определенную опасность. Если этим делом заинтересуются органы госбезопасности, то сразу всплывет пистолет с глушителем, пропавший из чемоданчика немецкого агента. В итоге меня будут искать уже два ведомства.

На всю операцию у меня ушло два с половиной часа. С начала приезда машины и до финального расстрела. Меня до самой последней секунды грызло сомнение, но увидев подъехавшую машину, а затем вышедших из нее троих людей в милицейской форме, я сразу успокоился. Теперь оставалась «самая грязная» часть работы. Я стал ждать...

Грабители, выйдя из подъезда, быстро огляделись по сторонам, а затем торопливо направились к машине, но не успели сделать и двух десятков шагов, как за их спинами вырос темный силуэт, а затем раздались глухие хлопки. Один. Второй. Третий. Услышав глухой стон, я быстро подошел к раненому бандиту. Еще один глухой хлопок, и стон резко оборвался. Оглянувшись по сторонам, после чего подошел к мертвецу, рядом с которым валялся саквояж, поднял его и быстрыми шагами направился к проходному двору, а затем ранее намеченным и проверенным маршрутом отправился домой. Вернулся я в четыре часа утра. Костика еще вчера вечером я предупредил, что, возможно, останусь ночевать у одной знакомой девушки. Осторожно закрыл дверь, прошел в комнаты. Мой тезка спал у себя беззаботным сном ребенка. Я сунул саквояж под кровать, поставил будильник и сразу завалился спать. Утром поднялся первым, приготовил на скорую руку завтрак на нас обоих, что было для меня привычным делом, так как Костик, словно маленький ребенок, просто не был способен просыпаться вовремя. Перед этим я быстро просмотрел содержимое саквояжа и недовольно поморщился, так как добыча, скажем, на четверть, меня не устраивала. Драгоценности.

«А так весьма неплохо. Сорок восемь тысяч рублей. Двадцать две золотые царские десятки».

Какое-то время я мучился вопросом, как оправдать свои траты, пока не наткнулся в газете на объявление «Первый Московский ипподром. Ленинградское шоссе, 25. БЕГА. Трамваи № 1, 6, 7, 13, 23, 25. Автобусы № 4, 6, 8, 19, 21. Начало...»

«Вот и решение проблемы».

Целый месяц, по субботам и воскресеньям, я ходил на ипподром. Даже познакомился с некоторыми постоянными посетителями скачек. Суетился, спрашивал совета у профессионалов, делал ставки, кричал со всеми, когда к финишу приходил фаворит. Для большего правдоподобия взял пару раз с собой на ипподром тезку. Как и все, делал ставки и как бы дважды выиграл, по-крупному, а если сказать проще, то купил у настоящих счастливиц их выигрышные билеты, так что теперь в случае необходимости я мог их предъявить.

Тем временем жизнь в стране Советов налаживалась. Отменили карточки, в продовольственных магазинах появились колбаса, мясо, копчености, сыр, конфеты, а в промтоварных – промышленные товары. Людей тянуло к красивой и хорошей жизни, но несмотря на то, что в Москве увеличилось количество магазинов, везде, куда ни глянь, стояли длинные очереди. Тратить время впустую не входило в мои интересы, поэтому этот вопрос надо было срочно решать. Только как? Тут мне помог Костик, который время от времени встречался с отцом и кроме денег иногда приносил кое-что вкусное из продуктов. Обычно меня это не интересовало, принес и принес, а тут спросил:

- Что у нас там сегодня?
- Папаша дал банку красной икры и полпалки колбасы.
- Я развернул бумагу, покрутил колбасу, понюхал:
- Сервелат?
- Да. Он в буфете взял, у себя в распределителе.

В стране Советов, которая жила под лозунгом «все для народа», великолепно прижилась система закрытых магазинов-распределителей, в которых избранные получали более качественный вариант «пайка». Качество и ассортимент товаров и продуктов, продаваемых там, зависели от категории прикрепленных к ним людей. Вот и папаша Костика, относящийся к профессорскому сословию, был прикреплен к одному из таких распределителей. Обо всем этом я знал, но о буфете услышал впервые.

- Погоди-ка. Буфет? Так там за деньги можно купить?
- Конечно, можно. Папаша от жадности две палки взял, и все потому, что ему буфетчица шепнула на ухо, что такая колбаса идет исключительно по кремлевским заказам. Вот он и решил вкусненького прикупить, а заодно и сына порадовал.
- Интересно. А тебе он может там покупать?
- Может, но по талонам у них одна цена, а за деньги совсем другая выходит. Папаша, купив эту колбасу, талоны дня за три, наверное, ухнул.
- В чем проблема? Ты что, забыл про мой выигрыш на бегах?
- Точно! Завтра с ним поговорю.
- М-м-м... Ты можешь его заинтересовать, чтобы ему было выгодно нам покупать в своем буфете?
- Ты просто моего дорогого папашку не знаешь. Даже если он на Северном полюсе окажется, то и там себе подругу и выгоду найдет.

Я рассмеялся, потом сходил в свою комнату и принес пачку денег.

– Отдай ему, но только не забудь объяснить, откуда они у меня. Чтобы лишнего не думал. Пусть время от времени подкидывает нам продукты.

Спустя пару дней Костик пришел нагруженный продуктами. Колбаса «Московская», красная икра, сыр, севрюга горячего копчения, белый хлеб, несколько пачек отличного печенья, в довершение всего – большая подарочная коробка шоколадных конфет «Красная Москва».

- Конфеты зачем?
- Брось, тезка. К нам девочки ходят! Почему не угостить?
- Ну-ну.

Как-то вечером я сидел дома, читая конспект, который взял у Сашки Воровского, как услышал – хлопнула входная дверь. По звукам, раздававшимся из прихожей, было ясно, что Костик пришел один. Войдя ко мне в комнату, он поставил на стол портфель, в котором обычно носил продукты.

- Что вкусного принес? – поинтересовался я.

– Балык. Папаша сказал, что очень вкусный. Еще колбаса... А! – он махнул рукой. – Потом сам посмотришь. Кстати, у меня для тебя новость есть.

– Какая?

– Он с тобой встретиться хочет.

– Кто? – не понял я.

– Павел Терентьевич Сафронов.

– Деньги на буфет закончились?

– Не в этом дело. Ректору или проректору института, где трудится мой папаша, скоро должно стукнуть пятьдесят лет, а тот, как оказалось, большой любитель живописи...

Я перебил его, продолжив предложение:

– ...поэтому твой отец хочет подарить ему нечто необычное, чтобы тот его не забывал при раздаче должностей и премий. Вот только откуда Павел Терентьевич знает, что я увлекаюсь живописью. А?

– Откуда? От Олечки. Вот она откуда знает? – И он хитро посмотрел на меня.

«Прокол. Женский язык – это нечто».

– Когда мы были на дне рождения твоей мачехи, я немного рассказал ей о своем увлечении. Причем только в общих словах.

– Брось! – беспечно махнул рукой Костик. – Все нормально. Вот только она, похоже, представила папаше тебя как знатока живописи, так что завтра, в семь часов вечера, тебя ждут в семье Сафроновых.

– А сам что, не пойдешь?

– Сегодня там был. Хватит. Иди один.

На ужин были вкусные котлеты с макаронами, а к основному блюду хозяйка дома выставила отменную закуску. Бутерброды с красной рыбой, квашеная капуста, грибочки и соленые огурчики, но не просто так, а в приложении к графинчику с водочкой. Сама она пила вино. Хорошо покушав, мы сели пить чай, во время которого и состоялся разговор, ради которого меня пригласили.

– Константин, мне сказали, что вы весьма неплохо разбираетесь в живописи.

– Извините, Павел Терентьевич, я неплохо разбираюсь лишь в отдельных направлениях живописи. И заметьте, не хорошо, а только неплохо. Я не эксперт, которым меня изобразила ваша супруга.

– Ладно-ладно, пусть так, но вы в отличие от меня в этом деле хоть как-то разбираетесь. Мне нужно выбрать в подарок миниатюру. Желательно действительно старинную вещь. Понимаете меня?

– Понимаю. Вот только я о миниатюрах знаю, как вам сказать, понаслышке. Не занимался ими вплотную.

– Но вы можете хотя бы определить ее подлинность? Век там? Художника?

– Вы еще не сказали, какие миниатюры вам нужны? Книжные, портретные или камеи?

– Точно! Портретная. Оленька, душа моя, тебе в комиссионном магазине как сказали?

– Оценщица сказала, что у них появилась портретная миниатюра. Вроде восемнадцатый век. Только, Паша, – она повернулась к мужу, – надо решить все завтра, до закрытия магазина, потому что Клавдия Петровна сказала: только сутки будет держать, а потом выставит на продажу.

– Хорошо. Так как вы, Константин?

– Ничего обещать не буду. Завтра подъеду в комиссионный магазин и посмотрю на вещь, а затем – в институт, в библиотеку. Посмотрю литературу и каталоги. Когда вы собираетесь за покупкой, Павел Терентьевич?

– Я освобожусь к пяти часам. Минут сорок – сорок пять уйдет на дорогу... Поэтому давайте встретимся в магазине в восемнадцать часов.

– Договорились.

Спустя неделю после покупки состоялся юбилей, на котором и была преподнесена эта миниатюра, а через пару дней профессор Сафронов был приглашен в кабинет ректора, где тот еще раз поблагодарил своего подчиненного за подарок.

– Мой супруг после этого был просто на седьмом небе от счастья, – сказала мне Олечка, когда мы лежали с ней в постели. – Так что мы тебе оба благодарны, милый.

– Оба? Пока я чувствую благодарность только с твоей стороны, солнышко.

– Я постараюсь, мой хороший мальчик, и за него. Ты не будешь в обиде.

Новый год я решил отметить, как мне хотелось. Отдаться безрассудному пылу молодости мешали несколько десятилетий прошлой жизни, поэтому все доводы Костика провести праздник вместе в одной веселой компанией прошли мимо моих ушей. Мне хотелось хоть пару дней пожить как взрослому человеку, а не играть роль молодого повесы-студента, поэтому за три недели я зарезервировал на новогодний вечер столик в ресторане, а с женской компанией мне помогла Олечка, познакомив со своей деловой подругой, товароведом одного из магазинов. Ею оказалась Светлана Рябова, милая, с хорошей фигурой, женщина двадцати восьми лет.

Встретил ее у дома, посадил в такси. Всю дорогу, пока мы ехали, она с любопытством косилась на пакет, который я держал в руках. Загадка разрешилась только тогда, когда официант проводил нас к столику, где я снял бумагу и поставил на середину стола миниатюрного деда-мороза. Посетители за ближайшими столиками с интересом наблюдали за моими манипуляциями, а когда увидели игрушечного деда-мороза, даже захлопали в ладоши. После чего, пусть несколько театрально, я под завистливые взгляды женщин, сидевших за соседними столиками, подарил Светлане золотой кулон, который она сразу захотела надеть. После того как помог застегнуть цепочку на ее шее, был вознагражден горячим поцелуем, но теперь уже под завистливые взгляды мужчин.

Посетители, сидевшие за столиками, были веселые, красивые, нарядные. Многие из них были в масках и бумажных карнавальных шляпах. Радостный гул голосов изредка прерывался бабаханьем хлопушек и вылетающими пробками из бутылок шампанского.

Над головами летали цветные бумажные ленты и сыпались конфетти. Со сцены весело и задорно пела певица под музыку джазового оркестра. Пять часов пролетели почти незаметно, затем я взял такси, и мы поехали ко мне. Костик мне клятвенно обещал, что появится только к вечеру следующего дня, поэтому я рассчитывал провести время, как говорится в одной классической комедии, «с чувством, с толком, с расстановкой». Тезка оказался человеком слова (он появился дома только поздним утром третьего января), а я не обманул ожиданий Светы.

Не успел я закрыть дверь и снять пальто с женщины, как она прижалась ко мне всем телом. В штанах сразу стало тесно. Она почувствовала это и, лукаво улыбаясь, спросила:

– Нравлюсь я тебе, Костик?

– Нравишься, Светик, – в тон ответил ей я.

Она весело рассмеялась, потом мы целовались, как подростки, горячо и жадно. Мои руки бесстыдно шарили по ее телу до тех пор, пока она не начала тихонечко постанывать. В какой-то момент она оторвалась от меня и быстро сказала:

– Идем, миленький. Идем скорее. Я больше не могу.

Раздевались мы словно в лихорадке, порывисто, быстро, будто боялись куда-то опоздать. Оказавшись в кровати, я только успел ее обнять, как Светлана застонала и изогнулась всем телом, тут же жгучее желание охватило меня, взвело тело, как тугую пружину. Женщина оказалась резвой, чувствительной и весьма любвеобильной особой: она вскрикивала, стонала, содрогалась всем телом на пике получаемого удовольствия, тем самым подстегивая мою страсть. Оставшуюся часть ночи и все время до обеда мы то дремали, прижавшись, друг к другу, то занимались любовью. Поднялись только для того, чтобы перекусить, а затем снова оказались

в постели. Вечером мы пошли гулять, по дороге зашли в кафе, после чего я проводил Свету домой.

Спустя пару недель, уже со слов Костика, я узнал, что чета Сафроновых была приглашена, с подачи ректора института, в один из ресторанов, где Новый год праздновал московский полусвет. Тогда я пропустил его слова мимо ушей, так как предположить, что они коснутся непосредственно меня, никак не мог.

Этим вечером мы с Костиком сидели дома и готовились к экзаменам, как вдруг неожиданно раздался звонок в дверь. Стоило нам открыть дверь, как мы удивленно переглянулись, а затем уставились на неожиданных гостей. Перед нами стояла супружеская чета Сафроновых.

– Может, пригласите, или мы так и будем через порог говорить, – несколько ворчливо нарушил общее молчание Павел Терентьевич.

– Здравствуйте. Извините. Проходите, пожалуйста, – я отступил в сторону. – Тезка, чайник ставь!

– Нет. Не надо! – махнул рукою профессор, проходя в прихожую. – Мы буквально на пять минут. Нас ждет такси.

– Мы ненадолго, – подтвердила его слова супруга. – Павел и так уступил моей просьбе, когда мы мимо проезжали. Дело в том, что я познакомилась на новогоднем вечере с одной прелестной девушкой. Мы разговорились, обменялись телефонами, и вот сегодня она мне позволила с просьбой помочь. Мне очень не хочется тебя опять напрягать, Костя, но, к сожалению, другого выхода у меня нет. Во всем виноват только мой длинный язык. Извини меня. Я знаю, что у тебя сессия, экзамены... Извини.

– Ох, эти женщины, – нарочито тяжело вздохнул профессор. – Вечно их язык на полкорпуса голову обгоняет.

– Объясните мне толком, что от меня требуется? – недоуменно спросил я.

– Ты еще не понял?! – влез в разговор тезка. – Так ты теперь в семье Сафроновых числишься официальным экспертом в области искусства!

– Мы как-нибудь обойдемся без твоих ехидных замечаний, Константин! – тут же осадил сына «папаша». – Олечка, а ты не молчи. Излагай свою просьбу, а то мы так до глубокой ночи здесь простоим.

– Этой девушке надо помочь в выборе картины. Ты pomoжешь, Костя?

– Когда?

– Завтра, Костя.

– С утра у меня зачет. Освобожусь, если пойду одним из первых, к одиннадцати. Не раньше.

– Ой, как хорошо! Тогда давай подъезжай к двенадцати часам. Вот адрес, – и она подала мне бумажку. – Мы тебя там будем ждать! Только очень прошу тебя: не опаздывай!

Я подошел к комиссионному магазину за десять минут до назначенного времени. Магазин должен был работать, но на входной двери висела табличка с надписью «Спецобслуживание».

«Что это значит?»

Оглянулся по сторонам, но стоило мне увидеть недалеко от входа большую черную машину, в кабине которой сидел водитель, как все стало на свои места. Я усмехнулся.

«Партократия приехала».

Постучал в дверь. На стук выглянул продавец. Он быстро оглядел меня и, видно, принял меня за обычного посетителя, так как пренебрежительно хмыкнул, а затем ткнул пальцем в табличку:

– Гражданин, вы читать умеете?! Вот табличка висит!

– Я могу уйти, вот только тебе потом за мной вдогонку придется бежать! – И я нагло усмехнулся.

Продавец сразу в лице изменился. В глазах заплескался страх, а на лице появилась подострастная улыбка.

– Извините, товарищ! Я не знал! Мне просто никто ничего...

– Веди давай!

– Проходите, пожалуйста, товарищ!

Войдя, сделал несколько шагов и невольно остановился. В большом зале среди старинной мебели, напольных часов и напольных китайских ваз, на полках и витринах стояли фарфоровые фигурки людей и животных, лежали шкатулки, медальоны. Я стоял и крутил головой, рассматривая эти осколки семейного счастья и признаки былой роскоши.

«Эх! Выставить бы это на современный аукцион и можно денежки лопатой грести...»

Голос Оленьки оторвал меня от грез и вернул в действительность.

– Костя! Иди сюда! Быстрее!

Я повернулся на голос. Она стояла в глубине зала и призывно махала мне рукой. Подойдя, я увидел на ее лице тщательно скрываемый страх, но только я открыл рот, чтобы спросить, как она меня подтолкнула к двери с табличкой «Директор»:

– Заходи быстрее! Я тебе потом все объясню.

Открыл дверь, затем вошел. Кабинет был большой, но из-за массивной мебели и тяжелых занавесок из коричневого плюша мне показалось, что его словно сжали изнутри, оставив мало свободного места. Стол, перед ним два массивных деревянных стула с широкими, удобными спинками. В углу – здоровый, старинный сейф с металлическими завитушками. С левой стороны стены висело несколько застекленных рамок с грамотами за отличное обслуживание, а над ними висел красный вымпел с надписью «За ударный труд!». С другой стороны комнаты висел портрет великого вождя, товарища Сталина. У стены, рядом с грамотами, стояла, чуть ли не навтыжку, женщина. Она, судя по всему, была директором магазина. Соломенного цвета волосы, пышные телеса, затянутые в оранжевое платье с широким вырезом и безрукавкой с цветным орнаментом, красные меховые полуботинки. Некогда красивое лицо сейчас обрюзгло и поблекло, а в глазах светился страх. Его источником, несомненно, являлся мужчина ярко выраженной восточной наружности, вальяжно расположившийся в кресле директора магазина. Ему было лет где-то тридцать пять. Правильные черты лица. Одет не просто хорошо, а изысканно. Кожаное пальто с меховой подкладкой, пушистый шарф в черную и белую полосы, а на столе перед ним лежала черная шляпа. С того самого момента, как я вошел в директорский кабинет, он стал рассматривать меня оценивающе и пренебрежительно, как важный покупатель, которому продавец расхваливает товар, но тот задирает нос и кривит губы, как бы говоря: угождай мне, угождай хорошо, тогда, может, я и куплю у тебя. Быстро скользнув по нему взглядом, я все свое внимание обратил на красивую девушку, сидящую на одном из двух стульев. Густые черные, выющиеся волосы обрамляли нежный овал лица, на котором особенно выделялись большие черные глаза, обрамленные длинными пушистыми ресницами.

«Еврейка? Хм. Нет. Восточный тип. Смесь кровей присутствует. Эх, хороша! Выглядит прямо как красавица из восточной сказки».

Если у Олечки (кстати, в девичестве ее фамилия была Бертгольц) была яркая и эффектная, словно выставленная напоказ, красота, то у незнакомки она была спокойной и утонченной. При этом, как я заметил, девушка никак не подчеркивала ее с помощью искусственных женских ухищрений, да и взгляд у прелестной незнакомки был прямой, открытый, искренний, без игры глазами и кокетства.

– Здравствуйте! – поздоровался я со всеми присутствующими.

– Здравствуйте, – откликнулась только одна прекрасная незнакомка, так как директор магазина просто кивнула головой.

– Э! Ты чего ждать себя заставляешь! – буркнул недовольно «сын гор», так я его уже мысленно окрестил.

Ситуация была неясная, поэтому я просто промолчал, ожидая, что последует дальше, но Олечка быстро использовала паузу, представив меня:

– Вот, Давид Надарович, это и есть специалист по картинам. Студент. Учится в институте.

– Вах! Молодой больно! – опять недовольно фыркнул восточный человек. – Э! Надо профессора, человека опытного! А это кто?

Я сделал рассерженное лицо.

– Не напрашиваюсь. Надо, ищите опытного! Всего хорошего!

– Стоять! Фамилия?! Имя?!

– Вам это зачем? – при этом я постарался изобразить на лице растерянность. – И кто вы сам такой?

– Я?! Татьяна, посмотри, этот человечек спрашивает: кто я?!

– Он правильно спрашивает, Давид! Его право! Ты сейчас не на своей работе, чтобы допросы устраивать! – неожиданно резко отчитала его прекрасная незнакомка.

«Так он из госбезопасности. А она, значит, грузинка с чисто русским именем Таня. Хм. Хорошее сочетание. Мне нравится».

«Сын гор» бросил на нее свирепый взгляд, но уже в следующую секунду заулыбался:

– Ты права! Это все работа! Все на нервах! Ладно, не будем спорить, не будем горячиться, а лучше пойдем, посмотрим, ради чего мы здесь собрались.

Около получаса мы выбирали картину для подарка. За это время «сын гор» достал меня своими хамскими выходками. Если сначала мне хотелось просто дать ему в морду, то к концу поисков у меня появилось желание свернуть ему шею. После того как картину упаковали, Таня с Оленькой отошли в сторону и принялись о чем-то говорить, «сын гор» подошел ко мне и сказал:

– Наш разговор еще не закончен, студент.

– Вы это о чем? – испуганно-удивленным тоном спросил я его, при этом представляя, как прямо сейчас сворачиваю ему шею, как хрустят, ломаясь, его позвонки, как тяжело упадет на пол тело и как он уставится слепыми, невидящими глазами на изливающую яркий свет люстру.

Он усмехнулся, так как по-своему понял мое застывшее выражение лица.

– Не дрожи, студент. Вот, возьми, – он подал мне бумажку с адресом. – Завтра ровно в одиннадцать должен прибыть по этому адресу.

– Погодите! У меня в институте в это время...

– Опоздаешь или не придешь – пеняй на себя. Найду, пожалеешь, что на свет родился! – Он резко отвернулся от меня и крикнул: – Таня, я жду тебя в машине!

Я пришел вовремя. Постучал. Дверь мне открыла нестарая женщина с больным и измученным лицом. Серая вязаная кофта, мешком сидевшая на ней, и длинная – из черной плотной ткани – юбка делали ее больше похожей на старуху.

– Вам кого, молодой человек?

– Мне дал этот адрес и сказал сюда прийти Давид Надарович.

Стоило мне назвать это имя и отчество, как ее передернуло, при этом она одновременно отпрянула от меня, словно ей сейчас в лицо сунули жабу.

– Вы вместе с ним работаете?

– Нет. Меня зовут Константин, я студент. Учусь в ИФЛИ.

– Студент. Ой, как хорошо! – ее лицо сразу посветлело. – Проходите, пожалуйста! У меня есть чай и сухарики!

Не успел я сделать несколько шагов в глубь квартиры, как за спиной раздалась пронзительная трель звонка.

– О господи! Это он! – В ее голосе было полно страха и ненависти.

«Сын гор» вошел, как к себе домой. Прошел мимо хозяйки квартиры, словно мимо пустого места, по пути бросил на меня взгляд, и уже из гостиной послышался его голос:

– Эй! Студент! Чего там стоишь, иди сюда!

Я прошел в гостиную.

– Иди сюда! За мной!

Мы прошли через спальню хозяйки, судя по широкой металлической кровати, и оказались в дальней комнате, практически пустой, за исключением двух здоровых, уже вскрытых деревянных ящиков и нескольких картин, выставленных у стен.

– На них смотри!

«Ни фиги себе! Он что, в Эрмитаже их спер?!» – не успел я так подумать, как снова раздался гортанный говор «сына гор»:

– Потом туда смотреть будешь! Сейчас на меня смотри и слушай, что я скажу! Список всего этого сделаешь! Художники там и прочее! Чтобы все написал правильно! Понимаешь?!

– Мне что, составить опись этих картин?

– Опись-мопись! Не знаю, но чтобы все правильно было! Художник там! Сколько стоят! И не только про картины! Вот здесь еще смотри! – и он рукой указал на ящики.

Я подошел к ящикам. Моим глазам предстала мешанина из тщательного упакованного старинного фарфора, древних фолиантов и других предметов антиквариата.

«Точно! Спер, гад! Поэтому не стал искать специалиста, а студентом решил обойтись. Хм. Тогда интересный вопрос напрашивается: что потом с этим студентом будет?»

– Чего смотришь! Меня слушай! Перепиши, потом цены поставь! Понял?! Три дня тебе на все!

– Три дня?! За это время еще с картинами, наверное, можно определиться, а насчет ящиков сразу скажу, мне на них и двух недель будет мало! Не разбираюсь я в старинном фарфоре...

– Ты не говори! Ты давай работай! Делай свою опись, а цены поставь – какие знаешь! Теперь последнее. Смотри сюда! – он достал из кармана удостоверение сотрудника госбезопасности. – Слово лишнее кому скажешь – поедешь на Колыму! Знаешь, как у нас в управлении говорят: был бы человек, а статью мы всегда найдем, – сказав, он весело, от души, засмеялся, потом посмотрел на меня: – Что, не смешно?

– Не смешно.

«Сын гор» смерил меня недовольным взглядом, хотел что-то резкое сказать, но, видно, передумал: я ему еще был нужен.

– Ладно. Теперь еще. Если здесь хоть что-то пропадет и я узнаю... Лучше сразу вешайся! Понял, студент?!

– Понял.

– На все тебе десять дней! Все! – он сделал небрежный жест рукой, словно барин, подгоняющий своего слугу. – Иди, работай!

Больше не обращая на меня внимания, он пробежал глазами по содержимому ящиков, потом бросил взгляд на картины, стоящие у стены, и вышел из комнаты. Спустя несколько минут я услышал, как хлопнула входная дверь. Какое-то время я стоял, разглядывая все эти произведения искусства, и думал о том, что, продав на аукционе, на всем этом можно неплохо заработать.

«Мысль неплохая, но для начала надо прояснить ситуацию», – и я пошел искать хозяйку.

Нашел я ее на кухне. Вот только стоило мне ее увидеть, как стало понятно, что разговора не получится. Блестящие глаза, побледневшее лицо, рука, прижатая к сердцу, стакан воды, стоящий на столе рядом с каким-то порошком, – все это говорило о том, что женщине плохо.

– Сердце?

– Да. Не волнуйтесь, сейчас... пройдет. Я лекарство... приняла.

Я прислонился спиной к раковине, в которой лежали две немытые тарелки и ложка, и приготовился ждать. Спустя несколько минут ее лицо порозовело и глаза ожили.

– Краем уха я слышала, как он с вами разговаривал, – женщина посмотрела на меня в ожидании моей реакции.

Я только хмыкнул в ответ.

– Я понимаю вас. Скажу вам честно: сама его жутко боюсь.

– Извините, как мне вас звать?

– Наталья Витальевна.

– Наталья Витальевна, скажите мне, пожалуйста, откуда в вашей квартире произведения искусства?

Она ничего не ответила. Просто закрыла лицо руками и заплакала. Тихо, горько, безутешно. Спустя несколько минут, я понял, что разговора не будет.

– До свидания. Я к вам завтра приду.

На следующий день я пришел не с пустыми руками. Принес бутылку вина, бутерброды с колбасой, печенье и немного сливочного масла к чаю. Увидев продукты, она сделала вид, что обрадовалась, но я-то видел, что у нее в глазах стоял страх. Она боялась меня, боялась моих вопросов. Сначала мы разговаривали на нейтральные темы. Говорили о нехватке продуктов, о больших ценах, о длинных очередях в магазинах, о том, что на ее зарплату ткачихи в 420 рублей можно было прожить только впроголодь. Хотя разговор шел как бы неспешно, но при этом чувствовалось, что женщина с каждой минутой все больше нервничает. Чтобы успокоиться, она даже махом выпила полстакана крепленого вина, но, похоже, ей это не помогло, и она, не выдержав, спросила:

– Скажите мне, Костя, что вам рассказал этот человек обо мне?

– Ничего не сказал. Но согласитесь со мной, Наталья Витальевна, что это вопрос напрашивается сам собой.

Она грустно качнула головой.

– Понимаю я. Еще как понимаю, молодой человек. Вы боитесь. Но раз вы здесь, значит, ему тоже чем-то обязаны и поэтому исполняете его указания, иначе бы вы во второй раз сюда не пришли.

Мы некоторое время молчали, потом хозяйка продолжила:

– Вчера весь день оплакивала свою судьбу, потом ночь не спала, все думала... и решила: чем так жить – лучше умереть.

Ее заявление меня несколько озадачило, хотя бы потому, что от хозяйки веяло какой-то черной безысходностью, а в глазах стоял страх.

«Похоже, хозяйка до ручки дошла».

Тут же изобразил тревогу и озабоченность на своем лице.

– Вы это... бросайте, Наталья Витальевна! Вам еще жить да жить!

– Да не могу я больше жить как хочу! Только смерть теперь в моей власти!

– Погодите! Может, вы мне объясните...

Она будто не слышала меня. Вино, смешавшись со страхом и распаленным воображением, на какое-то время отключило ее от реального мира.

– Ею он теперь распоряжается!! – тут она резким жестом ткнула рукой в сторону входной двери. – Он хозяин моей жизни! Захочет, выбросит меня из квартиры на улицу! Захочет, в лагерь отправит! Захочет, жизни лишит!

Мне пришлось с силой хлопнуть ладонью по столешнице, чтобы прекратить зарождающуюся истерику. Она вздрогнула, замолчала, испуганно глядя на меня.

– Извините меня, но так будет лучше, – я налил ей еще половину стакана вина. – Выпейте. И успокойтесь.

История ее жизни вначале была стандартной, и только в последние годы переросла в самый настоящий кошмар. Двадцать лет тому назад она познакомилась с советским служащим Владимиром Бушинским. Сыграли свадьбу. Бушинский показал себя хорошим специалистом и со временем вырос до начальника отдела какого-то главка. Выступал на совещаниях, что-то распределял, подписывал важные бумаги. В доме появились продукты, вино, конфеты. Из комнаты в коммуналке они переехали в однокомнатную квартиру. У него появились новые знакомые, но при этом он стал стесняться ее, простой ткачихи, стараясь ходить в гости без нее. Со временем стал приходить поздно, отговариваясь тем, что у него много работы, но при этом она стала замечать, что от одежды мужа пахнет духами. Женскими духами. Будучи женщиной прямой и открытой, она прямо спросила мужа о другой женщине в его жизни. Тот не стал отрицать, и вскоре они развелись. Она переехала к своей матери в коммунальную квартиру и думала, что навсегда выкинула его из своей жизни, но оказалось, что она ошибалась. Где-то спустя полгода бывший муж снова появился на пороге ее комнаты. Он пришел в тот момент, когда ее мать сильно заболела и ей были нужны дорогие лекарства. Бушинский помог не только достать, но и оплатил их, а в качестве ответной услуги попросил изредка бывать в трехкомнатной квартире, которую купил. На вопрос, откуда у него такие большие деньги, сказал, что у него теперь важная и ответственная работа, после чего исчез и месяца четыре не появлялся. В следующее его появление Бушинский принес бумаги на квартиру, которые собирался оформить на ее имя. Она отказывалась, но он так настойчиво просил «во имя их прежней любви», что женщина не выдержала и сдалась на его уговоры. После оформления бумаг он повез ее на квартиру, где показал два деревянных ящика и несколько завернутых в плотную бумагу картин. Объяснил их присутствие он так: в Государственном музее сейчас идет реорганизация, поэтому часть предметов достали из запасников, но для них не оказалось места, куда их поставить.

– Мне, как ответственному работнику, разрешили какое-то время держать народные ценности у себя.

– погоди, но какое ты имеешь отношение к этим вещам? Ты что, сейчас в музее работаешь?

– Нет. Не работаю. Просто меня, как ценного и ответственного работника, временно привлекли в государственную комиссию. Ее, кстати, одно время возглавлял великий пролетарский писатель Максим Горький. Вот так-то! Да не волнуйся ты так! Полгода не пройдет, как эти ценности заберут.

Ей пришлось согласиться, так как Бушинский опять дал ей денег и сказал, что всегда готов помочь с лекарствами для ее матери. Эта их встреча была последней, а спустя десять месяцев ее мать умерла. Оставаться в месте, где все напоминало о смерти матери, она не хотела и переехала в квартиру, которую оставил ей Бушинский.

Из ее слов мне стало понятно, что ее бывший муж в свое время состоял в оценочной комиссии, которая отбирала ценности, продаваемые за границу. Именно во главе ее какое-то время стоял Максим Горький.

Измена мужа и смерть матери сделали женщину замкнутой и безразличной ко всему. Работа – дом – работа. Так она и жила последние три года. Сначала ее удивляло, что не появляется Бушинский или кто-то из сотрудников музея не пришел за этими вещами. Даже хотела сходить к нему на работу, но вспомнила, что представления не имеет о его новом месте службы, а потом привыкла и больше не обращала на внимания на эти предметы. Из пустого, безразличного состояния ее вывела случайная встреча со знакомой женщиной, женой сослуживца по работе ее бывшего мужа, с которой она не виделась уже несколько лет.

– Здравствуй, Клава.

– Здравствуйте, – ответила она холодно и резко, что бедная женщина даже подумала, что, возможно, ошиблась и это не ее знакомая.

– Клава, вы что, меня не узнаете?!

– Может, раньше и знала, а теперь знать не хочу! – и та начала разворачиваться, чтобы уйти.

– Погодите! Почему?!

– Интересно, а вы почему на свободе?!

– Я? Как почему? Что за вопросы такие странные? – женщина совсем растерялась. – Ничего не понимаю!

Клава, увидев наивное и непосредственное удивление старой знакомой, поняла, что Наталья действительно ничего не знает.

– Наташа, так вы совсем ничего не знаете?! Погодите! Вы когда видели мужа в последний раз?

– Даже... не помню. Мы с ним уже больше четырех лет не живем вместе.

– А! Я-то думаю! Так ты просто счастливица! – Тут женщина сделала таинственное лицо. – Ты просто не представляешь, как тебе повезло! Твой бывший оказался крупным расхитителем народного имущества. Его собирались арестовать, а он взял и из окна прыгнул. Вот так.

– Он... расхититель? Как же... Он умер?!

– Конечно! С пятого этажа прыгнул, как мне мой Петя сказал.

– Когда это произошло?! Где его похоронили?! Где мне об этом узнать?!

– Ты что, полная дура? Да ты следом за ним пойдешь, как только начнешь о нем расспрашивать! Тебя не тронули только потому, что вы давно с ним расстались! А вот если ты сейчас придешь и начнешь говорить, что его жена, пусть бывшая, тебя точно в лагеря упекут! Даже не думай!

– Что мне теперь делать, Клава? – глаза Натальи наполнились слезами.

– Ничего. Живи, как раньше жила. Детей же у вас не было?

Давясь слезами, Наталья только отчаянно замотала головой.

– Бедная ты. Брось. Нашла по кому слезы лить! Не стоит он того! Все они козлы! И мой тоже! Мы им всю себя отдавали, свою жизнь молодую, а они только и норовят под чужими юбками шарить! Хорош реветь! Все! Иди домой, Наташка, и забудь обо всем этом, как о страшном кошмаре! Побегу я!

– До свидания, – пробормотала ошарашенная женщина, глядя вслед своей знакомой.

Идя домой, она сначала горевала о своем Володе, потому что даже при всей его подлости у нее остались к нему какие-то чувства, но в какой-то момент неожиданно вспомнила о квартире, ящиках и картинах. Внезапный страх охватил ее душу.

«Боже мой! Он же расхититель... Наворовал и здесь спрятал. Как же это? Что мне делать? Бежать надо! Уехать! Мне надо уехать! Куда угодно, только подальше отсюда! Хорошо, что Клаву встретила! Господи! Надо уволиться. Завтра подам заявление! Да, так и сделаю! К сестре уеду в Кострому! Закрою эту чертову квартиру, и никто меня не найдет! – Но пришедшая ей в голову новая мысль задавила радость в зародыше. – Ой, нет! Господи! Нет! Найдут. Точно найдут. Ведь эту квартиру этот сукин сын на меня записал. Найдут и расстреляют. За хищение социалистической собственности. Никто не будет разбираться! Никто! Квартира на мое имя. И вещи в ней, значит, мои. Господи, помоги! Я всегда в тебя верила! Спаси и сохрани, Господи!»

С этими мыслями она и жила какое-то время. Приходила после работы, ела и запиралась на ключ. Ее жизнь, словно муха, запуталась, а затем повисла в паутине страха. Осталось только дожидаться паука, который не замедлил появиться.

– Пришел ко мне, сел напротив, а затем положил тоненькую папку. Сказал: читай. Там все про Володю. Как и с кем... Что я ему могла после этого сказать?

– Непонятно. Он же разбился, как же... этот узнал про квартиру?

– Не знаю. Может, приводил сюда кого-то, только это в показаниях свидетелей всплыло. Он так мне сказал.

– А сами показания свидетелей вы видели? Читали?

– Нет. Да и зачем?

Я задумался.

«Наивная женщина. К ней пришли, сказали, что она виновата, а та уже готова в петлю лезть. “Сыну гор” нужна была квартира, а заодно он решил бесхозные “народные ценности” прибрать. Вот только как он собирался это проверить? Придется узнать, как у них тут дела на квартирном фронте. С кем бы посоветоваться?»

Из раздумий меня вывел голос хозяйки квартиры:

– Знаете, Костя, меня родная сестра зовет к себе. Я бы уехала, да цепью тяжелой прикована к этой проклятой квартире. Дура я старая!

– Да не старая вы! Вам, если не секрет, сколько лет?

– Уже не секрет, Костик. Сорок восемь скоро будет.

– Где сестра живет?

– В Костроме.

Я прикинул в уме. Война не докатится, в тылу будет жить. Мне надо было все это обдумать, поэтому я быстро завершил нашу беседу, отговорившись тем, что у меня сегодня много дел. Следующие два дня у меня ушло на изучение квартирного вопроса. Ушло бы куда больше времени, если бы я не додумался позвонить Олечке. Так я узнал, что в столице существует рынок так называемых фиктивных браков для получения московской прописки. После чего, если у тебя есть деньги, можно менять квартиры с доплатой, или взять ссуду и построить собственный дом.

«Хм. Фиктивный брак. Прописка и квартира. Вот только это все сможет стать для меня реальностью, если помочь “сыну гор” исчезнуть».

– Скажите, Наталья Витальевна, если у вас все сложится хорошо, вы останетесь в Москве жить?

– Нет. Нет! Сразу уеду! К сестре. Даже квартиру продавать не буду. Будь она проклята! Жизнь мою сгубила! Ненавижу!!

Ее лицо неожиданно приняло синеватый оттенок, она откинулась на спинку стула и, закрыв глаза, тяжело, учащенно задышала. Я принес ей лекарство и воду. Спустя десять минут, когда ей стало легче, она устало улыбнулась:

– У меня уже все хорошо. Вы идите, Костя, идите. Приходите завтра.

Вечером этого дня я встречался с Олечкой, и наш случайный разговор в постели неожиданно подтолкнул меня к действию.

– Знаешь, я тут встречалась с Давидом.

– В постели или так?

– Фу, противный. Ничего тогда тебе не скажу.

Сурового молчания хватило ровно на три минуты, после чего мне стало известно, что Давид Надарович занимает пост начальника отдела в Управлении государственной безопасности, а красавица по имени Таня, которую мне довелось видеть в кабинете директора комиссионного магазина, его невеста и младшая дочь комиссара третьего ранга государственной безопасности.

«Невеста? Этого “сына гор”?»

Некоторое время я осмысливал эту информацию, а Олечка, глядя на меня, поняла затянувшуюся паузу по-своему. Что это такое? Ушел в себя, а на меня ноль внимания! Срочно исправить!

– Костик, – она кокетливо повела глазами, – а Давид, в отличие от некоторых мужчин, умеет красиво ухаживать за девушками.

– На меня намекаешь? Исправлюсь! Давай махнем в среду в ресторан...

– Нет! В среду меня Давид пригласил! Давай... в субботу. Мой хороший мальчик, ты же не обижаешься на свое солнышко?

– Не обижаюсь. Куда идете?

– В «Арагви»! Я так мечтала в нем побывать! Знаешь, в этот ресторан так просто не попадешь! Там обедает и ужинает элита Москвы!

– Ух ты! Этак ты скоро двери в Кремль ногой открывать будешь!

– Может, и буду! Время покажет! – И она весело засмеялась.

– Ох, проказница! А как супруг узнает?

– Ему сейчас не до меня. У него там новая аспирантка завелась, так они теперь по вечерам вместе работают. Вместе науку двигают.

– Так ты тоже от него не отстаешь. Вон, теперь Давид у тебя появился.

– Костик, миленький, не ревнуй меня, пожалуйста.

– Успокойся. Не ревную я тебя, солнышко. Так что там твой Давид еще говорил?

– Не мой. Ты понял? Не мой!

Я несколько раз покаянно кивнул головой, соглашаясь, что он не ее любовник, а просто хороший знакомый.

– А что он говорил?.. Говорил, что у него через две недели новая квартира будет. Большая, трехкомнатная, недалеко от центра. Обещал мне ее показать. Говорил, что ему надоело жить на съемной квартире. Переулок назвал... А! Вспомнила! Старостремянный, дом номер семь. Правда, странное название у...

«Мне дал десять дней. Ей пообещал показать квартиру через две недели. Может, он действительно собирается выписать хозяйке и мне командировку на тот свет? Что ж, посмотрим».

– Костя, ты опять меня не слушаешь.

– Девочка моя, просто мне это не интересно. Нам что, больше говорить не о чем? Ты посмотри, какие чудные вишенки растут в этом саду, – и я чуть-чуть прикусил темный набухший сосок.

– О-о-ох! Милый мальчик, что ты со мной делаешь...

Спустя три недели я пришел проводить Наталью Витальевну на поезд. По старому русскому обычаю мы присели на дорожку. Я достал из кармана пачку денег и положил на стол перед ней.

– Здесь пятнадцать тысяч рублей. Возьмите.

– Вы что, Костя! Я не буду брать! Вы так много для меня...

– Берите. Хоть едете к родной сестре, но все равно на новое место. Там обживаться надо будет, да и племянницам чего-нибудь купите.

– Ой, Костя! Уже жду не дождусь, когда их увижу! Знаете, до сих пор не могу поверить, что я свободна! Ведь жила в этой проклятой квартире, как в тюрьме! Знаете, с тех пор как вы мне сказали, что его выгнали с работы и отдали под суд, я будто снова начала жить! Еще раз вам большое спасибо, что сдали художественные ценности в музей. Они у меня на душе просто тяжелым камнем висели. Костя, вы столько для меня сделали! Просто не представляете! А тут еще и деньги дарите. Вы просто не знаете, какой вы добрый и щедрой души человек!

Я смотрел на ее доброе и восторженное лицо, сияющие радостью глаза и думал: «Господи! Бабе под пятьдесят, а она настолько наивная и простая, что до сих пор продолжает в детские сказки верить. Вывез ящики и картины, показал ей липовую квитанцию с печатью про сданные ценности. Святая наивность! Под суд отдали... Хотя тут, возможно, присутствует доля правды, если на небесах, конечно, есть суд. Впрочем, все это издержки производства, потому что в итоге: фиктивный брак, московская прописка и квартира. Что ни говори, а овчинка выделки стоила».

– Наталья Витальевна, идемте. Поезд нас ждать не будет. Где ваш чемодан?

Глава 5

Поколение, к которому принадлежала молодежь тридцатых годов, видело романтику в огненных всполохах гражданской войны, глядя на прошедшие события через рассказы своих отцов, через газеты, книги и фильмы, такие как «Красные дьяволята» или «Чапаев». Кожаные комиссарские куртки, маузеры и всепобеждающие конные лавы армии Буденного – вот что тревожило мальчишеские души, заставляя втайне желать повторения подвигов их отцов. Когда началась война, их мечты вдруг стали реальностью. К тому же большинство из них считало, что война займет от силы несколько месяцев, поэтому было необходимо успеть принять участие в смертельной схватке с фашизмом, причем непременно приехать с войны непобедимым героем, с полной грудью орденов и медалей. По этой самой причине мои однокурсники чуть ли не бегом устремились в военкомат, а вместе с ними я, чтобы не выделяться из общей массы, но там нас быстренько развернул пожилой капитан с буденовскими усами, на прощание сказав:

– Без вызова больше не появляться! Понадобитесь, вызовем повестками!

Народ, возмущенный несправедливым отказом, выйдя из военкомата, тут же стал решать, кому писать гневное письмо на произвол военкома, который мешает молодым строителям коммунизма отправиться на борьбу с фашистской гадиной. После долгих споров наконец решили пойти в партком института. Там нас обязательно поймут и направят на войну, но в парткоме было не до нас, и нас направили в райком комсомола, а так как время было уже позднее, дружно постановили пойти туда завтра с утра.

В райкоме нам сказали: это просто здорово, что мы пришли, а после того как узнали, что среди нас есть будущие журналисты и писатели, предложили участвовать в оформлении, написании и распространении агитационной литературы. Так как это устроило далеко не всех, то предложили прийти через несколько дней и осторожно, словно открывали нам военную тайну, сказали, что, возможно, скоро начнется формирование боевых дружин из комсомольцев и партийной молодежи. Студенты вышли, воспрянув духом. Боевая дружина – это звучит гордо!

Большая часть студентов сразу разбежались по своим делам, а некоторые присоединились к группе людей, стоявших у стенда с газетами и громко обсуждавших свежую «Сводку главного командования Красной Армии за 23 июня 1941 года».

Из прошлой жизни у меня были только самые общие понятия о Великой Отечественной войне, но кое-какие цифры остались в памяти, как и то, что только за 1941 год Красная Армия потеряла около двух миллионов человек. Эта сводка напомнило мне бессовестное вранье, которое приходилось слышать от черномазых генералов в их речах или военных сводках, будучи наемником. Когда я слышал подобное, то точно знал, что где-то мятежники опять поставили раком правительственные войска.

– «...На Шауляйском и Рава-Русском направлениях противник, вклинившийся с утра в нашу территорию, во второй половине дня контратаками наших войск был разбит и отброшен за госграницу; при этом на Шауляйском направлении нашим артогнем уничтожено до трехсот танков противника». Вы слышите, товарищи! До трехсот гитлеровских танков! Представляете...

– Не отвлекайся, сынок! – прервал восторженные восклицания парня, читавшего вслух сводку с газетного листа, крепкий, поджарый старик с седыми усами. – Давай читай дальше!

– «...В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии в течение дня на нашей территории сбит пятьдесят один самолет противника; один самолет нашими истребителями посажен на аэродром в районе Минска. За двадцать второе и двадцать третье июня нами взято в плен около пяти тысяч германских солдат и офицеров...» Ура, товарищи!

– Ура-а!!

«Интересно, до какого времени здесь народ подобным враньем пичкали? Впрочем, мне какая разница!»

– Да не грусти, Костя! Мы успеем еще попасть на войну и надрать немцам задницу! – крикнул мне сокурсник Ваня Сушкин, неправильно истолковав выражение моего лица. Он все это время стоял недалеко от меня.

– Успеем, Ваня! Еще как успеем! – И я быстренько изобразил восторг на своем лице. – Кто, как не мы!

Трусом я никогда не был и от опасности не прятался, но бежать на войну сломя голову не собирался. Мой боевой опыт не разовый товар, поэтому в окопе ему делать нечего, решил я для себя, но при этом предпринял некоторые меры предосторожности, чтобы избежать возможных обвинений в трусости со стороны товарищей. Записался в пожарную дружину. Нахожусь на виду, занимаюсь общественно полезной деятельностью, а в военкоматы бегать перестал, потому что на все нет времени.

Мне хорошо запомнилось мое первое ночное дежурство на крыше, наверное, потому, что я снова почувствовал себя почти как на войне. На бульваре, напротив дома, между деревьев и скамеечек, расположилась зенитная батарея, а на углу крыши рядом стоящего дома были оборудованы зенитчиками две счетверенные пулеметные установки. Дальше, в некотором отдалении от зенитчиков, через каждые сто пятьдесят метров стояли лебедки, при помощи которых днем стальными канатами притягивались к земле, а ночью отпускались и поднимались на большую высоту похожие на китов заградительные аэростаты.

Когда сквозь кольцо зенитной обороны города прорывались немецкие бомбардировщики, по сигналу «Тревога!», под завывание сирен, гудков заводов, пожарных машин, одни из нас бегали по этажам, звонили в квартиры, будили жильцов, другие поднимались на крышу. В ту ночь, видимо, прорвалось несколько немецких самолетов, один из которых летел в мою сторону. Сотни прожекторов ловят его на мгновение, выхватывая его из черноты ночи, а затем сотни разноцветных трассирующих пулеметных очередей разрывающихся снарядов бьют в окружающее его пространство, пытаются нащупать и уничтожить самолет. Вот забила зенитная установка в скверике, ей вторят пулеметные установки. Грохот такой, что даже под сводами черепа отдавался эхом, а в глазах шла рябь от мелькания прожекторов и разноцветных трасс пулеметных очередей. Неожиданно раздалась вперемешку мужские и женские крики:

– Зажигалки летят! Тушите! Зажигалки!

Суетливо, мешая друг другу, мы кинулись к ящикам с песком и, зачерпнув его лопатой, побежали к огненным шарам. Бросаем на них песок, а затем бежим обратно за песком, и так до тех пор, пока не погасим. Так повторялось почти каждую ночь.

В четыре-пять часов утра, после отбоя тревоги, я спускался с чердака и шел в общежитие, где заводил будильник и мгновенно засыпал. Через три часа вставал и шел в институт. После лекций где-нибудь ел, затем спал пару часов, после чего шел на тренировку. Было трудно, но человек ко всему привыкает.

История Сашки Воровского частично повторяла мои хождения по военкоматам, только до определенного момента, так как неожиданно для нас он сумел получить направление в школу младших командиров при артиллерийско-минометном училище, находящемся в Костроме. Из случайно оброненных слов я понял, что он его получил благодаря своему отчиму, который занял какой-то важный пост в Политуправлении. За день до отъезда, гордый и радостный, Воровский пришел к нам попрощаться. Я смотрел на него и думал, что через полгода Сашка, получив звание, окажется в самом настоящем аду. Что с ним будет? Выживет ли парень? Может быть, поэтому разговор у нас получился какой-то неловкий и скомканный.

Мой тезка, Костик, не сильно стремился попасть на фронт, поэтому выбрал для себя наиболее безопасный участок для борьбы с фашистско-немецкими захватчиками. Будучи неплохим художником и немножко поэтом, он стал заниматься оформлением листовок и плакатов,

а также сочинять тексты для плакатов, посвященных войне, в отделе агитации и пропаганды при райкоме партии. Со временем у него было проще, чем у меня, поэтому, дав денег, я возложил на него работу по заготовке продовольствия, помня о скором вводе продовольственных карточек. К нашему общему с тезкой сожалению, несмотря на жесткую пропускную систему, в Москву сумела приехать дальняя родственница хозяина квартиры, после чего нас попросили съехать. Я вернулся в общежитие, а Костик – домой, так как его отец уже «сидел на чемоданах», собираясь в ближайшее время уехать вместе со своим институтом в теплый Ташкент.

Так моя жизнь продолжалась до того дня, пока меня неожиданно не вызвали в райком комсомола и вместе с тремя десятками моих сокурсников предложили пойти на четырехмесячные курсы военных переводчиков при Военном факультете западных языков. Я сразу дал свое согласие, так как ночи на крышах были для меня далеко не самым лучшим времяпрепровождением. Выйдя на улицу, парни и девушки, которые вместе со мной получили направление, чуть ли не прыгали от радости. Они пойдут на войну! Они будут бить фрицев! Смушало новоявленных бойцов с фашизмом только одно обстоятельство – что за четыре месяца может закончиться война и тогда они не успеют стать героями. Не откладывая, мы сразу, шумной толпой, пошли в институт, где написали заявления о приеме, а еще через пару дней нас вызвали на приемную комиссию, которая должна была определить уровень знания немецкого языка.

После успешно сданного экзамена я стал «слушателем» военного вуза, но не успели мы проучиться и пары недель, как меня и еще несколько человек вызвали к начальнику курсов, который сообщил нам, что нас выделяют в особую группу. На многочисленные вопросы коротко ответил, что это приказ свыше и обсуждению не подлежит, но единственное, что он может нам сказать: упор в нашей учебе будет сделан на два новых курса: «Немецкие диалекты» и «Техника ведения допроса военнопленного», а в конце добавил, что новый срок окончания курсов – два с половиной месяца. При этом известии у курсантов радостно округлились глаза, ведь то, что им сейчас сказали, предполагало работу в разведке. Их пошлют в тыл врага! Не меньшую радость доставила новость о сокращении срока учебы, так как теперь они точно знали, что попадут на войну раньше остальных и будут бить фашистов.

Прошел месяц учебы, как вдруг, одного за другим, прямо среди занятий, стали вызывать курсантов в кабинет начальника курсов. Все, кто возвращался, делали таинственные лица, а на все вопросы приятелей отвечали одно:

– Сами узнаете.

Пришла и моя очередь. В кабинете помимо начальника курсов сидел лейтенант госбезопасности.

– Курсант Звягинцев по вашему приказанию прибыл, товарищ начальник курсов! – четко отпартортовал я.

Руководитель курсов только кивнул мне головой, а затем сказал:

– С вами хочет поговорить представитель НКВД.

– Здравия желаю, товарищ лейтенант государственной безопасности!

– Здравствуй, Звягинцев. Комсомолец?

– Да.

– Мне было сказано, что ты хорошо владеешь немецким языком. Сейчас я хочу в этом убедиться!

Он перешел на немецкий язык, на котором мы какое-то время говорили на самые разные темы, затем снова стал говорить по-русски, но теперь его интересовало, как я усваиваю курс «Техника и методы ведения допроса», а в конце он посоветовал мне не робеть перед «грубыми» методами.

– Воевать надо зло! Никакой жалости к врагам! Теперь у меня к тебе вопрос, комсомолец Звягинцев: готов ли ты к борьбе с немецко-фашистскими захватчиками?!

В ответ я бодро и радостно отпартортовал:

– Да! Готов прямо сейчас выполнить любое задание!

– Молодец, комсомолец!

Затем лейтенант рассказал, что начинается формирование отрядов, отправляемых в тыл врага, и катастрофически не хватает людей, владеющих немецким языком. Я подумал, что мне дадут день-другой, чтобы обдумать предложение, но вместо этого он предложил прямо сейчас написать заявление. Когда я закончил писать под его диктовку, он внимательно прочитал то, что я написал, затем положил бумагу себе в планшет, затем встал и торжественно произнес:

– Товарищ Звягинцев, вы должны быть готовы к тому, что в любой момент можете нам потребоваться! Подчеркиваю! В любой момент! Считайте себя с этой секунды призванным в армию!

Вскочив вслед за ним, я громко сказал:

– Служу трудовому народу!

– Теперь последнее, товарищ Звягинцев. Крепко запомните: о нашем разговоре никому ни слова! Вы поняли?

– Так точно, товарищ лейтенант государственной безопасности!

Вернувшись в группу, я вел себя так же, как и все остальные: делал таинственное лицо и отмалчивался. Мне было о чем подумать. В отличие от этих ребят, я прекрасно представлял всю сложность и смертельную опасность будущей работы в тылу.

Вдруг за несколько дней до окончания спецкурса нас неожиданно мобилизовали на строительство оборонительных укреплений, и мне стало ясно, что командование пока решило подождать с немецким тылом по одной простой причине: немецкие армии рвались к Москве.

Наша работа по подготовке укреплений начиналась рано утром. Сначала мы жгли костры, прогревая промерзшую землю, а потом начинали работать ломami и кирками. Пробив верхний слой земли, мы начинали углублять траншеи и противотанковые рвы и только дважды в день отрывались от работы, чтобы поесть горячую жидкую кашу. Спали в землянках. Газет никто не приносил, поэтому свежих новостей мы не знали, пока сами не оказались на фронте. Неожиданно рано утром, перед самым началом работы, приехал грузовик, из которого выскочил военный инженер. Он подбежал к нашему лейтенанту и что-то коротко ему сказал, после чего нас быстро построили.

– Товарищи! Нужны добровольцы-мужчины! Шаг вперед!

Когда две шеренги разом шагнули, командиры переглянулись, усмехнулись, и тогда вышел вперед приехавший военный инженер.

– Нужны крепкие, сильные мужчины, из тех, кто хорошо владеет оружием!

Я шагнул одним из первых, как выходил из строя раньше, в Афганистане, когда выбирали добровольцев для особо опасных заданий. Почему я так сделал? Наверное, исходил из понимания фразы, которую когда-то слышал: жизнь радует, пока не становится слишком пресной. Может, именно это стало причиной, толкнувшей меня на такой поступок? Или просто захотелось снова пройти по лезвию ножа? Если честно, то мне и самому непонятно было, что меня толкнуло на этот шаг.

Отобрав полтора десятка человек, нас посадили в грузовик и повезли, так толком ничего не объяснив, но куда мы ехали, было понятно всем. Машина ехала на звуки канонады, которые становились все громче. Приехав, мы выгрузились. Прямо перед нами лежали наполовину отрытые траншеи, в которых лихорадочно работали бойцы вперемешку с гражданским населением. Получив инструмент, мы сразу принялись за работу. Можно было считать, что мы находились на фронте, так как бой шел где-то в километре от нас. Грохот и черные огненные фонтаны взрывов в первое время заставляли оборачиваться, но спустя какое-то время я перестал обращать на них внимание, как и на сами звуки боя.

К часу следующего дня вместо полевой кухни к нам неожиданно примчалась полуторка с солдатами. Из нее выскочил командир в ватнике, перетянута портупеей. Из-под ворота рас-

стегнутой телогрейки выглядывала петличка с одной шпалой. Подбежав к военному инженеру, руководившему работами, он громко сказал:

– Немцы прорвались! Отсылайте гражданских!

Тем временем его бойцы принялись стаскивать с машины длинноствольные неуклюжие противотанковые ружья и пулеметы максим.

– Машину дать не могу. Она сейчас пойдет за подкреплением, поэтому уходите пешком, – продолжил говорить капитан. – Идете назад, вдоль опушки! Обогнете кромку леса, там дорога. Расстояние до нее три с половиной – четыре километра!

Народ вылез из траншей и столпился в ожидании дальнейших приказов. Спустя минуту к нам подошел военный инженер.

– Товарищи! Я с вами не пойду! Я военный, и мой долг защищать Москву! Семицкий!

Из толпы вышел пожилой мужчина в треухе и ватнике.

– Постройте людей!

Спустя несколько минут мы выстроились в две шеренги. Военный инженер встал перед строем.

– Товарищи! Спасибо вам большое за ваш важный и нужный в столь трудную минуту для Родины труд! Теперь вы пойдете домой! Направление вам указано! Уходите быстро, немец скоро будет здесь! Семицкий, командуйте!

Люди начали строиться в колонну. С десяток студентов неожиданно отделились от толпы и подошли к командиру. Я смотрел на них и пытался понять, что мне надо делать. Правильно было уйти и использовать свои специфические знания по назначению там, где я принесу больше пользы. Это было логично. Вот только я сейчас почувствовал то, что со временем подрастерял за то время, пока служил наемником. Чувство собственного достоинства. Сделав свой выбор, я подошел к группке студентов, которые остались.

– Люди мне нужны, товарищи, спорить не буду, но при этом мне нужны бойцы, умеющие держать оружие в руках! Если есть хоть малейшее сомнение... – Сейчас командир смотрел на меня. Его можно было понять. Он видел, что я подошел последним, и со стороны могло показаться, что я колеблюсь. – Лучше уходите сразу! Нянек для вас тут нет! С того самого момента, как вы поступите под мою команду, вы бойцы рабоче-крестьянской Красной Армии! Обратного пути у вас не будет! Не передумали?! Хорошо! Сейчас приедет пополнение. Найдите старшину Обломова. У него получите оружие.

У разбитного старшины нашлось не только оружие, но и ремни, ватники, кирзовые сапоги. Правда, все в небольшом количестве. А вот касок не было, да и оружие было не новым. Вытертое воронение, ложи были кое-где треснуты, кое-где выщерблены.

– На вас, товарищи бойцы, выделен один пулемет Дегтярева, – сказал нам старшина. – Кто обращаться с ним умеет?

Я подошел к старшине.

– Давайте мне. И пистолет.

– Ты смотри, знаешь, – удивился просьбе старшина. – Все правильно. Первому номеру личное оружие положено. В кабине возьми, там несколько штук наганов лежит.

В кабине полуторки я взял брезентовую кобуру с наганом, затем из коробки насыпал патронов в карманы ватника. Пока я осваивал пулемет, машины привезли пушки – сорокапятки и снаряды. С артиллеристами приехали связисты. Так на нашем участке появился оборонительный рубеж. Вечером приехала легковая машина, и нас тут же построили. Перед строем вышел генерал, сопровождаемый нашим капитаном.

– Товарищи! Бойцы! Ваша задача проста и в то же время неимоверно трудна! Вам предстоит удержать гитлеровцев на этом участке фронта! Удержать свои позиции до двух часов дня! Там, за вашей спиной, идет разгрузка новых, свежих дивизий! Им нужно это время, чтобы

занять позиции! Я понимаю, вас мало! Но я прошу вас, товарищи, сделать все возможное и невозможное! Помните, за вами столица нашей Родины Москва! Мы не можем...

Утром следующего дня ударили немецкие пушки, вот только теперь они били по нам. Снаряды рвались почти рядом, обдавая нас комьями мерзлой земли. Взрывы и свист разлетающихся осколков давил на уши, резкий запах сгоревшей взрывчатки лез в нос, глаза постоянно приходилось протирать от мелкой пыли. Прошло немного времени, и вслед за взрывами, где слева, где справа, стали раздаваться человеческие крики и стоны. Неожиданно канонада прекратилась, а вместо нее, где-то издалека, со стороны немцев, послышался тяжелый гул. Он шел, нарастая, заставляя сердце биться все чаще, а руки сильнее сжимать оружие.

– Приготовиться к атаке!! – разнеслось у нас за спиной. Вдоль окопа бежал наш капитан. – Приготовиться к атаке!!

Неожиданно командир остановился.

– Не бойтесь, парни! Фашист сам боится! И вас, и смерти! Вам надо только выстоять, парни. Понимаете?! Надо!! По местам! А ты, Звягинцев, слушай и запоминай с первого раза, потому что повторять уже некогда. Твоя первостатейная задача: отсекай пехоту от танков. Кого не убьешь, того мордой в землю надо положить! Понял?!

– Понял, товарищ капитан.

– Не подведите меня, бойцы! Очень я на вас надеюсь!

Сказал и побежал дальше. Мы не могли знать, может даже и капитан этого не знал, что танки противника, прорвав нашу оборону, сейчас растекались в разные стороны, громя тылы разбитой и отходившей нашей армии, поэтому командование срочно организовало эту вторую линию, мобилизовав для этого всех, кто мог держать в руках оружие. Капитан это знал, но не понимал, как можно удержать пятьсот метров своего участка сотней бойцов, собранных по всему тылу, с шестью пулеметами и тремя пушками, но он был кадровым командиром, знавшим, что такое приказ, и у него было всего два выхода – удержать немцев на рубеже или погибнуть. Третьего не дано. Кроме того, он, как военный человек, прекрасно понимал, что будет, когда немецкие танковые клинья со всей силы ударят на вновь прибывшую дивизию, которая еще не успела закрепиться на новом рубеже.

Если до этого меня била внутренняя дрожь, то только стоило установить пулемет на бруствере, утопить сошники и прижаться щекой к холодному прикладу, как я вдруг успокоился. Так у меня бывало и раньше. Страх не ушел, но он больше не управлял моим разумом. Теперь его место занял холодный расчет, сосредоточив окружающий меня мир в узкой прорези прицела. Танки были видны и раньше, только сейчас можно было разглядеть сидевших на их броне людей. После того как звонко и отрывисто ударили наши сорокапятки, немецкие пехотинцы резво посыпались с машин на землю. Танки не задержались с ответом, на башне одного сверкнула вспышка, потом у другого, у третьего. Рядом с окопами вздыбилась земля. Тяжелые машины, стреляя с ходу, шли на наши окопы. Сощуриль глаза, я пытался понять, насколько опасна ситуация. Внезапно впереди идущий танк дернулся и из него повалил дым. Он еще проехал какое-то время и остановился. Люк откинулся, из него полезли танкисты. Перевел прицел на них, нажал на спусковой крючок. Короткая очередь сняла двоих из них. Вторая машина, обогнав подбитого собрата, вырвалась вперед, идя прямо на нас. Вспыхнуло белое пламя у его ствола, я невольно вжал голову в плечи, но снаряд упал где-то за моей спиной.

«Сейчас по нам, сука, ударит».

Только я так подумал, как где-то рядом ударило противотанковое ружье. Не знаю, куда целил стрелок, но попал в гусеницу, и танк со скрежетом резко остановился. Его башня только пришла в движение, как рывкнули, одна за другой, наши пушки. Один снаряд пролетел мимо, зато другой ударил прямо в башню, после чего танк окончательно замер, превратившись в отличную мишень, чем не замедлили воспользоваться наши артиллеристы. Угроза была устра-

нена, и теперь я мог уделить все свое внимание серым фигуркам пехотинцев, которые, стреляя из винтовок, быстро расползались по полю.

«Давай, твари, давай. Ближе. Ближе!»

Били пушки, глухо кашляли противотанковые ружья, стучали пулеметы, но я ничего не замечал, снимая короткими, аккуратными очередями по два-три гитлеровца. Плотный огонь из винтовок и пулеметов заставил немецкую пехоту дрогнуть. Где-то откатиться назад, где-то залечь на землю. Видя, что атака срывается, немецкое командование решило исправить положение и послало не менее двух взводов солдат для удара нам во фланг. Расстреливая атакующих фрицев, я не мог видеть этого маневра, поэтому, когда рядом со мной оказался капитан, из-за плеча которого выглядывал связной, я только бросил на него быстрый взгляд, как бы спрашивая: «Зачем пришел?»

– Звягинцев, быстро за мной!

Не раздумывая подхватив пулемет, я сразу продублировал команду второму номеру:

– Андрей! Бери диски и за мной!

Мы бежали вдоль окопа, спотыкаясь. Тяжелый пулемет уже в первые минуты бега отбил мне все плечо. Задыхаясь, мы добежали до края обороны. Только я успел поставить пулемет на бруствер, как стало понятно, для чего нас сюда перебросили. С фланга на нас набегала рассыпанная цепь немецких солдат с винтовками. Здесь наших бойцов, за исключением пятых солдат, не было. Причем они стреляли не прицельно, а для того чтобы сдержать немцев, заставить их залечь. Стоило гитлеровцам заметить пулемет, как они перенесли весь огонь на меня, но я уже стрелял, скашивая длинными очередями фрицев. Рядом со мной отрывисто били винтовки бойцов, но теперь уже не наобум, а выискивая цель. Потеряв половину подразделения в первые несколько минут, гитлеровцы не выдержали и начали отходить, а потом просто побежали.

От остального боя у меня в памяти остались только картинки. Новая волна атакующих гитлеровцев. Грохот танков и орудий. Протяжные стоны раненых. Тонкой ниточкой стекающая из дырочки на виске моего второго номера кровь. Разрыв снаряда, бросивший меня на дно окопа, после которого я на какое-то время оглох на правое ухо, а перед глазами плавала серая муть. Потом чьи-то сильные руки поставили меня на ноги и, придав скорости толчком в спину, погнали вперед. Сначала бежал, автоматически переставляя ноги, потом, когда в голове прояснилось, понял, что мы просто бежим толпой, сломя голову. Вдруг неожиданно раздался чей-то хриплый выкрик:

– Не могу больше! Хоть пристрелите!

Мы все разом остановились, словно раздалась команда «Стой!». Люди просто попадали на землю, где стояли. Со всех сторон слышалось хриплое, тяжелое дыхание. Капитан с почерневшим лицом обошел всех людей, выделил по глотку из фляжки. Подошел ко мне.

– Ты как, студент?

– Отлично. Отступаю на заранее подготовленную позицию, товарищ командир.

Моя шутка ему не понравилась, но он смолчал, только ожег недобрым взглядом. Я пересчитал оставшихся людей: вместе с командиром и его связным в строю осталось двенадцать человек. Потом мы встали и шли до тех пор, пока окончательно не стемнело. За ночь я дважды просыпался от холода, но потом снова засыпал. Меня растолкали в темноте, после чего двинулись дальше. Скоро стало светлеть, и мы увидели, что подходим к околице какой-то деревни. Здесь нас покормили и определили на постой в какой-то сарай. Отогревшиеся и сытые, мы вскоре все заснули. Разбудил меня связной нашего капитана.

– Вставай, там генерал приехал!

– И что мне с того?

Несмотря на явное нежелание вставать, нас растолкали и заставили построиться. Сапоги, ватники, все в грязи, лица мало чем отличаются от одежды, но, что удивительно, все стояли в строю с оружием.

– Равняйся! Смирно! Товарищ генерал...

– Отставить!

Потом была короткая речь о том, что мы совершили подвиг, который никто и никогда не забудет.

«Брось, генерал. Уже забыли».

Генерал прошелся вдоль строя, оглядывая людей, потом бросил через плечо своему адъютанту:

– Круглов, принеси портфель.

После этой фразы последовала раздача наград. В числе прочих я получил медаль «За отвагу», с чем и отбыл в тыл, несмотря на намеки капитана типа, что из тебя выйдет отличный боец, товарищ Звягинцев.

«Пошла на хрен такая война, – подумал я, садясь на полуторку, уходящую в тыл. – Впрочем, сам виноват, что ввязался. Следующий раз головой думать будешь».

Приехал в город, который не видел больше месяца. Теперь Москву было не узнать. Война преобразила ее так, как меняет штатского человека армейская форма. Все, что раньше светилося, теперь было окрашено темно-синей краской, но еще больше стало защитного цвета. Он был практически везде. Везде, куда ни посмотри, взгляд упирался в стволы зенитных пушек и пулеметов, шинели бойцов, военные грузовики, а подними голову – в небе висели заградительные аэростаты. На улицах стало много людей в военной форме, два раза мне на глаза попались конные патрули, а вместо подтянутых постовых движение теперь регулировали девушки в красноармейской форме. Много было разрушенных и поврежденных зданий, кое-где зияли воронки от авиабомб. Стекла окон были заклеены крест-накрест, на улицах – противотанковые рвы, надолбы и ежи, баррикады из мешков с песком, а в воздухе висел непрерывный грохот далекой оружейной канонады. Сойдя с трамвая, я увидел на заборе плакат, еще мокрый от клея, где солдат в развевающейся шинели поднимал высоко вверх винтовку: «Отступать некуда – за нами Москва!»

Первым делом я поехал к Костику, так как наши продовольственные запасы хранились у него на квартире. Мне повезло, что я застал его дома. Помылся и даже частично переоделся, одолжив кое-что из гардероба тетки. Насколько я мог судить по его внешнему виду, Костик после отъезда отца очень даже неплохо жил. Он с ходу предложил переехать к нему, но я отказался. Разговаривали долго, вспоминая знакомых. Немного выпили. Потом он мне показал письмо, которое прислал Сашка Воровский из училища, я в свою очередь рассказал ему, что мне тоже немного пришлось повоевать, в двух словах упомянув о полученной медали. Он мне не поверил, тогда пришлось показать ему наградной документ, который носил с собой.

– А медаль?! Ты медаль покажи!

Дал ему коробочку с медалью.

– Ух ты! Здорово! За отвагу! Константин Кириллович Звягинцев, да вы у нас просто настоящий герой!!

– А ты у нас, парень, просто пить не умеешь. Не кричи больше. Ты Сашке ответ написал?

– Нет. Вот теперь напишу! Теперь есть о чем писать! Пусть завидует!

Наш разговор прервал звонок в дверь, это пришла очередная пассива Костика. Я ушел, как он ни уговаривал меня остаться. Устроить загул было бы неплохо, но сейчас мне больше всего хотелось нормально, чисто по-человечески отдохнуть и все как следует обдумать.

«Это надо было быть полным кретином, чтобы сунуться в ту бойню, – я все никак не мог определиться с сутью неожиданного проявления своего героизма. – Но вопреки логике и

здравому смыслу, посчитал, что так нужно сделать. Только почему? Это была самая тупая и кровавая мясорубка из всех, что мне пришлось пережить! Так зачем нужно было туда лезть?!»

Спустя какое-то время я все же пришел к странному для самого себя выводу: вопреки моему цинизму, основанному на деловом подходе к делу (оплате за работу в твердой валюте), во мне, глубоко внутри, похоже, всегда жил русский человек, душой болеющий за свою родину.

В общежитии сейчас было безлюдно и тихо. Из ребят в нашей комнате никого не было, кроме меня. Те, кто не уехал вместе с институтом в эвакуацию, воевали на фронте. Одна из вахтерш мне даже сказала, что идут разговоры об устройстве здесь госпиталя.

Два дня отдыхал и отъедался, а когда решил, что хватит отлеживать бока, ко мне вдруг пришел секретарь комсомольской организации нашего института Антон Степашин. Его визит меня сначала удивил, но уже через минуту стало понятно, что тот пришел из-за полученной мною медали. Вчера он случайно встретил Костю в райкоме партии, и тот, конечно, не удержавшись, рассказал, что Звягинцев получил медаль за оборону Москвы.

Сейчас он явился для того, чтобы пригласить меня выступить на общем собрании комсомольцев института и рассказать о своем подвиге. Услышав все это, я тут же мысленно пообещал себе, что Костика все равно убью, но перед этим он у меня будет долго мучиться, после чего стал лихорадочно придумывать правдоподобную отговорку, как Степашин вдруг неожиданно сказал:

- Не волнуйся, Костя, время еще есть. Собрание будет в пятницу. Ты, главное, подготовься. Расскажи о людях, с которыми воевал. Может, тебе какой момент запомнился. Или...
- Антон! Я два дня воевал. Только два дня! Что тут рассказывать?!
- Медаль ты получил? Получил! Вот и расскажешь комсомольцам, за что ее получил!
- Я обреченно кивнул головой.
- Вот еще что... Ты сходи в наш секретариат. Там твоя фамилия в каких-то списках упоминается. Пока, Костя.

На подходе к институту меня неожиданно окликнули. Это был знакомый студент, с которым мы учились на курсах немецкого языка, пока меня не выделили в спецгруппу.

- Привет, Семен!
- Здорово, Костя!
- Что у нас слышно?
- Ты про институт? – Я кивнул головой. – Сейчас полным ходом формируют группу к эвакуации. В сто четвертой аудитории идет запись. Говорят, в Ташкент повезут... или на Урал. Точно не скажу. Кстати, ты Сашку Калелина знал?
- Так. Мимоходом. А что?
- Погиб при обороне Москвы. И Ваня Марков. Пичугин Лешка... Проклятые фашисты! Они за все нам ответят! Мы им покажем кузькину мать! Дадим так... – При этом он энергично потряс крепко сжатым кулаком в воздухе. – Помнишь, как Сталин в своей речи на параде сказал: разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков!
- Помню.
- Так и будет! Победа будет за нами! Вот увидишь! Ничего, скоро они у меня попляшут, эти фашистские сволочи! Я...
- погоди, ты что, в армию идешь?
- Черт! Заболтался тут с тобой! Я же в военкомат иду! За назначением! Шесть раз к военкому ходил, но своего добился! – На его лице расплылась довольная улыбка. – Думаю, через несколько дней, максимум через неделю, буду на фронте!
- Здорово! И куда тебя направили?
- Не знаю. Сегодня обещали сказать. Все! Надо бежать! Встретимся в Берлине, Костя!
- Удачи тебе, Сеня!

Мы пожали друг другу руки и уже собрались идти, как мой однокурсник неожиданно воскликнул:

– Костя, погоди! Тебя же тогда тоже перевели на спецкурсы по немецкому языку?

– Да, – подтвердил я. – А в чем дело?

– Извини. У меня уже времени нет. Зайди в секретариат, там тебе все объяснят! – И он торопливо зашагал.

«Если это то, о чем я думаю... Ладно. Посмотрим».

Войдя в институт, я сразу направился в секретариат. Открыл дверь, вошел. Седая голова женщины, склоненная над бумагами, никак не отреагировала на мое появление.

– Здравствуйте, Мария Семеновна. Мне тут сказали...

Ответственный секретарь резко подняла на меня глаза, внимательно всмотрелась, потом четким и ровным голосом, словно излагала какой-то отчет, сказала:

– Помню. Наш студент. Первый или второй курс.

– Второй. Мне тут про список сказали. Моя фамилия Звягинцев. Костя.

– Быстро! Вчера только звонили, а он тут как тут! А! Так ты Семена Фимкина, наверное, встретил?

Я кивнул головой.

– Значит так, Звягинцев. Звонили из Народного комиссариата внутренних дел. Ты должен явиться в ближайшие дни по адресу... Как мне еще сказали, чем быстрее ты там появишься, тем лучше. Все понял? Адрес запомнил?

Я кивнул головой.

– Отлично! Так может, ты знаешь про ребят, которые у меня в списке? Их фамилии я тебе сейчас зачитаю.

– Не надо, Мария Семеновна. После курсов большинство из них не видел, поэтому могу сказать только про троих. Про Степашина, Кудряша и Маевского. Я вместе с ними рыл окопы, но потом меня перебросили на другой участок. Больше их я не видел.

Секретарь аккуратно пометила для себя эти три фамилии, а потом посмотрела поверх очков и сказала:

– Все, иди, Звягинцев. Я тут одна, и у меня еще полно работы. А тут еще этот список... – Последние слова она произнесла, уже склонившись над какой-то бумагой.

– До свидания! – Еще пару секунд я подождал ответа, а затем понял, что она снова с головой ушла в бумаги, развернулся и вышел.

У основания широкой лестницы, по обеим ее сторонам, стояли два массивных бюста – Ленина и Сталина, – задрапированные красным кумачом. В шаге от Ленина стоял стол, за которым сидел сержант госбезопасности. В данный момент он негромко, но, судя по всему, очень доходчиво что-то говорил грузному мужчине в драповом пальто, потому что тот ежеминутно вытирал платком блестящее от пота лицо. У толстяка было собачье, заискивающе-виноватое выражение лица, только что хвостом не вилял. В двух шагах от нервничающего посетителя в короткой очереди ожидали еще двое мужчин. Я только собрался пристроиться в хвост очереди, как увидел еще одного дежурного, рядового НКВД с кобурой на поясе. За его спиной маячил солдат с винтовкой на плече. Сейчас он с сердитым выражением лица что-то втолковывал женщине, стоявшей перед ним. Когда я к ним подошел, то услышал окончание разговора:

– Я вам уже все объяснил, гражданка! А теперь уходите!

– Мне только сказать...

– Уходите, вам сказано! – он посмотрел на меня. – Вам что, товарищ?!

В нескольких словах я объяснил причину своего появления. Он мотнул головой в сторону стола и сказал:

– Ждите своей очереди.

Сержант НКВД внимательно изучил мой студенческий билет, потом сверил фамилию со списком, лежащим перед ним, и только после всего снял трубку телефона, стоявшего на столе.

– Сержант Нефедов. Товарищ лейтенант, тут парень – студент – пришел... Звягинцев Константин! Так что... – замолчав, он стал слушать, а спустя несколько секунд бодро отрапортовал: – Так точно! Вас понял!

Положил трубку и сказал:

– Подожди. Сейчас за тобой придут, а пока отойди в сторону.

Я протянул руку за студенческим билетом, на что получил сухой и короткий ответ:

– Потом получишь.

Спустя какое-то время по лестнице спустился тот самый лейтенант, который брал у нас расписки. Быстро и цепко obeжал взглядом людей и почти сразу выделил меня. Подошел. Три с половиной месяца назад, когда я впервые его увидел, он выглядел явно лучше, чем сейчас. Синева под запавшими глазами перекликалась с синевой на выбритом подбородке. Глаза в красных прожилках, усталые, злые и настороженные. Несколько секунд внимательно вглядывался в меня, а потом сказал:

– Узнал. Ты где сейчас?

– Еще три дня назад окопы рыл, товарищ лейтенант государственной безопасности.

– Ясно. Сутки тебе на сборы, Звягинцев. Затем приедешь по адресу... – Он назвал адрес. – Там обратишься к товарищу Сливе Ивану Петровичу. Он о тебе будет знать и все подробно объяснит. Все понятно, товарищ Звягинцев?

– Так точно, товарищ лейтенант.

– Не подведи меня, комсомолец.

– Не подведу.

Я получил обратно свой билет у сержанта госбезопасности и ушел, а еще через день оказался в тренировочном лагере Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД (ОМСБОН).

«Может, по родной специальности удастся поработать, – сразу подумал я, стоило мне услышать название части. – По крайней мере, в чистое поле с одной гранатой против трех немецких танков не погонят. Если так, то уже хорошо».

Младший лейтенант Иван Петрович Слива оказался заведующим канцелярией. Возрастом за сорок лет, но при этом имел подтянутый и щеголеватый вид. Оглядев меня с ног до головы, почесал в затылке и спросил:

– Кроме немецкого языка, что еще умеешь? По воинской специальности?

– Не служил.

– Как со стрельбой?

– Стрелял из винтовки, пулемета и нагана.

– Очень хорошо. А с парашютом прыгал? Спортивные разряды есть?

– Не прыгал. Разряды есть. По самбо и боксу.

– Неплохо. Студент?

– Студент. Институт литературы и истории.

– Литературы и истории, говоришь? Гм. Задачку ты мне задал, – озадаченно произнес он, потом еще раз скептически окинул мою долговязую фигуру и вдруг неожиданно заявил: – Ничего, парень, мы из тебя еще орла сделаем!

Меня обмундировали, поставили на довольствие и представили командиру учебного взвода. Новый оценивающий взгляд и новое ободряющее напутствие:

– Трудно в ученье – легко в бою! Кто сказал?

– Александр Васильевич Суворов. Русский полководец.

– Правильно, боец! Запомни эти слова. Никаких поблажек не будет! Ты должен будешь отдать весь себя подготовке! Понимаешь? За три месяца ты обязан стать полноценным бойцом,

а значит, если тебе придется умереть, так должен уйти не один, а прихватить с собой на тот свет хотя бы десяток фашистов!

– Так точно, товарищ лейтенант! Буду стараться!

– На сегодня свободен. Можешь идти, боец.

Нас учили методам сбора разведывательной информации, стрельбе, чтению топографических карт, ориентированию на местности, работе с парашютом, также немало времени уходило на общую физическую подготовку, куда входило освоение азов рукопашного боя и умения владеть ножом. Я старательно учился, но при этом показывал только треть своих способностей и умений, поэтому на фоне успехов моих товарищей – спортсменов, перворазрядников и мастеров спорта – мои достижения выглядели не так внушительно, но при этом меня несколько раз хвалили перед строем. Дескать, старается парень! Не хочет быть обузой для своих будущих товарищей, бойцов-разведчиков!

Поскольку я был специалистом, меня не стали подключать к изучению радио- и взрывного дела, а направили на занятия по углубленному изучению немецкого языка, который преподавал немецкий коммунист, бывший учитель, берлинец Карл Мютке. Кроме того, нашу группу учили работе с немецкими документами и картами. Занятия шли с раннего утра и до позднего вечера, прерываясь только для принятия пищи. Я сильно уставал и засыпал раньше, чем голова касалась подушки.

По окончании подготовительного курса началось комплектование групп. Вот тут мне, что называется, не повезло. Мне достался тот тип командира, который я и раньше не любил. Не солдат в полном понимании этого слова, а администратор. Им стал старший лейтенант-пограничник. Его перед самой войной отправили учиться в Москву на курсы повышения квалификации, но при сложившейся обстановке курсы прикрыли, а командиров отправили воевать. Этому повезло, он попал не на фронт, а в партизаны. Видно, учитывали специфику его службы и то, что он служил на Дальнем Востоке. Я познакомился с сержантом из канцелярии, который, как и я, учился в ИФЛИ, только на третьем курсе. От него мне удалось узнать, что наш будущий командир служил не на самой погранзаставе, а в штабе, на бумажной должности. А так все было при нем. Командир-пограничник. Дальневосточник. Коммунист. Отличная кандидатура для должности командира разведывательно-диверсионного отряда. Вот только, к сожалению, красивая упаковка не всегда является залогом качественного товара.

Из двенадцати человек, если считать всех вместе с командиром, четверо из нас были специалистами. Радист, взрывник, военфельдшер и переводчик. Радист и военфельдшер были девушками. Наташа Васильева, при ее красоте, имела тонкую талию, красивую тугую грудь, округлую попку и изящные длинные ноги. Она, как и я, в прошлом году закончила школу. Поступила в Педагогический институт по специальности русский язык и литература, а затем, на волне всеобщего патриотизма, пошла с двумя подругами на курсы радистов, по окончании которых записалась в добровольцы. Аня Макарова, студентка четвертого курса медицинского института, была привлекательной девушкой лет двадцати пяти – двадцати шести. При небольшом росте она была крепкого телосложения. Длинные каштановые волосы она зачесывала за уши и стягивала на затылке резинкой.

Ей было далеко до Наташи с ее яркой внешностью, но большие серые глаза с радостно-удивленным взглядом и пухлые губы делали ее похожей на девочку-подростка с несколько большим бюстом и широкими бедрами, что невольно привлекало мужские взгляды. Впрочем, она, похоже, не сильно унывала из-за своей фигуры, имея веселый и легкий характер.

В нашу группу входили три крепких молодых парня, рабочие с завода «Серп и молот». Они были закадычными друзьями и вместе пришли по комсомольским путевкам. Еще четверо – из спортсменов, имевших первые разряды. Два борца, лыжник и бегун на длинные дистанции с препятствиями Леша Крымов, стройный, симпатичный и веселый парень, который быстро

сдружился с девушками, а в особенности с Наташей. Они смотрелись очень красивой парой. Вот только взрывник выбивался из нашего молодежного коллектива. Градов Николай Николаевич. Насколько я успел узнать от приятеля-сержанта, лейтенант по окончании военного училища сразу попал на финскую войну, где заработал тяжелое ранение и медаль. После полугода, проведенного в госпитале, его, признав ограниченно годным, направили на работу в военкомат. После того как написал четыре заявления об отправке на фронт, он наконец получил направление к нам, по своей воинской специальности – сапер, и был единственным бойцом из нас, кто имел военный опыт. Не считая меня.

Глава 6

Двенадцатого мая 1942 года нас привезли на аэродром. Уже темнело. После того как мы выгрузились, нас встретил и провел к двухмоторному «Дугласу» пожилой старшина с голубыми петлицами.

– Будьте здесь, товарищи, – сказал он нам, после чего ушел вместе с нашим командиром.

Какое-то время мы осматривались, разглядывая летное поле, самолеты и ангары. Парни и девушки разговаривали тихо и натянуто, словно мы уже высадились в тылу и враг находится где-то неподалеку. Не успели мы освоиться, как снова приехал пожилой старшина, стоя на подножке полуторки. Спрыгнул, подошел к нам:

– Двое – в кузов! Забирайте парашюты!

Какое-то время мы занимались прилаживанием мешков и надеванием парашютов. У кого получилось быстро, а кое-кому пришлось помогать. После чего Градов нас выстроил, затем старшина всех внимательно осмотрел, кое-где подправил, что надо, подтянул. Одобрительно кивнул, после чего подойдя к заместителю командира отряда, вытянулся, четко отдал честь и доложил:

– Товарищ командир, осмотр группы закончен! Нарушений нет! Старшина Синица!

– Нет, и хорошо.

Старшина открыл планшет, висящий на боку, и достал из него какую-то бумагу.

– Товарищ командир, распишитесь вот здесь.

Когда старшина ушел, Градов нас распустил, но уже спустя десять минут пришли мотористы и сняли брезент с моторов, а за ними появились летчики вместе с нашим командиром. Я посмотрел на часы. Было ровно девять тридцать вечера.

– Ну что, бойцы, готовы к подвигам? – спросил один из летчиков, проходя мимо нас.

– Готовы! – подтвердило вразнобой несколько голосов.

– Тогда грузитесь! – приказал он, забираясь по трапу в самолет.

Только мы забрались внутрь, как инструктор-парашютист хлопнул тяжелой дверью, отрезав нас от внешнего мира. Громкий щелчок хлопнувшей двери подогнал нас, заставив торопливо рассестись на узких металлических скамьях вдоль бортов. Спустя минуту из кабины пилотов вышел летчик. Его инструкция о правилах поведения на борту самолета была предельно лаконична.

– Всем все понятно, товарищи?!

– Так точно! Да! Понятно!

Он кивнул головой и вернулся в кабину. Спустя пару минут заработали моторы, набирая обороты, взвихрились винты. Самолет легко оторвался от взлетной дорожки. Мы все сразу прильнули к иллюминаторам и стали смотреть, как сливаются с темнотой пятна жилых кварталов и полосы пригородных улиц, а спустя еще пару минут, когда самолет набрал высоту и за стеклом разлилась чернильная темнота, мы развернулись, бросая друг на друга испытующие взгляды. На потолке самолета зажглась синяя лампочка, тускло осветив лица моих «товарищей по несчастью». Впрочем, так считал я сам, вкладывая в эти слова иронию и понимание того, что нас там ждет, исходя из своего опыта, а в их глазах легко читались страх, волнение, гордость и отчаянная радость, что именно им доверили такое ответственное и опасное задание. Опыт партизанской войны у меня был, правда, не в условиях болот и лесов Беларуси. Афганские горы, джунгли Африки... Впрочем, основа есть, а остальное, как всегда бывало, приобретается со временем. Командир нашей группы, похоже, тоже понимал, что нам предстоит, и, наверное, поэтому сидел неестественно прямо, с неподвижным лицом. Его заместитель, подрыльник, сидевший рядом с ним, напряженно морщась, разглядывал карту, лежавшую у него на коленях. Дмитрий Богатырев, крепкий и плечистый парень, кандидат в мастера спорта по

вольной борьбе, сидевший напротив, бросил на меня ободряющий взгляд. Дескать, все нормально, парень! С ним, Лешей Крымовым и девушками у меня установились почти дружеские отношения, а вот остальные парни нашей группы, крепкие и сильные, относились ко мне, в целом, неплохо, но при этом чувствовалось легкое пренебрежение. Не рабочий парень, как они, студент, да и специальность у него не сильно воинственная: переводчик, поэтому и разговоры за моей спиной были соответствующие.

«Ну и что, если он знает немецкий язык?! Там воевать надо! Не языком трепать, а бить врага! А если с немцем врукопашную придется схватиться, насколько силы и воли у этого студента хватит?»

Мне об этих пересудах по секрету рассказала Наташа, которая слышала это от Леши Крымова. Все эти неувязки складывались из-за того, что нас объединили в группу всего за несколько дней до вылета, поэтому толком мы друг друга не знали, да и то, что все они были молодые, от семнадцати до девятнадцати лет, с еще не сложившимися, полувзрослыми понятиями о жизни, накладывало свой отпечаток. Я их не осуждал. Еще молодые и зеленые. Пусть опыта наберутся, тогда и разговор будет. Правда, сколько их останется в живых к тому времени, наверное, и сам господь бог не знает.

Аня, сидевшая между мной и Наташей, то и дело вздрагивала, хватаясь за меня или за подругу, когда самолет проваливался в воздушные ямы. Спусти какое-то время в висках часто и отчетливо застучала кровь и заложило уши. Давала себя чувствовать большая высота. Нервы у всех натянулись, но при этом мы изо всех сил старались казаться спокойными. Неожиданно луна вынырнула из-за туч, и в иллюминаторы потек мертвенно-белый свет.

– Ой, луна! – неожиданно громко воскликнула Аня, вызвав своим восклицанием снисходительные улыбки молодых парней, как вдруг самолет ощутимо тряхнуло, мгновенно стереув хмылки с лиц. В глазах появилась растерянность и страх. После чего нас встряхнуло еще раз, за ним другой и третий. Растерянность прошла, и все сразу прильнули к иллюминаторам. Внизу я увидел вспышки оружейных залпов, отдаленное зарево, разноцветные пунктиры трассирующих пуль и бьющие в нас лучи двух немецких прожекторов. Они нас засекли, и теперь вражеские зенитки открыли огонь по «Дугласу». Вдруг пол самолета ушел из-под ног, да так резко, что захватило дух, – это пилот повел самолет на снижение, а в следующую секунду вышел штурман и объявил, что самолет приближается к месту выброски. Не успела за ним закрыться дверь, как инструктор громко скомандовал:

– Приготовиться!

Все торопливо вскочили и подтащили грузы к люкам, затем построились: шесть человек, друг другу в затылок, к левому люку, пять – к правому. Инструктор распахнул дверцы бортовых люков, и вместе с ураганным шумом ветра в кабину ворвался оглушительный рев моторов. Медленно, словно резиновые, потянулись одна за другой секунды ожидания. У люка замерцал зеленый огонек: сигнал «приготовиться». Напряжение внутри меня достигло высшей точки.

– Груз пошел!! – крикнул во весь голос инструктор. – Второй пошел!! Пошли!! Быстрее!!

Во рту пересохло, ноги словно налились свинцом, но все это прошло, стоило мне оказаться перед люком. Встречный поток ветра ударил мне в лицо, когда я прыгнул в темноту.

Приземлился я удачно, на самой опушке леса, не зависнув на дереве. Выкарабкавшись из-под полотнища, я огляделся. За спиной стоял подлесок, а за ним темная полоса деревьев. Впереди шли заросли кустарника, а за ним поле.

«Где наши? Когда я приземлялся, то видел пару блекло-белых пятен парашютных куполов совсем недалеко отсюда. Вроде... они должны быть несколько левее».

Неожиданно ветер принес оттуда болотные запахи и кваканье лягушек.

«Так там не поле, а болото. Вот высадили так высадили».

Отстегнув парашют, я только снял с груди вещевой мешок, как услышал чей-то негромкий голос:

– Ребята! Наташа! Тут есть кто?!

Это был голос Ани.

– Я тут! Костя! – отозвался я.

Сразу за мной подал голос Семен Шкетов, лыжник-перворазрядник:

– Не шумите! Стойте на месте! Я сейчас подойду!

Когда мы собрались втроем, я увидел, что Шкетов мокрый и грязный. Только открыл рот, как Аня меня опередила с вопросом:

– Что с тобой, Сеня?

– Да тут рядом болото, будь оно проклято! Хорошо, что сел с самого края. Как вы?

– Нормально, – отозвался я.

– Может, кто-то из наших попал в болото и им требуется помощь, – встревоженно предположила девушка. – Надо идти их искать.

– Кто спорит, вот только парашюты надо спрятать, – согласился с ней Семен.

Недолго думая, мы утопили их в том месте, где утонул парашют Шкетова. Какое-то время совещались, определяя направление наших поисков, а потом двинулись вдоль болота.

Спустя десять минут быстрой ходьбы мы наткнулись на нашу группу, стоявшую на краю леса. Встретили они нас каким-то зловещим молчанием, а когда мы подошли, так же молча расступились. На земле лежал Вася Потапов, один из заводских ребят, наполовину закрытый парашютным шелком. Его голова была неестественно вывернута, а глаза широко открыты. Скользнул взглядом по дереву, рядом с которым лежал мертвец. По обломленным сучьям было видно, что парашют не зацепился за дерево, а только скользнул по сучьям.

– Ой! – громко воскликнула Аня. – Что с ним?!

Командир, поморщившись, негромко сказал:

– Несчастный случай. Видно, приземлился прямо на дерево, а затем упал на землю...

Еще пару минут прошло в гнетущем молчании. Никто из молодежи не ожидал, что наша миссия, еще даже не успев начаться, обернется человеческой жертвой.

– Нам надо идти. Скоро светает, и нам надо как можно скорей дальше уйти от места выброски, к тому же нам надо найти грузовые тюки, а так как Потапова мы похоронить по-человечески не можем, поэтому его тело надо где-то спрятать, – заместитель командира говорил это твердо, глядя нам по очереди в глаза.

– Это война, товарищи, – выступил следующим командир, – и без жертв она не бывает. Вася Потапов навсегда останется в наших сердцах. Звягинцев и Крымов, займитесь телом.

«Похоже, наш командир только речи толкать умеет. Хотя... Время покажет».

Тело Потапова было решено похоронить в болоте, потому что на большее у нас просто не было времени. Меня и Крымова отрядили на эти «своеобразные» похороны, а остальные разошлись на поиски тюков. Спустя полчаса все снова собрались. Из трех тюков нашли только два.

– Выступаем. – После этой команды мы быстрым шагом пошли вдоль болота. Никто не говорил, так как неожиданная смерть товарища на всех наложила свой горький отпечаток. Шли мы скрытно и по мере возможности бесшумно. Сначала мы пересекли затопленную луговину, чтобы сбить со следа собак, если враги пойдут по нашему следу, а затем углубились в лес. Насколько я мог понять, наши командиры старались избегать открытых мест, таких как просеки и лесные тропы. Идти было тяжело. Спустя пару часов вещевой мешок и самозарядная винтовка Токарева казались мне просто неподъемными. Пот заливал глаза, а корни деревьев словно специально лезли под ноги, заставляя спотыкаться. Свою первую короткую стоянку мы сделали только через три часа. Остановившись, все просто повалились на траву, вытягивая гудящие ноги. Первые десять минут мы лежали, восстанавливая дыхание и вытирая пот с лица. Спустя какое-то время командир привстал, оглядел наши усталые и невеселые лица и начал говорить:

– Товарищи бойцы, мы сейчас находимся на территории Беларуси. Где-то, приблизительно... в семидесяти-восемидесяти километрах от города Могилева. Сразу хочу отметить, что все прошло не так плохо. Да, нелепая гибель товарища Потапова омрачает наши умы, но мы отомстим за его смерть, и поэтому, чтобы она не была напрасной, должны с честью выполнить поставленные перед нами задачи. Теперь о самих задачах. Как вы уже знаете, по прибытии в указанный район мы в первую очередь должны будем организовать базу, после чего приступить к организации партизанского движения, привлекая и используя местных жителей, красноармейцев и командиров из окруженцев. После создания партизанского отряда нашей основной задачей станет борьба с немецко-фашистскими оккупантами. Мы должны внести панику в наступающие части противника, взрывая мосты, уничтожая вражескую технику и водительский состав. Второй, не менее важной задачей можно считать разведывательные действия... – Он говорил сухим, казенным языком, словно делал доклад на собрании, не понимая, что сейчас этим ребятам, как они ни храбрятся, нужно человеческое участие, а не казенные слова. – Теперь я предоставлю слово товарищу Граду.

Перед самой отправкой нас предупредили, что на время, проведенное в тылу врага, мы должны обращаться к нашим командирам по прозвищам, которые были взяты от их фамилий. Командир – товарищ Зима, а его заместитель – товарищ Град. Встал Градов.

– Вы молодцы, ребята. Прыгнули хорошо, кучно, тем более что у всех это был первый прыжок в тылу врага. Да и собрались быстро. Молодцы. Теперь я хочу поговорить с вами о том: кто чем будет заниматься. Все эти дни я присматривался к вам, а еще поговорил о каждом из вас с вашими преподавателями и сделал для себя выводы, после чего посоветовался с товарищем ко... Зимой. Для начала мне будет нужен помощник по взрывному делу. Я знаю, что трое из вас изучали его на курсах подрывников, но пока возьму только одного. Это боец Белов. С ним я буду заниматься отдельно. Трое – боец Звягинцев, боец Васильева и боец Макарова – первое время будут работать только на базе, а там посмотрим. Всем остальным бойцам будут время от времени ставиться задачи по тем пунктам, которые перечислил товарищ Зима. И еще. Всем соблюдать тишину. Все, отдых закончен. Мы выходим.

Второй раз мы остановились, когда начал накрапывать дождик. Забравшись под развесистую ель, мы уселись на траву, укрывшись плащ-палатками. Небо затянуло тучами, и дождь усилился. Несмотря на потоки воды, льющиеся с неба, мы все молча блаженствовали после тяжелого перехода, время от времени бросая беспокойные взгляды в сторону командиров, которые тихо совещались, водя пальцами по карте. Неужели снова погонят под проливным дождем? Спустя какое-то время тучи ушли и дождь прекратился. Лишь изредка порывы ветра стряхивали дождевую воду с деревьев. Все изредка переглядывались друг с другом и были готовы услышать приказ: «Выступаем», – как нас неожиданно обрадовал заместитель командира.

– Мы посоветовались с товарищем Зимой и решили здесь остановиться на ночевку. Объясню. Прошел сильный дождь и скрыл наши возможные следы. К тому же нам все равно нужно становиться на ночевку, так почему не сейчас? Но сразу хочу предупредить: огонь не разжигать. Сегодня обойдемся сухим пайком.

– А покурить? – спросил его Сергей Демин, доброволец, пришедший по комсомольской путевке от завода.

– Курите, но осторожно. С постами будем разбираться ближе к вечеру.

Заводские парни сразу закурили, с удовольствием затягиваясь папиросами. Закурила и Аня. Некурящие спортсмены начали потрошить свои вещевые мешки, доставая продукты. Потихоньку завязались разговоры. Я прислушался к словам Наташи, которая сейчас делилась своими впечатлениями, сидя с Крымовым.

– Честно говоря, я не так все представляла. Мне виделось поле с убитыми и разбитой военной техникой. Гитлеровцы, которые везде. Фашистская речь, стрельба... А тут лес тихий и спокойный. Мы даже ни одного выстрела не слышали.

– Ты, Натка, радоваться должна. Мы же не на передовой воюем, а будем тайные диверсии совершать. Нас фрицы не должны не видеть и не слышать, – в голосе Крымова слышались снисходительные нотки.

– Все так, Леша, но все равно как-то странно. Словно мы сидим в Измайловском парке... – договорить ей не дала вдруг неожиданно донесшаяся откуда-то издалека пулеметная очередь.

Разговоры сразу смолкли, заставив всех насторожиться. Какое-то время все молчали, но так как выстрелов больше не было, люди снова расслабились, но разговоры стали вести заметно тише.

Я стал думать о том, как выжить, участвуя в боевых операциях в составе этой «смертоносной» диверсионной группы. Весь состав группы – молодежь, еще не нюхавшая порошу, хотя заводские ребята хвалились, что в составе рабочего батальона участвовали в обороне Москвы.

«Вот Градов – это солдат и, судя по всему, дело знает, да и с людьми умеет говорить. А командир... Дай бог, если я ошибаюсь в нем. Дай бог. Еще оружие. Не могли автоматами всех снабдить. Два ППШ на группу и легкий пулемет. Смешно. У остальных винтовки СВТ, гранаты и финские ножи. Боевого опыта нет ни у кого, зато все имеют звание старшины, – я усмехнулся, вспомнив, как за два дня до отправки нас выстроили, а затем торжественно зачитали приказ о присвоении всем старшинских званий. – Сколько потом радости было. Сущие дети. Ладно. Время покажет, кто на что способен, а сейчас уж очень есть хочется».

Залез в мешок. Круг копченой колбасы, три банки тушенки, банка сгущенного молока, сало в вошеной бумаге, несколько пачек концентратов, сухари. Без раздумий впился зубами в ароматно пахнущую колбасу.

На следы войны мы наткнулись уже на вторые сутки нашего похода, когда вышли к краю леса, чтобы определиться на местности. На лесной поляне, среди густого малинника, лежали трупы. Майор, старший политрук и пять красноармейцев. Майор лежал на самодельных носилках с забинтованной головой. Судя по положению тел, они приняли здесь свой последний бой, защищая раненого командира. Оружия не было, только десятка три винтовочных гильз, разбросанных вокруг тел, говорили о последнем бое. Судя по состоянию разложившихся тел, над которыми к тому же поработали звери и птицы, с момента смерти воинов прошло много времени. Девушки от трупов шарахнулись, как овечки от дикого зверя, и спрятались за спинами парней, тяжело дыша и громко слглатывая слюну. Ребята выглядели бодрее, но и по ним было видно, что эта картина их нервирует. Командир, похоже, растерялся, не зная, как правильно отреагировать на ситуацию. Выручил его Градов, выйдя вперед со словами:

– Прощайте, товарищи! Вы с честью исполнили свой воинский долг, не склонив головы перед фашистской нечистью! Родина вас не забудет, а мы отомстим за вас! Все! Уходим!

Все с великой поспешностью покинули кладбище непогребенных бойцов. Даже никто не заикнулся, что тела надо похоронить.

Наткнувшись на проселочную дорогу, определили, что по ней довольно часто ездят, поэтому командиры решили устроить засаду, чтобы окончательно уточнить наше местоположение. Могли пройти и сутки ожидания, но нам повезло – уже спустя несколько часов послышалось тихое ржание лошади, а затем стали слышны топот копыт и скрип телеги. Градов еще раньше определил места для людей, поэтому нам только и оставалось, как занять свои позиции. Командир не вмешивался ни во что, заняв непонятную мне нейтральную позицию. Я встал в указанном мне месте, приготовив оружие. Когда телега подъехала, я осторожно выглянул. В телеге сидели два бородача. На одном была надета прямо на рубаху брезентовая куртка, а

другой был в пиджаке и синей рубашке в белую полоску. На дорогу вышел наш борец вольного стиля Дмитрий Богатырев. Увидев впереди человека, возчик натянул вожжи. Телега остановилась. Я осторожно выглянул.

Сидевшие на телеге мужчины спрыгнули и теперь с любопытством рассматривали мощную фигуру парня, ставшего у них на дороге. Ни один, ни другой не сделали ни одного лишнего движения. Потом переглянулись, и тут я заметил скользнувшую по губам улыбку одного из мужчин. Он и начал разговор.

– Это вас, хлопец, третьего дня сбросили? – напрямую спросил он десантника.

– Вы кто сами будете? – не отвечая на вопрос, поинтересовался Богатырев.

– Местные жители, товарищ. Давайте сюда вашего старшего. Есть у нас к нему разговор. – Мужчина говорил открыто, но при этом твердо и напористо.

– Какого-такого старшего? – несколько растерянно спросил Богатырев.

– Вот он выйдет, и мы узнаем, какой у вас старшой, – уже с насмешкой сказал мужчина.

Не дожидаясь дальнейшего развития событий, из-за дерева вышел командир, держа наготове автомат. Увидев его, «бородачи» снова переглянулись и замерли в ожидании.

– Я старший. Слушаю.

– Мы из отряда Липатова, а о вас нам рассказали местные жители. Они слышали самолет, а кое-кто даже утверждает, что видел, как спускались парашютисты.

– Глазастые у вас жители, ничего не скажешь. Значит, вы о парашютистах слышали, а вот мне про вас ничего неизвестно.

– Рации у нас нет, поэтому и неизвестно. Да и сформировались мы, как отряд, месяца четыре тому назад. Моя фамилия Гнатенко. Степан Трофимович. Был председателем сельсовета.

– Костин Макар Данилович. Агроном, – представился второй бородач. – Вернее, был агрономом.

Командир себя не назвал, только сказал:

– Ладно. Идемте с нами.

Уже на месте стоянки он показал свой мандат – узкий тонкий листок бумаги, с печатями и подписями, выданный ему в наркомате, где значилось, кто он такой и каковы его полномочия. Партизаны, похоже, до этого имели определенные сомнения теперь откровенно обрадовались. Начались рукопожатия, объятия, раздались радостные слова.

Для меня встреча с партизанами произошла хоть и неожиданно, но при этом как-то легко и буднично, словно две компании туристов встретились в лесу. В течение часа партизаны о чем-то тихо говорили с нашими командирами, после чего мы загрузили наши вещи на телегу и отправились в лагерь партизанского отряда. База меня поразила. И не меня одного. В глубине леса стояло пять больших срубов, вокруг которых теснились сараи.

«Просто маленькая деревня, а не партизанский лагерь», – сразу подумал я.

Впрочем, так впоследствии и оказалось. Из объяснений местных старожилов стало ясно, что это было место проживания нескольких семей местных крестьян-староверов во время Первой мировой войны. Они ушли в лес, когда их деревню сожгли, а построились на этом самом месте из-за ручья, который здесь нашли. Он бежал, огибая левую окраину лагеря. Потом, спустя несколько лет, староверы вернулись в большой мир, а поселение в лесу осталось. Много лет прошло, и только немногие старики знали о его существовании. Один из них и указал партизанам это место.

Встретили нас в отряде радостно, но при этом тревоги и настороженности в глазах людей было хоть отбавляй. Они сразу проявились в вопросах, которыми нас забросали. Почти всех в первую очередь интересовало отношение Большой земли к партизанам, а в особенности к бывшим военнопленным и окруженцам. Слухи о расстрелах предателей докатились и до них.

– Мы не трусы и не предатели, – сказал за всех командир отряда Тимофей Васильевич Липатов, младший лейтенант Красной Армии. – Если у советской страны есть в нас сомнение, то мы своей кровью докажем обратное, а если надо, то и своей жизнью!

– Товарищи! Давайте не сейчас будем решать этот вопрос, тем более что у вас будет время подкрепить свои слова делом! Сейчас нам надо будет заняться организацией партизанской базы и на ее основе развернуть разведывательно-диверсионные действия! Товарищи! Нам... – Командир умел толкать речи. Говорил доступно, ярко, как говорится, «с огоньком».

«Надеюсь, это не одно его достоинство», – опять с легкой неприязнью подумал я.

Не нравился он мне, и я ничего не мог с этим чувством поделать. После его речи снова взял слово командир партизанского отряда. Он больше говорил о трудностях, чем об успехах отряда. Из его слов стало понятно, что большая часть бойцов и командиров, выходящих из окружения, наталкиваясь на их отряд, уходили, надеясь добраться до Красной Армии и влиться в ее ряды. Местные жители не только не желали партизанить, но даже неохотно контактировали с партизанами, так как продналог и колхозы, в которые их насильно загоняла Советская власть перед войной, не нашли достаточной поддержки в народе. Номинально командиром считался младший лейтенант Липатов, но фактически все вопросы решал совет из четырех человек, в который входили полковой комиссар Здолбнев, сержант Стукашенко, возглавляющий разведку, и наш знакомый Степан Гнатенко, отвечавший за снабжение отряда. Как уже позже стало известно, командование партизанского отряда было готово сразу сложить с себя обязанности и передать бразды правления нашему командиру. Такое решение объяснялось просто. За эти четыре месяца они мало что сделали, если не считать обстрела немецких автомашин на дорогах да уничтожения пары десятков полицейских. Правда, была у них одна, скажем так, крупная победа. Узнав от местных жителей, что немцы собрали с нескольких сел продовольствие и должны были отвезти его на сборный пункт для отправки в Германию, они, устроив засаду, подстерегли обоз на дороге. Продовольственный обоз охраняли с пяток немцев и десяток полицейских. Уничтожив охрану, партизаны захватили продовольствие. Третью раздали по селам, а остальное оставили себе. Мы также узнали, что в этих краях было еще два партизанских отряда, но в контакт с ними здешний отряд не входил, поэтому не знал их месторасположение.

Радость не сходила с лиц партизан, а в особенности у бывшего командира отряда, младшего лейтенанта Липатова. Теперь, когда прибыла специальная диверсионная группа из Москвы с кадровым, опытным командиром, люди считали, что у них все будет хорошо, а Липатов был жутко доволен, что переложил ответственность на чужие плечи.

После взаимного представления и собрания командиры ушли в штаб совещаться, а нас шумно, весело и гостеприимно принялись устраивать на место жительства. Особое внимание партизаны уделили нашим девушкам, которых до этого в отряде не было, что заставило хмуриться Лешу Крымова и Володю Богатырева, который, как я успел заметить, был неравнодушен к нашему врачу Ане.

Когда Наташа развернула рацию в штабе и начала работать, чтобы сообщить в центр о начале работы разведгруппы, вокруг сруба, где располагался штаб, сразу собрался весь лагерь. Люди радостно улыбались, тихо перешептываясь:

– Девушка-радистка с Москвой говорит. Со столицей. Может, про нас что скажут.

Их радость можно было понять. Оторванные от страны, они питались от слухов и не знали, как обстоят дела на фронтах, как живет страна Советов, не знали, что их ждет в будущем, но Москва их не забыла! Теперь все будет хорошо!

Первые два дня в лагере мы обживались на новом месте, а командиры тем временем формировали состав отряда и строили планы будущих сражений с фашистскими оккупантами. На третий день был объявлен общий сбор. Были зачитаны по фамилиям составы боевых групп и

их командиры, затем объявлен командный состав партизанского отряда. Товарищ Град, как я и думал, стал заместителем командира отряда и одновременно замом по диверсионной работе. Сержант Антон Стукашенко остался, как и прежде, отвечать за разведывательную деятельность. Он, как мне стало известно позже, был белорусом, правда, не из этих краев. При его назначении почему-то только сейчас выяснилась одна интересная деталь: как оказалось, он был не просто сержантом, а сержантом государственной безопасности, и помимо разведки ему было поручено отвечать за внутреннюю безопасность. Меня не вписали ни в один из боевых отрядов, то ли решили не рисковать ценным специалистом, то ли не посчитали полноценным бойцом, которого можно сразу бросить в бой, а вместо этого временно закрепили за складом, который одновременно являлся арсеналом. Впрочем, без работы по специальности меня не оставили, засадив за разборку немецких документов и карт, которые были взяты у убитых солдат и офицеров. Складом заведовал Митрич, суровый, не улыбочивый мужчина, инвалид. У него было что-то с коленом левой ноги. Воевал с первого дня войны. Получив ранение, попал в госпиталь, который был разбомблен на третий день после того, как он в него попал. Ушел в лес, долго скитался и голодал, пока не примкнул к группе Липатова. Он прямо горел желанием мстить гитлеровцам и при этом понимал, что в армию его не возьмут, отправят в тыл, поэтому остался в партизанах. Складом, как и арсеналом, этот сарай можно было назвать с большой натяжкой, так как вещей и оружия в нем почти не было, а то, что лежало, требовало хорошего ремонта. Правда, присмотревшись внимательнее, я наткнулся на несколько комплектов немецкой формы.

– Это здесь зачем?

Кладовщик бросил брезгливый взгляд на форму.

– Стукашенко как-то притащил. Несколько комплектов. Они машину интендантскую остановили, еще в начале весны. Там и было. Сапоги разобрали, кое-кто штаны взял. Хм. А эти... у них размер малый.словно на пацанов сшиты. Так и лежат.

– Интересно. Попробую примерить.

Скинул гимнастерку и надел френч. Не то что бы он сидел как влитой на мне, но выглядел нормально.

– Как?

– Дерьмово, – скривился Митрич. – Не. Сидит неплохо. Только смотреть гадостно на фашистскую форму.

– Здесь только френч и штаны. А ремень и головной убор есть?

– Тебе это зачем, парень?

– Вдруг нужно будет к немцам прогуляться. Разведать...

– Ты? – Митрич весело ухмыльнулся. – Не смейся! Какой из тебя разведчик! Давай, Костя, снимай с себя эту гадость и займись подсчетом консервов, а то наш повар мне всю плешь проел. Сколько всего? Сколько там банок?

На следующий день по лагерю поползли слухи о том, что готовится боевая операция, в которой собираются использовать всю боевую силу отряда. Наши ребята-десантники ходили довольные и важные. Вот это настоящее дело! Им будет чем гордиться! Даже Леша Крымов не преминул похвастаться передо мной своим участием в предстоящем бою. Как я узнал позже, командир и штаб спланировали операцию по уничтожению фашистских прихвостней – начальника полиции и бургомистра большого села. В отряде еще до нашего приезда знали, что через три дня, в субботу, у начальника полиции села Дудушки день рождения. Исполняется круглая дата, сорок лет. Вот он и решил отметить ее с размахом, собрав у себя дома всех местных предателей. Липатов, когда еще был командиром отряда, не решился начать войну с двумя десятками полицейских, а когда прибыли москвичи, сразу предложил этот план. Его можно было понять. В отряде стало на десяток больше бойцов, да и возглавляет сейчас их теперь опытный командир-пограничник.

Захват, а затем показательная казнь предателей на глазах жителей села должна была показать местным жителям, что народные мстители – не просто слова, а реальная сила. В субботу ранним утром партизаны выступили в поход. Атака и захват пленных планировались ближе к вечеру, когда полицейские хорошо напьются. Разведчики, которые наблюдали за селом еще со вчерашнего дня, доложили, что кроме обычных часовых у управы и полицейского участка по окраине села ходит усиленный патруль из трех полицейских. Правда, по их нетрезвому виду можно было понять, что они не остались в стороне от общего веселья. Часовых и патруль сняли без шума, не потеряв ни одного человека, а вот пулеметную точку на чердаке дома начальника полиции не смогли обнаружить. Только партизаны кинулись на штурм дома, как с чердака застучал пулемет, скосив первой очередью несколько человек. После такого сигнала тревоги в доме начался переполох. Часть полицейских, потеряв голову, выскочили из дома и сразу попали под пули. Другие, закрывшись в доме, принялись ожесточенно отстреливаться. Партизаны, попав под яростный огонь, залегли, и тогда начальник разведки, рискуя жизнью, подполз к самому дому и бросил гранату в окно. Не успел прогреметь взрыв, как разъяренные потерями партизаны кинулись в атаку. Ворвавшись в дом, раненых полицейских добивали без всякого сожаления, поэтому планировавшаяся казнь предателей не состоялась из-за отсутствия последних. Во время штурма погибло три человека, в том числе младший лейтенант Липатов, а еще пятеро бойцов было ранено. Из них двое были нашими десантниками.

В доме бургомистра и начальника полиции, а также в полицейской управе забрали все, что только можно было взять. Вещи, одежду, продукты, оружие. Наши ребята не забыли про девушек и привезли в отряд большое зеркало, которое висело на стене дома старосты.

Большинство партизан было расстроено гибелью Липатова, который командовал ими четыре месяца. Они считали его хорошим человеком и командиром, да и сам поход, хоть и закончился нашей победой, не сильно их радовал. Бойцы втихомолку высказывали между собой свое недовольство новым командиром отряда. Повел на штурм дома младший лейтенант Липатов, бросил гранату в окно Стукашенко, а где был командир отряда товарищ Зима? Один был убит, другой легко ранен, а чем таким отличился командир? Об этих пересудах на следующий день мне рассказал Митрич.

Единственным плюсом для всех нас стал поминальный стол. Ели мы обычно за двумя длинными столами, стоящими под навесом, рядом с кухней. За эти несколько дней, находясь в отряде, я в полной мере ощутил на себе слова ныне покойного Липатова, когда он жаловался на трудности с продовольствием. Хлеба практически не было, не говоря уже о яйцах, твороге, сыре и тем более колбасе. Ели, по большей части, пустые капустные щи, борщи, супы с крупями, картошкой и морковью, вторые блюда с полужидким картофельным пюре, пшенную и перловую каши. Из третьих блюд чаще всего подавали простой, лишь слегка подслащенный чай или компот из сухих фруктов. Зато на этот ужин было выставлено все то, что партизаны захватили у врага. На столах лежали порезанный кусками хлеб, колбаса и сало, а главным блюдом стола стал гуляш из гречневой каши с мясной подливкой.

Следующие две недели наши ребята знакомились с местностью, ходили с партизанами в разведку и за продовольствием. В один из таких походов напросился и я. Невмоготу стало в лесу отсиживаться, и я подошел к Стукашенко.

– Товарищ командир, вы отвечаете за разведку. Пошлите меня в поиск. Надоело уже в этом лесу сидеть!

Начальник разведки хитро прищурился.

– Знаешь, Костя, мне вот тоже непонятно, чего тебя определили на склад. Молодой парень. Стреляешь, наверное, неплохо, а как ножи бросаешь, сам видел. Не у каждого так получится. Да не смотри на меня так. Ты же не скрывал свои тренировки, а мне по должности положено знать, кто и чем занимается. Немецкий язык хорошо знаешь?

– Отлично, товарищ командир.

– Хм. Об этом у нас с тобой отдельный разговор будет, а с командиром я поговорю. Думаю, отказа не будет.

– Спасибо, товарищ командир.

Вечером этого дня я узнал, что завтра иду в разведку.

Пошли вчетвером. Двое партизан местного разлива, я и Семен Шкетов, спортсмен-лыжник. Один из бойцов нашей четверки, Николай Давыдько, в одной из близлежащих деревень имел подругу, к которой время от времени захаживал для получения информации о том, что делается в местности. Первой поставленной перед нами задачей было получение от его подруги, то бишь агента, свежей информации, после чего мы должны были направиться в другую деревню и там казнить местного старосту. Как нам было сказано начальником разведки, когда он нам ставил задачу, эта гнида уже лишний год землю топчет. Добрались мы до деревни еще засветло. Часа полтора понаблюдали и, как только легли сумерки, осторожно пошли по направлению к избам. Где-то в другом конце села залаяла собака, за ней подала голос другая псина. Гавкали не зло, даже как-то лениво.

Осторожно прокрались к избе. Давыдько тихо постучал в полуоткрытое окно. В проеме показалось женское лицо, увидев Николая, расплылось в улыбке. Затем последовал приглашающий кивок головой. Партизанский информатор оказался довольно приятной женщиной лет сорока с весьма аппетитными, пышными формами. Хозяйка закрыла окно, задернула занавески, выкрутила фитиль лампы, и сразу в горнице стало светло и уютно. Налила молока. Дала по ломтю хлеба с салом. Пока мы ели, она рассказывала последние новости. Об угоне молодежи на работу в Германию, о том, что немцы собираются прислать солдат для поимки лесных бандитов. Показала листовку, которые были расклеены по селу. В них был призыв к гражданам оккупированной Беларуси не помогать никоим образом лесным бандитам, а вместо этого сдавать их оптом и в розницу немецким властям. В самом низу были напечатаны суммы, которые немецкие оккупационные власти дадут за простого партизана, комиссара и командира отряда. Когда поток информации иссяк, наш старший, хитро усмехнувшись, сказал, что хочет еще раз допросить своего агента, но теперь уже с пристрастием.

– Вдруг она какие-нибудь ценные сведения вспомнит.

– Конечно, вспомнит, – усмехнулся его приятель, Семен Глушко. – Я даже скажу тебе, где их искать надо. Под юбкой.

Партизаны захохотали, а хозяйка сделала вид, что застеснялась, и, потупив глаза, тихо сказала:

– Что же вы такое говорите, Семен.

После чего мы втроем пошли спать в сарай, расположенный за домом, а рано утром, только начало светать, ушли. По дороге я поинтересовался, какими такими зверствами отличился староста, которого мы должны казнить, и есть ли там полиция? Оказалось, что староста ни в чем таком отмечен не был, но по своей сути он предатель. А предателю первая пуля положена. И полицейские там есть, но ими займутся Давыдько с товарищами, а на мне казнь старосты.

– Я? Один? – не поверил я.

Было странно, что необстрелянного парня (о своей двухдневной войне под Москвой я никому не рассказывал и медаль не носил) собираются поставить на такое кровавое дело. Первый раз убить человека, причем глядя ему в глаза, это очень трудно. Мне это было известно по собственному опыту.

– Это приказ, Звягинцев! – твердо сказал Давыдько.

– Костя, ты сам попросился на боевое задание! – следующим высказался Шкетов. В его тоне чувствовалось осуждение и негодование. – Ты боец, а это приказ командования! К тому же не забывай, что ты советский комсомолец и должен оправдывать это высокое звание!

Пришлось сделать вид, что слова товарищей меня убедили.

– Я сделаю это! Не подведу!

– Вот и славно, хлопчик! – довольным голосом подбодрил меня Давыдько и неожиданно добавил на белорусском языке: – Ня бойся, усё будзе добра.

План был простой. Меня оставляют в засаде у дома старосты, а сами, втроем, идут убивать полицейских. На звуки стрельбы и крики староста должен был выскочить из избы, а я тем временем взять его на мушку и нажать на курок. Ничего сложного.

Когда фигуры моих товарищей растворились в темноте, я решил действовать по-своему. Осторожно прокравшись к двери, я осторожно поднял лезвием ножа щеколду, затем тихо потянул ее на себя. Заскрипит или нет? Ни звука. Осторожно шагнул в сени, держа наготове винтовку. Постоял, пока привыкали глаза. Сделал шаг, второй, третий. Переступив порог, оказался в горнице и понял, что попал в засаду. Хоть занавески были задернуты, но тонкий лунный лучик сумел просочиться сквозь щель и скользнул по вороненому стволу автомата, который держал в руках человек, стоящий у печки. В следующее мгновение мне в лицо ударил яркий луч фонарика, который держал в руке второй человек, а до этого я успел заметить третью человеческую фигуру, сидевшую на топчане, стоявшем в углу. Я почти ослеп, но, несмотря на безвыходное положение, сдаваться не собирался. Вот только у меня был лишь один выстрел, а потом меня... наспигуют свинцом.

– Зачем пришел, хлопчик? – это был голос человека, сидящего на топчане. Хриловатый, надтреснутый, старческий. Староста.

– А вы как думаете? – вопросом на вопрос отвечаю я.

Тяну время, сколько можно, одновременно пытаюсь понять, как выкрутиться из этого положения. Получить пулю очень не хотелось. Сразу не убили, значит, живьем я им интересен. Но кроме винтовки у меня два ножа, причем спрятаны совсем не в тех местах, где их обычно прячут.

«Может, наши подойдут, – мелькнула надежда и сразу исчезла. – Их тоже, скорее всего, прихватили. Интересно, кто нас сдал?»

– Винтовку положи на пол, а то не ровен час выстрелит, – посоветовал мне староста. – Осторожно клади. Без резких движений.

Я осторожно положил винтовку. Хозяин дома встал, чем-то там чиркнул, подкрутил фитиль, а затем поднял лампу, в тот же миг фонарик погас. Теперь я смог хорошо рассмотреть всех троих мужчин. Бородач, стоявший с автоматом в руках, напряженно и зло глядел на меня. Сомнений не было в том, что стоит мне неправильно себя повести, как он всадит мне в грудь полрожка. Высокий, плечистый мужчина, державший в одной руке фонарик, а в другой пистолет, сейчас наблюдал за мной с легкой усмешкой. Староста хоть и старик, а наган, который он держал в руке, не дрожал, да и глаза смотрят не подслеповато, а настороженно.

– Мне так думается, что пришел меня убить. Иначе зачем тебе винтовка?

– Да ты что, дед, такое выдумываешь! Эту винтовку я рядом с твоим домом нашел. Думаю, не иначе как хозяин потерял. Верну ему и табачка попрошу за свою услугу. Заодно водицы попью, а там, может, добрый хозяин сала кусок отрежет.

– Стоит под стволом, а как складно брешет! И главное, голос ни разу не дрогнул, – с усмешкой прокомментировал мои слова мужчина с пистолетом, приэтом внимательно и цепко ощупывая меня взглядом.

«Если им сейчас помощь подойдет, мне окончательно кранты! Сейчас! Прямо сейчас...»

Нож скользнул из рукава в руку. Я напрягся, готовый действовать, но что-то мне мешало начать. Да и интуиция моя молчала. Не била в набат. Дед, видно, что-то почувствовал, потому что быстро сказал:

– Не дури, парень. Здесь свои.

– Свои, говорите... Тогда, может, я к вам в следующий раз зайду.

Мужчина с хозяином дома переглянулись.

– Опустите оружие. Пусть он уходит, – вдруг неожиданно сказал мужчина.

Дед опустил оружие, следом опустил ствол автомата. Подобных слов я никак не ожидал. Значит, не полиция. Тогда кто? Блин! Какой же я тупица! Это же партизаны!

– Знаете, я передумал. Тепло тут у вас. Да и в животе чего-то бурчит.

– Вот наглый хлопчик, – покачал головой дед, а затем буркнул: – Садись. Покормлю.

Хозяин дома положил наган на стол, затем подошел к печи, при этом отодвинув в сторону автоматчика, стал что-то доставать. Потом, не поворачиваясь, неожиданно спросил:

– Ты, хлопчик, небось, из этих – парашютистов?

– Ага. Полчаса тому назад парашют у тебя в огороде закопал, а рацию и динамит в курятнике спрятал.

Дед засмеялся в голос, а за ним заулыбались партизаны.

– Винтовку можно взять? – спросил я, бросив взгляд на бородача с автоматом, все еще не спускающего с меня настороженных глаз.

– Бери и садись за стол. Сейчас твоих товарищей приведут. Меня зовут Николай. Хозяина – дед Кондрат. Он, – тут мужчина кивнул головой в сторону автоматчика, – Дмитрий. Мы из отряда Старика. Слышал?

– Константин, – в свою очередь представился я. – Нет, не слышал.

Глава 7

Бабье лето. В этом году оно пришлось на вторую декаду сентября. Вот только никого не радовала теплая погода, хотя до этого у нас все складывалось неплохо. За эти четыре месяца наш партизанский отряд хорошо поработал. Был пущен под откос немецкий эшелон, разгромлен крупный гарнизон и взорваны склады в селе Коржавы, совершено удачное нападение на временный лагерь, в который сгоняли молодежь для отправки в Германию. Освободили более полусотни юношей и девушек. Все это не считая обычной, повседневной работы, в которую входили засады на дорогах и уничтожение полицейских и предателей. Только официально была подтверждена смерть восьмидесяти трех гитлеровцев и пятидесяти семи пособников фашистов, а вот теперь у нас закончилась полоса удач и пошла черная полоса неудач и смертей.

Когда местное начальство поняло, что у них под боком появился активный, боевой отряд партизан, гитлеровцы решили принять меры. Сначала в нашем районе появился батальон солдат, которые в течение нескольких дней прочесывали окрестные деревни и леса, но ввиду неэффективности их действий их вскоре убрали, а вместо них пригнали два взвода карателей с вспомогательным отрядом из полусотни полицейских. Если с солдатами вермахта военных действий мы не вели из-за их численного превосходства и отсиживались в лесу, то карателям решили показать, кто хозяин на этой земле. Объединенный отряд, составленный из партизан Старика и наших бойцов, заманив гитлеровцев в засаду, дал самый настоящий бой. Каратели и полицаи, потеряв около тридцати человек только одними убитыми, позорно бежали. Но в начале сентября все изменилось. Сначала пропала группа партизан из отряда Старика, отправленная за продуктами. Прошло время, и по их следам были отправлены люди, но неожиданно наткнулись на засаду фрицев. В результате неожиданного, скоротечного боя партизаны потеряли двух человек, после чего отступили. Такое было и раньше, вот только никогда немцы не устраивали засад в лесу, в который без особой нужды старались не соваться.

Спустя еще несколько дней исчезла группа наших разведчиков. Четыре человека, в том числе и Леша Крымов. Два дня ушло на их поиски, пока мы не наткнулись на место боя. Судя по выбранному месту, на наших разведчиков напали люди, которые не просто хорошо знают тактику партизанской войны, но и умело применяют ее на практике. После этих потерь командование обоих отрядов устроило совместное совещание, но оно мало что дало, так как о подобных немецких подразделениях никто не слышал. По лагерю пошли гулять слухи, что немцы прислали какую-то секретную группу для борьбы с партизанами. Все это не давало повода для радости, так как до этого времени лес партизаны считали своей вотчиной, а тут на тебе! – оказывается, у фрицев есть свои партизаны, не хуже отечественных.

«Спецподразделение. Что мне о них известно? Да ничего! Только про отряд “Брандербург” краем уха слышал, но там вроде другая специализация. Диверсии в тылу врага. Эти же, судя по тому, как действуют, разбиты на небольшие разведывательные группы, и, судя по всему, их целью является получение координат месторасположения партизанских отрядов. В обоих случаях произошли быстротечные бои. Отсюда можно сделать вывод: если и взяли кого-то из партизан живыми, то только ранеными. В таком случае допрос они проводили в полевых условиях. Но трупов нет. Зачем им тащить их с собой? Разведчики Старика погибли пять или шесть дней назад. А когда пропал Лешка Крымов? М-м-м... Еще и трех суток не прошло. Так... Если бы за это время они узнали нечто конкретное, то нас бы уже обложили. Значит, пока ничего не знают».

Проанализировав имеющуюся информацию, я пошел к Стукашенко, чтобы изложить все в упрощенной форме, языком партизана-комсомольца. Мне он нравился. Оказался хорошим мужиком, честным, храбрым, при этом старался разобраться в людях и не имел привычки навешивать на них ярлыки «враг народа», только потому, что ему так показалось.

«Не кабинетный чекист, а самый настоящий боец, к тому же умный и хваткий».

Заместитель командира отряда по разведке меня выслушал, какую-то минуту смотрел на меня, а потом сказал:

– Думаешь, ты один такой умный, Звягинцев? Рассмотрели мы все это. Именно в таком плане, как ты говоришь. Вот только как узнать, так ли это на самом деле. На носу зима, и если мы сейчас уйдем в другое место, то нам очень плохо придется. Здесь мы неплохо обжились, а там, на новом месте... Скажу прямо. Мы с отрядом Старика решили объединиться и остаться здесь. Да ты и сам понимаешь. Вода есть. Расположение хорошее. Только вот теперь все наши планы под угрозой оказались.

Мы какое-то время молчали, потом Стукашенко снова заговорил:

– Сейчас мы делаем упор на разведку. Нам позарез надо знать, откуда эти фрицы появляются. Их наверняка кто-то видел. Нам надо узнать о них хоть что-то, мать их! А так ходим, как слепые котята!

На следующее утро на разведку было отправлено пять групп партизан. Строго-настрою было приказано идти осторожно, с оглядкой, отмечать все подозрительное. Я вошел в одну из троек. Наш маршрут был проложен по двум деревням – Панкратовка и Соломино. До Панкратовки идти было относительно недалеко – километров семь, причем большей частью – лесом. В селе был верный человек, у которого мы собирались получить информацию, переночевать, а потом пойти дальше. Обычно все старались выходить так, чтобы иметь возможность понаблюдать за деревней час-полтора, а уже затем, в сумерках, добраться до избы своего человека. Так и мы сделали. К тому же место знали укромное и проверенное. Уже два раза там оставались. Полчаса лежали, разговаривали, потом меня стало ко сну тянуть. Я предложил тянуть соломинку, но Василий Ухов, который шел в нашей тройке старшим, сказал, что спать не хочет и будет дежурить. Третьим в нашей группе был Матвей Дужко, но все звали его в отряде почему-то Митяй. Парень обладал завидной мускулатурой и немалой смелостью, но вообще-то это был простой, неграмотный крестьянин, все свою жизнь проживший в глухой деревеньке. В Бога верил, возраста своего не знал, врать не умел и понятия не имел, что в мире творится. Оказавшись в отряде, он словно снова учился жить. Дужко, ни слова не говоря, накрыл голову полкой куртки и спустя пару минут ровно засопел носом.

Я лег в шаг от него. Заснул не так скоро, как Митяй, а минут через десять.

Сон был скользкий, неровный, крадущийся по краю сознания, наверное, поэтому какой-то негромкий звук сумел пробиться в мое сознание. Интуиция неожиданно ударила в набат, разбудив меня. Тело напряглось, готовое взорваться атакой, но в следующую секунду в голове словно раздался взрыв и сознание погасло. Очнулся я уже от сильного удара по ребрам.

– Шнель. Поднимайся, лесной бандит, – это было уже сказано по-русски, но с сильным акцентом.

Приподнявшись, встал, осторожно тронул разбитую часть головы, всем своим видом показывая, как мне плохо, а сам тем временем пытался оценить ситуацию. Судя по умело проведенному захвату, противник был опытен и тренирован, причем явно специализировался по борьбе с партизанами. Немцев было четверо. Крепкие, плечистые, тренированные парни. Обратил внимание на одежду. Нестандартные куртки, с серо-зелеными разводами, свободные, легкие, с капюшонами. На головах мягкие кепи с козырьками. Глаза жесткие, злые и... безразличные. Мне уже приходилось видеть подобные взгляды. Для них мы уже не были людьми, а расходным материалом, которому осталось жить до тех пор, пока он нужен. Бросил быстрый взгляд на своих товарищей по несчастью. Ухов, держась за бок, с перекошенным от боли лицом, тупо смотрел куда-то в землю.

«Минус один», – шелкнуло автоматически в подсознании.

Митяй, наоборот, стоял набычившись, глаза злые, готов броситься в драку, и это притом, что его лицо и левая рука были в крови.

«Минус два».

Шансы на спасение падали все ниже и ниже. Под охраной из трех автоматных стволов один из немцев быстро обыскал нас всех, по очереди. Провел руками по одежде, проверил пояс и голенища сапог. Из-за голенища сапога Ухова вытащили нож и бросили его к винтовкам.

– Всем идти, – и переводчик качнул стволом автомата, показывая направление, затем добавил: – Всем молчать.

Больше не задерживаясь, фрицы торопливо погнали нас сквозь лес. Нетрудно было понять, что, заполучив столь ценную для них добычу, они постараются убраться из партизанского леса как можно дальше. Шли они по лесу легко и мягко, как ходят звери, и в отличие от обычных солдат вермахта, эти гитлеровцы явно не боялись леса. Так шли мы около часа, и как только оказались на окраине леса, немцы немного расслабились, хотя до этого контролировали каждый наш шаг. Это было видно как по выражению их лиц, так и по движениям. Спустя еще полчасика мы подходили к балке, которая лежала на пути в деревню Горелое.

«Они отлично ориентируются на местности...» – только я так подумал, как запнулся, и, чтобы удержать равновесие, шагнул вбок, при этом столкнувшись с немцем. Тот коротко выругался и врезал мне стволом автомата по ребрам. Терять мне было нечего, и я зло выругался, сказав, что если бы у меня в руках был нож, то я тебя, немецкую свинью, зарезал бы в мгновение ока. Если до этого мы шли в полном молчании, то сейчас моя короткая, но выразительная речь прозвучала довольно резко. Немец удивленно посмотрел на меня, не понимая, что я ему сказал, но его сразу просветил знаток русского языка. В его голосе было веселье.

– Вилли, этот русский сказал, если ты ему дашь нож, он зарежет тебя, как свинью.

При этом разведчики, все как один, стали ухмыляться. После этого перевода я ожидал, что немец бросится на меня и будет избивать, но, к моему удивлению, ничего такого не произошло. Он только бросил на меня взгляд, полный гадливого презрения. Так, наверное, смотрят на таракана, которого собираются раздавить.

Дойдя до ручейка, мы остановились. Тепло бабьего лета сделало свое дело, лица немцев лоснились от пота.

– Сесть на землю! – последовала команда.

Немцы, по двое, обмылись в ручье. Пока одна пара мылась, двое других не спускали с нас настороженных глаз и автоматных стволов. Вдруг неожиданно заговорил Вилли:

– Эта русская свинья нанесла мне оскорбление. Как мне лично, так и моему мастерству. К тому же я считаю, что двух партизан нашему лейтенанту будет вполне достаточно, а этот, – тут последовал небрежный кивок головой в мою сторону, – будем считать, был убит при попытке к бегству.

Было видно, что этот атлетически сложенный немец был не только старшим по положению, но и, как видно, обладал непререкаемым авторитетом среди солдат, потому что ему не только никто не возразил, а даже наоборот, на их лицах появлялись довольные ухмылки, словно они предвкушали какое-то зрелище. Когда один из них сделал недвусмысленный жест, резко проведя рукой по шее, у меня по спине и по шее побежали холодные мурашки.

«Он что, собирается зарезать меня, как свинью?!»

Сказав это, Вилли снял и положил на землю автомат, скинул с широких плеч куртку, потом снял ремень с подсумками, предварительно вытащив из ножен отличный клинок. Судя по тому, как он обращался с ножом, можно было понять, что передо мной мастер ножевого боя. Сам того не ожидая, я задел профессиональную гордость мастера.

«Так вот в чем дело, – я внутренне усмехнулся. – Я его оскорбил, и теперь он желает смыть моей кровью нанесенное ему оскорбление».

Стоило мне это понять, как мозг лихорадочно заработал, пытаясь прокачать складывающуюся ситуацию. Шансов выжить было ничтожно мало, но и умирать просто так не хотелось.

– Пауль!

Один из гитлеровцев, услышав свое имя, понимающе кивнул и передернул затвор автомата, показывая этим, что готов начать стрелять при малейшей опасности.

Пока мастер ножа делал разминку, остальные немцы начали заключать между собой пари на время, которое я могу продержаться в схватке.

– Минута! Две минуты! Ставлю пачку сигарет! стакан шнапса! Полторы минуты! Я ставлю свою зажигалку!

Вилли какое-то время их слушал, потом сказал:

– Ганс, дай ему нож, тот, что мы забрали у той грязной твари.

Переводчик достал нож и подошел ко мне. Я изобразил испуг и стал отползать, упираясь ногами в землю. Видя мой испуг, немец сделал зверское лицо и стал махать ножом, делая вид, что меня зарежет.

– Не надо! Пожалуйста! Не надо! – мой испуганный вид и жалобный голос сделали свое дело. Немцы заулыбались, расслабились и стали мне показывать жестами, проводя большими пальцами по горлу, что меня сейчас зарежут. Комедию прекратил старший группы.

– Ганс! Делай, что я тебе сказал!

Немец перестал корчить рожи, после чего ловко воткнул нож в землю передо мной и объяснил по-русски:

– Бери нож и режь Вилли, как обещал.

– Зачем? – Я снова сделал испуганное лицо. – Я сгоряча так сказал. Понимаете? Я хочу извиниться. Можно?

Как только Ганс перевел, что я ему сказал, фрицы дружно рассмеялись. Даже по губам Вилли скользнула кривая усмешка. Я приложил руку к голове, к месту удара, потом потрогал шею, медленно встал и в ту же секунду почувствовал, как метательный нож скользнул по рукаву мне в ладонь.

Немцам было весело смотреть на трусливого партизана, который тянул время. Да это просто цирк, читалось на их лицах, а этот русский клоун не чета им, крепким, сильным, уверенным в себе парням, способным одним движением свернуть шею не одному такому партизану.

– Этот русский бандит от страха даже про нож забыл! – сказал по-немецки один из разведчиков.

Гитлеровцы снова засмеялись. Я реально смотрел на сложившуюся ситуацию. Шансы выжить у меня были, вот только составляли они ничтожное количество процентов. Реально у меня была возможность убить двоих врагов, а вот дальше...

Молниеносный взмах рукой, и лезвие метательного ножа вошло Паулю в глаз. Немец стал заваливаться на спину, и палец, лежащий на спусковом крючке, в судороге агонизирующего тела сжался, и по счастливому стечению обстоятельств пули веером пошли в сторону гитлеровцев. Выдергивая из земли нож, я успел увидеть удивленные глаза мастера ножа и расплывающееся темное пятно на его груди. Остальные немцы инстинктивно присели при звуке просвистевших рядом с ними пуль. Все это дало мне несколько драгоценных секунд, за которые я успел сократить расстояние между нами. В следующее мгновение нога русского партизана с поразительной, нечеловеческой быстротой взметнулась вверх и прошла по дуге, чтобы впечатать подошву в лицо переводчика. Тот даже не почувствовал боли, так как сразу провалился в темноту беспамятства, но на этом мой лимит неожиданности исчерпал себя. Попытка с ходу ударить ножом последнего гитлеровца провалилась, немец резво отскочил, передергивая затвор, и тогда я просто бросил нож ему в лицо. Он сумел увернуться, но в этот самый миг раздался тяжелый топот ног и рев Митяя. Гитлеровец, готовый стрелять, на секунду, чисто инстинктивно, скосил глаза на новую опасность. Ее мне хватило, чтобы бросится ему в ноги, и почти сразу у меня над головой ударила очередь. Не успел он упасть, как я прыгнул на него.

Его смерть – моя жизнь. Другого было не дано, так как килограммов на двадцать немец был меня тяжелее, и это был не жир, а тренированные мышцы. Он сразу рванулся, пытаясь стряхнуть меня, затем ударил обеими руками в лицо, но когда я, вцепившись в его горло, принялся душить, сумел выхватить нож и ударил меня. Мой бок словно огненная игла пронзила.

«Убьет!..» – но додумать мне не дал Митяй, прижав руку немца к земле.

Жутко хрипя, гитлеровец сделал последнюю попытку ударить меня в лицо, но его рука упала на половине замаха, а в следующее мгновение тело забилося в смертельной конвульсии. С трудом оторвав свои руки от шеи мертвеца, я попытался выпрямиться. Боль в боку резанула так, что в глазах потемнело. Митяй только сейчас сообразил, что я ранен, помог мне подняться. Бок горел огнем. Я бросил злой взгляд на Ухова, который стоял, глядя на меня с потерянным видом.

– Митяй, посмотри, что с тем фрицем, которого я оглушил.

Парень не только посмотрел, а даже от великого усердия притащил его и положил рядом со мной. Лицо Ганса было все в крови.

– Свяжи ему руки.

Пока Митяй занимался пленным, я пытался понять, как далеко от нас немцы. Если они слышали выстрелы, то мне точно хана, так как раненый я далеко не уйду.

– Ухов, мать твою, что стоишь! Посмотри вокруг!

Тот подхватился, вскочил, поднявшись по невысокому склону, и, полускрытый кустами, стал наблюдать за деревней, которая была от нас относительно недалеко. К этому моменту очнулся пленный, стал дергаться, но после того как Митяй, от избытка чувств, врезал ему по голове, сразу затих.

– Ухов, ну что?!

– Никого нет.

– Спускайся. Митяй, не стой столбом, собирай вещи!

– Ухов, посмотри у немцев аптечки. Мне нужна перевязка. Да живет ты!

Пока Ухов меня перевязывал, Митяй трудился в поте лица. Он вычистил карманы немцев не хуже пылесоса. Губная гармошка, расчески, носовые платки, сигареты, семейные фотографии. Все это он запихал в два вещевых мешка, где уже лежали консервы, аптечка, фляги. Потом стащил в одну кучу под сумки и оружие. Быстро оглядевшись, подскочил к одному из фрицев и стал стаскивать с него сапог. Быстро примерил, стянул второй сапог, надел и расплылся в довольной улыбке, но тут же вскочил и с деловым видом стал вытряхивать трупы из курток. Потом подошел к одному, примерился и начал его раздевать.

– Митяй! – прикрикнул я на него, но тот даже не оглянулся. Быстро стянул с немца китель и брюки, запихал в один из мешков и только потом подошел ко мне. На поясе немецкий ремень с подсумками и ножом, на шее автомат, а сверху еще висел бинокль. На голове надето немецкое кепи. Оглядевшись по сторонам, он нахмурился.

«Барахольщик хренов».

– Жетоныними с фрицев.

– Жетоны? А! Бляхи, что на шее висят? Так это я разом!

Еще спустя десять минут мы вышли в обратный путь с пленным и картой с пометками, единственным документом, который нашли при немцах. Митяй, несмотря на то, что нагружен вещами по самые брови, не только бодро шагал, но при этом помогал мне идти. Ухов конвоировал немца. Какое-то время мы шли молча, потом я спросил у Ухова:

– Ты спал, когда нас немцы взяли?

– Э-э... Нет! Они, гады, подкрались незаметно... Не спал! Точно говорю! Подкрались...

Чем хочешь поклянуться! – При этом его глаза воровато забегали.

– Ганс, вы взяли нас спящих? – спросил я по-немецки разведчика.

Тот бросил на меня мутный взгляд, так как все еще не мог прийти в себя, пару секунд соображал, потом сказал:

– Да.

Я повернул голову к Ухову.

– Так ты думаешь, что тебе в отряде поверят?

Он догадался, что я спросил у немца, и понял, что тот ответил. Теперь он старался не встречаться со мной глазами. Путь до леса мне дорого дался. Держался я из последних сил. Стоило нам немного углубиться в лес, как мы устроили привал. Немец тоже неважно себя чувствовал. Его по дороге дважды рвало.

– Митяй. Ухов. Идете вместе в лагерь за помощью. Немца оставите со мной. У него, судя по всему, сотрясение мозга, – я подтянул к себе автомат, передернул затвор и направил ствол на Ухова.

– Ты чего, парень?!

За последние несколько часов этот человек сильно изменился, и я это чувствовал. Глаза как у загнанного зверя, злые, опасные. По себе знал, как критические ситуации ломают человека, а тут у него двойной стресс. Сначала попасть в плен к немцам и ожидать, что тебя скоро повесят, потом получить свободу и снова оказаться в подобном положении.

– Ухов, пойдешь без оружия. Клади его на землю. Медленно.

– Ты что, мне не веришь?! Да я с самого начала в партизанском отряде! Жизнь свою рисковал, пока ты в своей Москве сидел! – в его выкриках явственно звучали истерические нотки.

– Митяй! Забери у него оружие!

Ухов внезапно отскочил в сторону и уже взял винтовку наизготовку, как я спокойно сказал:

– Дернешься, убью.

Партизан, с яростью глядя на меня, застыл, понимая, что так и будет, как сказал этот студент. Моя схватка с гитлеровцами произвела на него сильное впечатление. Этот убьет, рука не дрогнет. Именно поэтому единственным проявлением его злобы стала с силой брошенная на землю винтовка.

– Снимай подсумки. Нож из-за голенища достань.

Глаза у Ухова потухли, стали безразличными. Он, уже не возражая, снял подсумки, затем вытащил и воткнул в землю нож.

– Митяй, он арестован. Доведешь его до лагеря и сдашь Стукашенко. Попробует сбежать – стреляй! Ты все понял?

– Понял. Так мы пошли?

– Идите.

Пришел я в себя только на вторые сутки. Когда открыл глаза, то увидел рядом со своим топчаном Наташу, которая спала, свернувшись клубочком на соседней лежанке. Лицо у нее было расслабленное и спокойное, такой я ее уже давно не видел.

Когда все окончательно удостоверились, что наши разведчики погибли, Наташа просидела в девичьей землянке почти сутки, плача навзрыд, потом вышла, но теперь в ней трудно было узнать веселую, задорную девушку. Заплаканные глаза, растрепанная прическа, тоскливый, как у побитой собаки, взгляд. Аня, я и другие ребята пытались ободрить, хоть как-то ее расшевелить. Даже ежика ей притащили, ничего не помогало. Я лежал и смотрел на нее. Сколько так времени прошло, не знаю, как дверь открылась и на пороге появилась Аня. Увидев, что я очнулся, обрадовалась и закричала:

– Костик! Какой ты молодец! Слушай, как ты нас напугал! Просто жуть!

От ее громкого, звонкого голоса проснулась Наташа и сразу захлопотала вокруг меня.

– Костик! Как ты?! Бок сильно болит? Может, ты пить хочешь?

Потом пришли командиры. Товарищ Зима пробыл недолго. Спросил про здоровье и сказал маленькую речь о комсомольцах – героях нашего времени, после чего отбыл. Его боевые заместители взялись за меня более основательно. Сначала потребовали от меня детального рассказа о том, что произошло. После того, как я им все подробно рассказал, некоторое время сидели и обдумывали мои слова. Потом Градов рассказал мне то, что они узнали от немецкого разведчика. Оказалось, что это были немецкие егеря, которые последние две недели рыскали по местности в поисках партизан. Им поставили задачу выяснить расположение партизанских отрядов. Две партизанские разведывательные группы наткнулись на фрицев и были уничтожены. Трупы они забрали с собой. Их должны были вывесить в назидание в соседних деревнях. Дескать, так немецкие власти поступают с пойманными лесными бандитами. Короче, пропаганда!

– Ладно, Костя, не думай лишнего. Теперь это наша задача, как с ними управляться, – Градов поднялся. – Ты лучше давай, скорее выздоравливай!

Как только за ним захлопнулась дверь, я сказал:

– Честное слово, товарищ командир, мне больше нечего добавить по этому делу.

– С Василием Уховым нам и так все ясно. Говорил с ним, потом разговаривал с Матвеем Дужко. Да и фриц сказал, что вас сонных взяли. Все против него, а этот мерзавец все одно пытался врать, выкручивался, но потом все же сознался. Просил простить. Да и черт с ним! Не из-за этого я хотел поговорить с тобой, Костя.

«Началось. Буду врать».

– Слушаю вас внимательно.

– Да ты не напрягайся. У меня к тебе ничего нет, даже больше скажу: ты у нас на хорошем счету. Командование отряда тобою довольно, и товарищи твои все в один голос говорят: боевой партизан! Мне другое удивительно: как ты сумел расправиться с четырьмя специально подготовленными гитлеровцами? Ты пойми меня правильно, Звягинцев. Просто понять хочу, чисто по-человечески.

– Не знаю даже, как объяснить. Просто какая-то ярость во мне вспыхнула. Метательный нож словно сам собой в руке оказался, и я подумал в тот миг: умру, но и вас, гады, тоже достану! Вот... и все.

– Как нож меташь, сам видел. Мастер. А как у тебя со спортом?

– Вторые разряды по самбо и боксу. При этом меня неоднократно хвалили наш инструктор по рукопашному бою, когда нас готовили в Химках.

– Вот оно как... – с некоторым удивлением протянул Стукашенко. – А на вид так и не скажешь, что богатырь. Ладно, Костя, больше вопросов к тебе не имею. Ты давай, парень, быстрее выздоравливай.

Судя по всему, мои ответы его удовлетворили. Затем стали приходить ребята, интересоваться моим здоровьем и подробностями поединка. Исходя из их восторженных восклицаний и какой-то детской радости, с какой был воспринят мой рассказ, эта схватка с гитлеровцами надолго станет предметом разговоров. Пришел ко мне и Митяй. К моему удивлению, с вещевым мешком за плечами.

– Здорово, Костя!

– Привет.

– Это я тебе принес, – гордо заявил он и стал выкладывать из мешка различные вещи. Спустя пару минут передо мной лежали куртка немецкого разведчика, фляга, нож в чехле и полплитки шоколада. Не успел я все это оглядеть, как партизан снял свою куртку и вывернул ее наизнанку.

«Опа! Так она двухсторонняя. Весна-лето!»

– Во, гляди, Костя! И так, и так можно носить!

– Спасибо тебе, Митяй. Уважил ты меня, брат!

На простодушном лице молодого партизана появилась широкая улыбка, потом он взял флягу и протянул мне.

– Что это?

– Шнапс ихний. Чуть-чуть попробовал. Гадость противная... – При этом его лицо смешно скривилось.

– Сейчас не хочу. Расскажи лучше, как ты добрался до лагеря.

Его рассказ уложился в несколько минут, после чего он сразу переключился на то, что ему было более интересно: на вещи, которые были взяты у егерей. Открыто и шумно, почти по-детски, радовался, какие ему достались добротные вещи. Куртка, штаны, кепи и сапоги. В конце пожаловался, что большую часть вещей у него забрали и положили на склад. Особенно жалел бинокль, который у него отобрали командиры. Потом достал из кармана губную гармошку и спросил меня:

– Костя, ты умеешь на ней играть?

– Нет.

– Вот, и никто не умеет, а я хочу научиться. Знаешь, я на гармонии немного умею играть. Мне нравится...

В середине октября меня вызвали в штаб. Там сидели товарищ Град и товарищ Стук, так теперь именовался заместитель командира отряда по разведке и внутренней безопасности. В углу за занавеской, где был отгорожен угол для рации и обычно сидела Наташа, никого не было.

«Сейчас мне сообщат какую-то военную тайну», – подумал я, глядя на их серьезные лица.

– Вызывали, товарищ Град?

– Садись, Костя, – он помолчал, разглядывая меня так, словно видел впервые. – Нам нужна твоя помощь.

– Я слушаю.

Я приготовился его слушать, но начал разговор почему-то Стукашенко.

– Два дня назад мы разговаривали с начальником разведки Старика, Николаем Глыбой. Еще не забыл его? – вдруг с хитрой усмешкой спросил он меня.

– Забудешь такое, – в свою очередь усмехнулся я, вспомнив, как стоял под тремя стволами в хате деда Кондрата.

– Ты садись, Звягинцев, – и Градов указал на лавку. – Разговор будет долгий.

Я сел на край лавки.

– Тебе надо будет съездить в Могилев.

– Так он у черта на куличках, товарищ командир. Сами же говорили, что до него восемьдесят километров.

– Не восемьдесят. Мы тогда ошиблись. Видно, летчики тогда сбросили нас раньше, чем было назначено. Ошибка произошла. Сейчас мы находимся где-то в сорока пяти километрах от города. И вообще, все вопросы потом, а сейчас слушай меня внимательно. У отряда Старика есть связь с городским подпольем. Так вот, Глыба нам сказал, что подпольщики вышли на связь с немецким офицером, который готов передавать сведения советскому командованию. Вот с ним тебе нужно встретиться и поговорить.

– Почему мы? Почему не сами подпольщики? Или партизаны Старика?

В разговор снова вступил Стукашенко.

– Объясню, но сам понимаешь, все это с чужих слов. В городе идут одна за другой облавы, и немецкий офицер, снимающий квартиру у семейной пары, вдруг внезапно съезжает, но при этом предупреждает хозяев квартиры об их аресте. Они послушали его и спрятались у дальних родственников на окраине города, а спустя сутки узнали, что в их квартиру с обыском нагря-

нуло СД¹. Естественно, что подпольщики заинтересовались этим немцем, и оказалось, что он работает в управлении тыла немецкой армии и, что самое интересное, у него есть друг-приятель, который работает в СД. Тогда подпольщики решили поговорить с этим обер-лейтенантом, устроив ему как бы случайную встречу с бывшим хозяином квартиры, который неплохо знает немецкий язык. Немец рассказал, что его отец был коммунистом, но после прихода Гитлера к власти умер. Потом сказал, что в городском подполье есть предатель. Имени его он не знает, но тот работает в железнодорожном депо. И последнее. У него есть интересные для советского командования документы, но при этом с подпольем он категорически отказался работать, так как среди них могут найтись и другие провокаторы, поэтому ему нужна отдельная связь, причем напрямую с Москвой. Мы передали все эти сведения по радиации командованию и получили приказ: войти в контакт с немецким офицером. Я доходчиво все объяснил?

– Да, товарищ Стук. Но почему я?

– Да потому что у нас в двух отрядах есть только один человек, который хорошо знает немецкий язык. К тому же ты смелый, умный и находчивый боец, которому можно доверить любое задание.

– Мы верим в тебя, товарищ Звягинцев! – добавил к этим словам свою похвалу Градов.

«А куда деваться груздю, которого не спросили, хочет он этого или нет, а просто в корзину засунули?»

– Сделаю все как надо! Не сомневайтесь! – Я снова вернулся к образу патриота-комсомольца.

– Теперь о самом задании. Ты забереешь у немца документы и договоришься с ним о связи. Мы понимаем, задание сложное, но мы верим в тебя, Костя. Да ты и сам должен понимать: иметь в стане врага такого шпиона дорогого стоит.

– Понимаю. Постараюсь не подвести, товарищи командиры. Когда отправляться?

– Сегодня готовься, а завтра мы тебя переправим в отряд Старика.

Честно говоря, я подозревал, что это игра немецких спецслужб, уж больно нагло и выпукло все это дело выглядело. В Москве посчитали так же и решили закинуть немцам приманку в виде разведчика, и приказ партизанам дали соответствующий: найти для этого задания молодого, интеллигентного парня, со знанием немецкого языка. Желательно москвича. Впрочем, как оно было на самом деле, мне не было известно, вот только моя интуиция сердито ворчала, а я ей привык доверять. В прошлой жизни мне пришлось попробовать и испытать многое, но в роли шпиона из фильма, с явками и паролями, бывать не пришлось. Когда не знаешь – готовься к худшему. С таким настроением я отправился на задание.

Документы у меня были почти настоящие. Справка. Печать. Подлинные фамилии и подписи бургомистра и начальника полиции. Липой в них было только то, что я не был полицаем села Горелое и не имел в городе Могилеве родной тетки. Вечером того же дня связной Старика свел меня с представителем городских подпольщиков. От него мы узнали, что немец правильно указал на место работы предателя. Подпольщики сумели за эти дни вычислить иуду, а после допроса его казнили. После этого случая доверие к немецкому офицеру сразу выросло. Вспомнив парочку просмотренных шпионских фильмов, попросил, если есть, очки с простыми стеклами. Для маскировки. К моему удивлению, мне пообещали их принести. Ближе к вечеру за мной пришел человек. Нахлобучив кепку и надев очки, вместе с сопровождающим меня подпольщиком, пошел к месту встречи, кинотеатру «Луч». Народу было немного. Спустя десять минут после начала сеанса рядом со мной сел мужчина в гражданской одежде.

– Головы ко мне не поворачивайте. Смотрите на экран, – первым делом произнес он тихо по-немецки, а затем спросил. – Что вам велено мне передать?

¹ От нем. Sicherheits Dienst – служба безопасности Германии.

– Нужны документы, которые подтвердят вашу искренность. Только после их проверки мы сможем говорить о дальнейшей работе.

– Разумно. Встречаемся завтра в букинистическом магазине в час дня. У меня в руке будет книга. Я оставлю ее на прилавке, а вы ее возьмете. И простите мое любопытство. Вы говорите как истинный берлинец. Откуда...

– Где находится этот магазин? Вы не назвали адрес, – бесцеремонно перебил я его.

– Он единственный в городе.

В следующую секунду я встал и пошел к выходу. С моей интуицией мы подружились в Афганистане, после чего жили с ней душа в душу, и сейчас ей очень не понравился этот тип. И я был с ней полностью согласен. Этот человек, несмотря на неподвижное лицо, не казался таким напряженным, как я, что было весьма странно, ведь он должен был бояться, причем даже больше меня. Попади он в руки гестапо...

Выйдя из кинотеатра, свернул за угол и неторопливо пошел сквозь парк, делая вид, будто гуляю. Откуда-то сбоку вынырнул подпольщик, обогнал меня и пошел впереди меня, показывая дорогу. Мы шли вечерними улицами, петляли, пока не добрались до развалин, тут подпольщик резко прибавив в скорости, вдруг неожиданно исчез в провале разбитой стены. Чего-то такого я и ожидал, после чего, перейдя на бег, кинулся за ним. Как я не сломал ноги при бегстве во мраке среди обломков и разрушенных стен, просто не знаю. Повезло. Честное слово, повезло! Проскочив с ходу развалины, мой проводник углубился в густые заросли кустов. Проскочив их, мы оказались у двухметровой стены. Перебравшись через нее, я увидел несколько длинных барачков. Явно какие-то мастерские. Были. В прошлом. Уже не спеша, но с оглядкой пройдя мимо них, мы оказались на небольшой улице. Сразу видно, окраина. Два ряда потрепанных временем деревянных домов. В некоторых окнах горел свет. Тусклый. Такой свет дает керосиновая лампа. Остановились около последнего дома. Подпольщик некоторое время внимательно и цепко смотрел на меня, потом сказал:

– Сегодня переночуем здесь, но как завтра уйдешь, то сразу забудь про это место. Укрытие на самый крайний случай. Понял?

– Понял.

На следующий день я забрал книгу с вложенными в нее секретными документами и отправился обратно в отряд. Кроме них была отпечатанная на пишущей машинке записка о том, что этот букинистический магазин предлагается использовать для дальнейших встреч. По крайней мере, на первое время.

«Страхуется немец. Действительно, не доверяет он подпольщикам. Может, я действительно зря на него бочку качу? Ладно. Время покажет».

Честно сказать, я много страха натерпелся за эту командировку. У меня всегда было что-то в запасе, как нож в рукаве, а здесь, в чужом и незнакомом городе, я оказался словно на арене цирка. Весь свет на меня падает, я всем виден, а те, кто сидят за границей освещенного круга, мне не видны, а значит, с какой стороны ждать опасность, непонятно. Все это жутко нервирует, натягивая нервы до предела.

Вернувшись в лагерь, отдал документы, а сам пошел отсыпаться. Честно сказать, в городе мне паршиво спалось. Сказывалось постоянное напряжение.

«Похоже, отвык ты, парень, от постоянной опасности», – был я вынужден признаться сам себе.

Спустя несколько дней Наташа рассказала мне по большому секрету, что к нам летят люди из Москвы. Командованию отряда велено найти и обозначить место высадки в кратчайшие сроки, а еще спустя два дня наши разведчики привели в лагерь троих человек. Еще вечером, до прибытия, им выделили комнату в бараке, который у нас считался госпиталем. Люди рассчитывали на новости, хотели узнать из первых рук, что происходит на фронтах, как живет страна, а вместо этого всему составу было строго приказано: в разговоры с новыми людьми

не вступать и держаться от госпиталя подальше. Ели они вместе со всеми, но этим общение и ограничивалось.

Вызов в штаб рано утром меня не удивил. Ведь москвичи были сброшены сюда ради немецкого офицера, с которым только я общался.

В штабе сидели командир отряда, Стукашенко и три «чекиста», прибывших из Москвы. Так я их, для себя, решил пока именовать.

– Садись, Звягинцев, – сказал мне командир отряда, когда я представился. – У товарищей... есть к тебе ряд вопросов.

– Костя, – обратился ко мне один из них, мужчина с цепким и внимательным взглядом, – опиши нам этого немца, и как можно подробнее. Может, есть особые приметы...

Их интересовало всё. Жесты, детали его поведения, мимика, как он ставит фразы. Вопросы сыпались из чекистов, как из рога изобилия, пока я не стал повторяться. Когда они это поняли, разговор подошел к концу.

– Место встречи тебе подпольщики дали?

– Да.

– Немец, ты говоришь, напрочь отказался работать с подпольщиками? Так?

– Так точно.

Старший группы какое-то время думал, потом изложил нам свой план:

– С подпольем на контакт мы не пойдем, а связь с ними через тебя будем держать. На первую встречу с немцем пойдешь тоже ты, ну а мы тем временем понаблюдаем за немцем со стороны. Если все пройдет хорошо, подпольщики проверят место встречи и на этом, Звягинцев, твоя работа будет закончена. Все остальные подробности мы обговорим с тобой, когда будем в городе. На этом все.

Сразу по прибытии в город я занялся подготовкой встречи. Все шло как и было намечено, а единственной неожиданностью для меня стали немецкие мундиры и отличный немецкий язык чекистов. Холодная надменность лица старшего группы даже на меня произвела впечатление. Истинный ариец. Когда вся подготовительная часть работы была закончена, я спросил:

– Я больше не нужен?

– Костя, как у тебя с документами?

Вопрос был неожиданный, поэтому я замялся на секунду.

– Вроде нормальные.

– Это хорошо. Место встречи ты знаешь, пойдешь впереди нас. На всякий случай.

– А потом?

– Дойдешь до нужной нам улицы, сразу уходи.

Над головами висели тучи, из которых шел с какими-то непонятными перерывами мелкий противный дождь. До этого несколько дней шли проливные дожди, поэтому на улицах стояла непролазная грязь. Лица у людей, под стать погоде, хмурые и раздражительные. Горожан на улице почти не было, а те, что шли, только изредка бросали равнодушный, скользкий по мне взгляд. Война наплестила столько проблем, что для лишнего любопытства у людей не оставалось ни сил, ни желания. Так же скользнули по мне взгляды двух немецких солдат, вынырнувших из-за угла и быстро зашагавших дальше по своим делам. Был бы патруль, сразу бы остановил молодого парня, хотя справка у меня была настоящая, с подлинной печатью и подписями. Я шел, подняв воротник теплой куртки на ватине, и думал о том, что в случае необходимости смогу использовать только один из своих ножей, который спрятан в рукаве. В руке у меня был зажат кусочек бумаги, на которой была написана фамилия и адрес дома, в котором как бы проживает моя тетя.

Дойдя до нужной улицы, я остановился и стал крутить головой, делая вид, что ищу название улицы или нужный мне номер дома. Спустя пару минут из-за угла дома вышли чекисты. При виде немецкой формы я придал себе испуганный вид, отпрянул в сторону и замер, пропус-

кая их мимо. Моя работа на этом закончилась, и я мог уходить, но что-то в общей картине меня насторожило. Череда войн, через которые мне пришлось пройти, выработала во мне поистине звериное чутье на опасность. Мне многое довелось пережить, и в том, что я выжил, есть определенная заслуга моей интуиции. Я попытался проанализировать обстановку. Слишком тихая улица? Нет. На улицах оккупированного города, вблизи окраины, всегда тихо и пустынно. Что именно, мать вашу? Может, дело в домах? Улица состояла из частных подворий и деревянных двухэтажных домов. Окна? Я сделал вид, что рассматриваю еле видимый и наполовину стертый номер дома, при этом держа бумажку на виду. Со стороны должно было казаться, что я ищу нужный мне адрес. Растерянно оглянулся по сторонам, заодно мазнув глазами по окнам. Вот оно! На втором этаже дома, расположенного почти напротив места встречи, ветерок качнул занавеску! Слегка, чуть-чуть, было приоткрыто окно. Какой идиот будет держать открытое окно в такой холод? В этот момент мимо меня торопливо шла пожилая женщина в пальто и наброшенном на него брезентовом плаще. Я остановил ее.

– Извините, где тут дом номер восемь?

– Ты ж, хлопец, перед ним стоишь! – И она ткнула рукой в здание.

– А Фросьеву Анастасию Степановну вы случаем не знаете?

– Даже не слыхала о такой, – уже на ходу ответила мне женщина.

Я не сомневался, что если там находится засада, то немцы, наблюдавшие за улицей, видели мой разговор с женщиной и ее жест рукой, показывающий в сторону дома, а значит, стрелять сразу не станут.

В подъезде было сыро, пахло чем-то кислым и затхлым. Достал ножи. Бритвенной остроты лезвия. Где-то внутри меня стал разгораться огонек боевого азарта. Я был снова в деле! Эти минуты, полные опасности, вместе с предельным напряжением тела и нервов, когда кровь, смешавшись с адреналином, кипит, были для меня одним из тех моментов, ради которых я стал наемником. Стал подниматься по скрипучей деревянной лестнице. Только я ступил на площадку, как дверь нужной мне квартиры резко распахнулась. На пороге стоял толстый фельдфебель, держа направленный на меня автомат. Нечто подобное я и ожидал увидеть, поэтому испуганно отпрянул и втянул голову в плечи, после чего залепетал, путая немецкие и русские слова:

– Их... ищю meine Tante. Штрассе... Э-э-э... Болотная улица.

– Die Hände nach oben, партизан!

– Я не партизан! Ищю тетю! Meine Tante!

Из глубины квартиры послышался мужской голос:

– Макс, тащи его сюда!

Немец отступил в сторону и качнул головой в сторону квартиры:

– Коммен!

В следующее мгновение лезвие ножа описало короткий полукруг и рассекло горло и трахею автоматчику. Он еще только начал хрипеть, заваливаясь, как я уже проскользнул в квартиру. Молниеносный взмах руки, и солдат, стоящий у окна с винтовкой в руках, стал медленно оседать с ножом в шее. Обер-ефрейтор, сидевший на стуле и держащий винтовку между колен, как замороженный устался на меня. Нож вошел ему в левый глаз, оставив на его лице уже посмертное выражение удивления. Быстро втащив в комнату труп фельдфебеля, я закрыл за собой дверь на замок. Огляделся. Печка. У стенки маленькая поленица дров. Этажерка. Металлическая кровать. Два стула. И три мертвых фрица. Вытащив из трупов ножи, я тщательно их вытер, затем быстро подошел к окну и осторожно выглянул.

В доме, где проходила сейчас встреча, пока стояла тишина. Быстро оглядел арсенал, который мне достался в наследство, и несколько удивился тому, что увидел. Одна из винтовок была явно не немецкого производства, а что самое удивительное – имела глушитель.

«Зачем им глушитель?!» – задал я сам себе вопрос, но ответа не получил. Просто не знал. Вторым предметом, вызвавшим у меня удивление, стала лежавшая под окном сумка с тремя гранатами. Ну, немцы! Ну, педанты! Хмыкнув, стал разбираться с автоматической винтовкой, имевшей глушитель. Спустя несколько минут снял кепку и заменил ее на кепи немецкого солдата, так как голову в окне кто-нибудь обязательно увидит, а все остальное должна скрыть занавеска, после чего застыл у окна в ожидании. Мне ничего не было известно о порядке встречи, поэтому приходилось исходить в сложившейся ситуации только из одного чисто русского варианта под названием «авось пронесет». Как и не было мне известно, что около двух часов тому назад в кабинете начальника службы СД Карла Мюллера состоялся разговор следующего содержания:

– Вилли, может, ты не пойдешь на встречу с русскими разведчиками? Ты уже выполнил свою задачу: заманил их в ловушку. Теперь только и осталось, что захлопнуть ее.

– Дорогой дядя, я и так вам многим обязан, но при этом я немец, офицер, и мой долг...

– Ты уже столько раз рисковал собой, что доказал всем свою храбрость и преданность рейху! Ты этим просто проявишь осторожность! К тому же моя сестра, а твоя мать просила приглядывать за тобой! Твой отец погиб во Франции, как герой. Прошло почти три года, а она до сих пор не может прийти в себя, и если с тобой что-то случится, она просто не переживет этого! Ты должен это понять, Вилли!

– Принимаю вашу заботу обо мне, но не забывайте, я уже не мальчик, господин обер-штурмбаннфюрер!

– Ну-ну, племянник. Не горячись! К тому же я с тобой полностью согласен. Женщинам – их слабости, а нам, как мужчинам и истинным арийцам, – войны и покорение народов!

– Я рад, что вы понимаете меня, дядя.

– Это потому, мой мальчик, что вижу в тебе самого себя. Все, хватит лирики. Как ты уже знаешь, только вы возьмете русских агентов, сразу начнется операция «Удавка» по разгрому городского подполья. Наш успех станет отличным подарком для Гиммлера, а заодно мы шелкнем по носу бахвала Мольтке, нашего коллегу из гестапо!

– Извините, дядя, но мне уже нужно идти. Надо переодеться перед встречей с русскими шпионами.

– Все, Вилли. Больше не задерживаю тебя! Иди и возвращайся с победой!

До последнего момента во мне теплилась надежда, что разведчиков выпустят, а им вслед пустят агентов, чтобы проследить за ними и выявить всю группу, но вместо этого ситуация развернулась по самому плохому варианту. В доме началась стрельба, затем треснуло и разлетелось вдребезги одно из стекол. Как только раздался первый выстрел, тело пришло в боевую готовность, готовое реагировать на любые изменения в окружающей обстановке, а мозг автоматически принялся просчитывать варианты возможного боя. Нетрудно было догадаться, что немцы со всей своей дотошностью и педантичностью постараются просчитать все возможные ходы противника, поэтому, стоило мне услышать треск мотоцикла и ровный гул мощного двигателя, который приближался с каждой секундой, как сразу стало понятно, что к фрицам приближается подкрепление. Я открыл окно и осторожно высунулся. Разбрызгивая грязь, к дому подлетел мотоцикл с коляской. Водитель и сидевший сзади солдат сразу соскочили и встали у калитки с автоматами наготове, а пулеметчик, сидевший в коляске, направил ствол на дом. К этому моменту стрельба перешла во двор за домом. Несложно было понять, что разведчики сделали попытку уйти через задний двор.

«Вот только, похоже, не получилось».

В подтверждение этого вывода входная дверь распахнулась настежь и из нее, пригибаясь, выскочили два разведчика, с пистолетами в руках. Немцы, стоявшие у калитки, дали несколько коротких очередей, стараясь прижать русских диверсантов к земле. В ответ раз-

далось несколько pistolетных выстрелов. Первым я взял на прицел пулеметчика. Тело гитлеровца дернулось, откинулось назад и застыло с бессильно опущенными руками. Водитель мотоцикла, что-то услышав, обернулся и растерянно уставился на труп пулеметчика. Окончательно понять, как такое могло случиться, ему не дала пуля, ударившая под обрез каски. Затем я перевел ствол на второго солдата и нажал на спусковой крючок. Тот упал, разбрызгивая жидкую грязь, на землю и замер, широко раскинув руки. В этот самый миг на улицу въехал открытый грузовик с шестью солдатами. Не успел он остановиться, как вниз одна за другой полетели три гранаты. Автомобиль подпрыгнул, заскрежетав своими железными внутренностями, расшвыривая вокруг себя куски дерева, железа и человеческой плоти.

«Вроде все...» – я бросил последний взгляд на улицу и замер. Оба разведчика кинулись не на улицу, а обратно в дом.

Если «чекисты» рассчитывали, что я буду и дальше их прикрывать, то они ошибались. У меня не было желания записываться в мертвые герои. Скинув немецкое кепи, надел кепку, прихватив с пола автомат, побежал к двери. Быстро спустившись по лестнице, я осторожно приоткрыл дверь подъезда, замер, держа наготове автомат. Где-то вдалеке слышался рев машин и выстрелы. Убедившись, что прямой опасности нет, выскочил из дома и помчался со всех ног как можно дальше от этого опасного места, где через пять-десять минут будет по солдату на один квадратный метр. Я еще успел услышать, как взревел двигатель мотоцикла.

«Чекисты? Своего забрали? На них немецкая форма, немецкий мотоцикл. Соображают», – вся эта логическая цепочка автоматически выстроилась у меня в голове за пару секунд и сразу исчезла, так как мне нужно было думать о себе, о том, как вырваться из города.

«Бросить автомат? Нет. Рано», – мелькнула следующая мысль и пропала, пока я бежал по пустынным улицам, стараясь уходить как можно дальше от рева двигателей, выстрелов и криков. Проскочил несколько дворов, остановился, чтобы перевести дух и сориентироваться. Мне повезло. С моего места хорошо просматривалась водокачка, а значит, в той стороне находилась железнодорожная станция, со стороны которой я входил в город. Мне надо было взять немного левее от нее, вот только именно в этом направлении прямо сейчас началась стрельба. Пока я раздумывал, что мне делать, как услышал быстрый топот чьих-то ног. Быстро огляделся. Единственным укрытием был подъезд двухэтажного деревянного дома, в двух десятках метров от меня. Я еще только вслушивался и раздумывал, как поступить, как совсем рядом раздались выстрелы. Судя по неровному интервалу выстрелов, кто-то стрелял на бегу. В ответ протарахтела короткая очередь, за ней другая. Кто-то вскрикнул. Снова ударил pistolетный выстрел. Больше не раздумывая, я кинулся в подъезд и только успел спрятаться за полуоткрытой дверью, как в нее спустя минуту сунулся один из беглецов.

– Пошел отсюда! – рявкнул я на немецком языке, направив на него автомат. Молодой парень, даже не разглядев меня толком, кинулся, сломя голову, обратно из подъезда. Снова раздались крики, топот множества ног и выстрелы. Какое-то время выжидал, затем осторожно выглянул из двери. Снова прислушался. Никого. Только неподалеку ревел двигатель грузовика и где-то на соседней улице немецкий офицер, надрывая горло, отдавал приказ перекрыть улицу. Снова какое-то время бежал, но теперь уже налегке, выбросив автомат по дороге. Дважды буквально чудом ускользнул от патрулей, наводнивших город, но сумел вырваться на окраину. Забравшись в какие-то развалины, первые несколько минут я пытался отдышаться и прийти в себя, потом просто сидел, вслушиваясь в окружающее пространство. Здесь было тихо, только мелкий дождик барабанил по остаткам крыши, под которой я сейчас сидел. Меня била мелкая противная дрожь. Пока метался по городу, то ничего не замечал, накачанный по уши адреналином, но теперь на меня навалились усталость, холод и сырость, а спустя какое-то время к ним присоединился голод. Я поднялся на ноги, немного размялся и отправился на место нашей последней стоянки, так как там «чекисты» сделали небольшой тайник. На всякий случай.

Об этом месте никто, кроме нас четверых, не знал.

Добрался я до места сравнительно быстро, потом какое-то время наблюдал. Не обнаружив ничего подозрительного, вскрыл тайник, но оставаться в этом месте не рискнул, хотя бы потому, что прописную истину «Береженого бог бережет» никто не отменял. Уложил в мешок продукты и медикаменты, накинул на себя плащ-палатку и ушел. Заночевал я в нескольких километрах от города, в балке, накрывшись плащ-палаткой. Утром, сориентировавшись по местности, двинулся дальше. Ближе к вечеру, предельно уставший, я достиг опушки нашего леса и тут, к своему немалому удивлению, неожиданно наткнулся на брошенный немецкий мотоцикл.

«Значит, сумели не только вырваться из города, но и добраться до леса. Что тут скажешь. Молодцы».

Из быстрого осмотра мотоцикла стало ясно, что один из них ранен, причем тяжело. Об этом говорили окровавленные тряпки, лежавшие на мокрой земле. Так как с раненым они далеко не могли уйти, я осторожно стал описывать круги, пытаясь выйти на их след, и спустя какое-то время увидел огонь. Осторожно подкрался. Два человека лежали на нарубленном лапнике, а один сидел у костра, глядя в огонь. Вдруг кто-то из раненых завозился, потом раздался глухой, протяжный стон. Разведчик у костра резко вскинул голову и повернулся в сторону звука. В этот момент я вышел из-за дерева.

– Не стреляйте. Это я. Костя Звягинцев.

– Ты?! – удивление старшего группы было настолько большое и неподдельное, что он секунд десять молчал, не сводя с меня взгляда. – Как ты нас нашел?

Я пожал плечами:

– Нашел. У меня с собой продукты и медикаменты.

Чекист удивленно покрутил головой и негромко сказал:

– Чудеса, да и только.

К моему удивлению, одним из двух раненых был офицер СД. По крайней мере, мне так объяснил «чекист».

«Это они за ним тогда вернулись. А третьего “чекиста”, значит, все же кокнули».

Спрашивать я ничего не стал, удовлетворившись тем, что он мне сказал. Через час перевязанных и накормленных раненых устроили под навесом из плащ-палатки. Я присел у костра, наслаждаясь тишиной и спокойствием, но когда в меня уперся тяжелый взгляд чекиста, сразу подобрался, так как понял, сейчас начнется допрос. Позволить этого я не мог, так мне сначала нужно было все основательно продумать, чтобы не выпасть из роли комсомольца-добровольца, и поэтому сделал ход первым.

– Товарищ командир, я сильно устал, поэтому давайте поговорим в лагере. Хорошо?

Он какое-то время внимательно смотрел на меня, потом сказал:

– Хорошо. Утром ты пойдешь в лагерь и приведишь помощь.

– Так точно, товарищ командир.

Уже к обеду следующего дня я вернулся с помощью, и вскоре «москвичи» вместе с пленным были в лагере. Гитлеровец, в чине офицера СД, поднял в лагере немалый шум. Меня пытались спрашивать, что и как произошло, на что я отвечал: военная тайна. Когда суматоха улеглась, я отправился на склад и расположился возле горячей печки-буржуйки. Сюда я приходил только в тех случаях, когда мне хотелось остаться одному или о чем-то подумать. Я услышал, как кто-то вошел, но сделал вид, что дремлю на лавке, откинувшись на стену. Это пришел разведчик. Честно говоря, я никак не ожидал, что он явится сюда прямо сейчас, так как надеялся увидеть его только завтра утром.

– Ты один?

Я встал:

– Так точно, товарищ командир.

– Сиди, чего вскочил.

Он взял чурбан, который мы использовали вместо табурета. Подтащил его поближе, потом уселся. С минуту смотрел на пляшущее в печке пламя, потом спросил:

– Что своим командирам сказал?

– Сказал, что военная тайна и я не могу ее разглашать. Если что интересует, то у товарищей из Москвы спрашивайте.

Какое-то время он смотрел, как я поленья в печку подкладываю, и только потом спросил:

– Почему про свой подвиг не рассказал? Как нас спас.

– Зачем, товарищ командир? – спросил я его.

Он посмотрел на меня с явным удивлением, потом спросил:

– Тебе сколько лет?

– Девятнадцать. Скоро исполнится.

– Хм. Какой-то ты у нас серьезный и хваткий, парень. Совсем не по возрасту.

– Да нет, совсем обычный, – постарался я оправдываться. – Просто много перенести за это время пришлось. Злоба на фашистов внутри накопилась, а она по-другому, по-взрослому, на жизнь заставляет смотреть.

– Я не о том хотел сказать. Как ты смог вычислить немцев, сидящих в засаде?

– Чистая случайность, товарищ командир. Или можно сказать, слепая удача. Случайно заметил мелькнувшее лицо фрица в окне и подумал, что это неспроста. Да и страх за вас был, – продолжал я врать. – Их там двое было. Расположились вольготно и сидели с винтовками. Я их там ножом... Вот и все.

– Я тут говорил с товарищем Стуком, так он сказал, что ты с ножом неплохо умеешь обращаться. Вот только у тебя все больно просто получается. Заметил. Убил. Да еще ножом. Если бы ты их в горячке боя застрелил – другое дело, а ножом работать... тут определенная сноровка нужна. И ведь не врешь, я это чувствую, но при этом явно чего-то недоговариваешь.

Я пожал плечами, что тут говорить. Профессионал, он и в Африке профессионал.

– Ладно. Не хочешь об этом говорить, тогда расскажи мне о себе.

– Зачем это вам, товарищ командир? Или вы меня в чем-то подозреваете?

– Чудак человек, ты нам жизнь спас, как я могу тебя в чем-то подозревать? Просто хочу понять, что ты за человек.

«Так я тебе и поверил», – подумал, после чего изложил коротко свою биографию.

– Студент. ИФЛИ. Известный институт. Слышал о нем. – А затем вдруг неожиданно сказал: – Знаешь, Костя, когда я тебя первый раз увидел, то почему-то сразу подумал о том, что ты парень из интеллигентной семьи. М-м-м... Тут мне еще рассказали, что ты, будучи в плену, трех гитлеровцев положил, а четвертого в плен взял и при этом своих товарищей спас. Было такое?

– Было, но не совсем так.

Он ждал продолжения, но я молчал, тогда он сам продолжил:

– Причем, как оказалось, это были не простые солдаты, а немецкие егеря. Встречаться мне с ними лицом к лицу не доводилось, а вот слышать о них слышал. Матерые звери. Особенно отличились в борьбе с партизанами в Чехословакии и Франции.

– Знал бы, что они такие страшные, уж точно не стал бы с ними связываться, товарищ командир, – пошутил я.

– Шутишь. Это хорошо, – он сказал это так, словно решил закончить разговор, но вместо этого последовал новый вопрос, но уже на немецком языке. – Warst du schon mal in Berlin?

Следующие пятнадцать минут мы говорили на немецком языке.

– Какие еще языки знаешь?

– Французский.

– Хорошо. Очень хорошо.

Эти слова он произнес уже задумчиво, глядя не на меня, а на огонь. Какое-то время просто сидел и смотрел на пламя, потом словно очнулся, посмотрел по сторонам и сказал:

– Тихо-то как, словно и войны нет. Ладно. Пойду я.

Я долго сидел после его ухода, пока не прогорели полностью дрова в печке. Все думал о нашем странном разговоре. В целом «товарищ из Москвы» мне понравился. Спокойный, сдержанный, вдумчивый, но при этом рискованный и отчаянной смелости человек.

«Не кабинетный чекист», – подвел я итог своим мыслям и отправился в свою землянку.

В следующее утро я дал себе поспать, так как прилично вымотался за последние несколько дней. Только поднялся с топчана, надел штаны и вбил ноги в сапоги, как в землянку влетел Семен Шкетов.

– Звягинцев, я тебя по всему лагерю разыскиваю, а ты тут на ухо давишь! Подъем!

– Сема, чего шумишь? Что случилось?

– Тебя командир срочно хочет видеть! Там у него «товарищ из Москвы» сидит.

– Пусть сидят, они свои командирские дела решают. Я-то им зачем понадобился?

– Так они мне и доложились! Короче, одна нога здесь, другая там, – он развернулся, чтобы уходить, но в дверях неожиданно обернулся. – Сегодня суп будет. С мясным приварком.

– Здорово! А то эта овощная болтушка у меня уже в печенках сидит!

С едой в отряде было неважно, да к тому же сэкономили во всем, так как впереди была долгая и холодная зима.

Стоило мне войти, как сразу наткнулся на испытующий взгляд московского чекиста. За столом, кроме командира, сидели товарищ Град и начальник разведки.

– Старшина Звягинцев по вашему приказанию...

– Садись, старшина.

Я сел на лавку.

– Хвалят тебя.

Я изобразил смущение, пожал плечами. Командир неожиданно поднялся:

– За самоотверженные действия и помощь в выполнении задания, а также уничтожении предателя, внедрившегося в ряды городского подполья, вам, старшина Звягинцев, от лица командования отряда выносятся благодарности!

Несколько ошарашенный подобной трактовкой моих действий, я подскочил с места и вытянувшись, воскликнул:

– Служу трудовому народу!

– Молодец! Так и дальше служи! – удовлетворенный моим энтузиазмом подвел итог командир. – Товарищ Сазонов, вы что-то хотели сказать?

Теперь я знал, что у «товарища из Москвы» есть фамилия. Правда, липовая.

– Хотел. И скажу, – при этом он посмотрел на меня и чуть краешками губ улыбнулся. – Хорошие у вас бойцы, товарищи командиры! Правильно вы их воспитываете, но при этом не надо забывать отмечать их боевые успехи, поэтому мне хотелось бы попросить вас представить товарища Звягинцева к награде.

Товарищу Зиме его слова явно не понравились, и я его понимал, так как слова москвича прозвучали скорее как приказ, чем как просьба.

– Идите, Звягинцев, – отпустил меня командир отряда.

Я вышел.

«Вот только почему предатель? Что-то не понимаю я логики товарища Сазонова».

На следующий день меня в составе группы отправили на новое задание: перехватить немецкий автомобиль с мукой и консервами. Машина, которую мы остановили, подходила под все те приметы, которые нам дали, вот только оказалось, что вместо продовольствия она

везла связистов, к тому же фрицы оказались воинственными, принялись отстреливаться да еще гранату бросили. Два человека, в том числе и я, получили осколочные ранения.

Так я снова попал в лазарет. Само извлечение осколков было довольно болезненной процедурой, и, когда все закончилось, я неподвижно лежал, с радостью чувствуя, как уходит из тела острая боль, одновременно болтая с Аней. Моя разговорчивость шла от действия легкого наркоза (сто граммов выпитого спирта). Вдруг неожиданно прибежала Наташа, то ли чем-то озабоченная, то ли грустная, коротко поинтересовалась моим здоровьем, но дальнейшую беседу не поддержала и почти сразу ушла. Я с удивлением посмотрел ей вслед, затем перевел взгляд на Аню, но та сделала вид, что ничего не поняла. Разговор сам собой скомкался.

– Ладно, Костя. Отдыхай. Я к тебе через пару часов забегу.

Спустя какое-то время после ее ухода ко мне неожиданно пришел Стукашенко. С некоторым удивлением я посмотрел на начальника разведки.

– Как здоровье, Костя?

– Нормально. Вы чего пришли?

– Что, просто так уже зайти не могу? – вопросом на вопрос ответил он мне, при этом хитро улыбаясь.

– Можете, но не заходите, а сейчас пришли.

– Ладно. Зато я первым расскажу тебе то, что все и так скоро узнают. К нам этой ночью прилетает самолет из Москвы, – если он и ожидал какой-то моей реакции на свое сообщение, о так и не дождался, так как даже Митяю было ясно, для чего он прилетает. – Вижу, тебя не удивило мое сообщение. Ну, это мы сейчас поправим. Тебя тоже отправляют в Москву.

Он меня действительно удивил, да так, что я приподнялся на топчане и сразу скривился от боли.

– Я?! В Москву?! Зачем?!

– Ишь ты! Удивился! – развеселился Стукашенко. – Глаза вон какие большие! А я думал, тебя уже ничем не проймешь!

– Вы так и не сказали, почему меня отсылают в Москву.

– Да я и сам не знаю, парень, – озадаченно заявил мне начальник разведки.

– Как так?

– Вот так, – теперь уже сердито заявил товарищ Стук. – Нас просто не поставили в известность. Единственное, что могу предположить, так это за тебя просили «товарищи из Москвы». Скажи честно, ты с ними по этому поводу не говорил?

– Нет. Не говорил.

– Верю, так как хорошо тебя знаю, Костя. Вот тебе еще одна новость. С тобой в Москву улетает наша радистка.

– Наташа? Почему?

– Ты же парень догадливый, Звягинцев! Не разочаровывай меня!

«Так вот почему ко мне приходила Наташа, но ничего не рассказала. Она беременна!»

– Понял.

– Вижу, что понял. А к нам летит ее замена, новый радист. Я еще тебе, Костя, вот что хочу сказать. Чем-то ты сильно заинтересовал товарища Сазонова. Он про тебя у многих людей спрашивал, – при этом он внимательно посмотрел на меня, мол, как яотреагирую на его слова.

Я только хмыкнул в ответ. Да и что тут сказать?

– Ну, ладно, парень. Пойду я.

Стукашенко поднялся и пошел к выходу. Я, осторожно, стараясь не тревожить раны, лег и уставился взглядом в потолок.

«Интересно, зачем я ему понадобился? Своих крутых ребят не хватает?»

Даже не зная, что происходит за кулисами советских спецслужб, я в своих размышлениях неожиданно оказался очень близок к истине. Настоящих профессионалов, опытных раз-

ведчиков страна Советов за предвоенные годы рассовала по лагерям, а кое-кого поставила к стенке, но теперь, когда позарез стали нужны квалифицированные кадры, ей пришлось их срочно вытаскивать. Меня выдернуть было проще, так как я сидел не за колючей проволокой, на Севере, а все лишь в партизанском лагере, да и клейма «враг народа» на мне пока не было.

Глава 8

После деревянного топчана партизанского лазарета оказаться на настоящей больничной койке было не просто здорово, а замечательно! После холода и сырой промозглости землянок, землисто-серого белья, которое мы, не снимая, таскали месяцами, однообразного варева партизанского котла, после сырого леса и раскисших полей, где часами приходилось лежать, зарывшись в грязь, – после всего этого белые простыни и обязательный распорядок вместе с трехразовым питанием показались мне преддверием рая. Раны у меня были несерьезные, что нельзя было сказать про мысли, бродившие у меня в голове.

«Что меня хотят захомутать в какую-то спецслужбу, ясно. Хм. Почему хотят? Они тебя уже захомутали, забрав в Москву. Теперь, небось, сидят и думают, какой кнут надо использовать, чтобы лошадка качественно работала. Ладно. Чего гадать. Поживем, как говорится, увидим», – решил я и стал ждать хода с их стороны.

Врач, которая меня приняла, сказала, что у меня все хорошо заживает и через неделю меня можно будет выписывать, поэтому мне пока больше ничего не оставалось, как регулярно питаться, ходить на процедуры, болтать с ранеными и читать газеты. Через три дня меня пришла навестить Наташа Васильева. Сначала она сильно смущалась, ведь я знал ее тайну, но потом постепенно разговорилась. Вспоминали свою жизнь в партизанах, товарищей, ну и конечно, Лешу Крымова. Тут девушка не могла удержаться от слез. Больные и медработники, сновавшие по коридору, сразу стали бросать на меня неодобрительные взгляды. Что за парень такой, который заставляет красавицу плакать? После ее ухода соседи по палате забросали меня вопросами. Кто да что. Мужики, одним словом. Слюной исходят. Еще бы! Такая красивая девушка. Объяснил, что она не моя девушка, а невеста моего хорошего друга, который погиб на войне. Подробностей объяснять не стал, да и... Ведь другом моим он не был, просто хорошим приятелем. Честно говоря, мне даже этого не надо было рассказывать, потому что слухи пошли по госпиталю, и как мне потом сказали соседи по палате, когда она пришла во второй раз, ее у входа уже поджидал находящийся на излечении офицер-летчик. Какое-то время они разговаривали, потом он проводил ее до ворот госпиталя. На следующий день летчик сам меня нашел. Молодой, крепкий, статный парень. Про таких людей говорят: кровь с молоком. Немного смущаясь, попросил рассказать ему о девушке. А что рассказывать? Мне и самому о ней известно было немного. Училась в институте, потом ушла на войну. Радистка в партизанском отряде. Это я ему и рассказал. В самом кратком варианте.

Выписывали меня в пятницу. Забрав свои вещи, отправился в канцелярию госпиталя, чтобы получить документ о выписке, но мыслями я уже был в гостях у Костика. Мне очень хотелось как следует оторваться. Душа просто требовала загула. Суток на трое. Подошел. У двери стояло несколько бойцов, в шинелях и с мешками за плечами.

– За кем буду?

– За мной, – только так успел сказать молоденький солдат, как дверь канцелярии открылась и оттуда выглянула тоненькая женщина – врач с большими усталыми глазами.

– Есть тут Звягинцев Константин?

– Я Звягинцев, – тут же откликнулся я.

Бойцы, ждавшие своей очереди, на меня только покосились, но никто своего недовольства вслух высказывать не стал.

– Проходите.

Войдя вслед за ней в помещение, я увидел стоящего возле стола франтовато одетого молодого человека. На нем было новое пальто темно-синего цвета, кепка-букле и зимние ботинки на толстой подошве. Шею скрывал бело-синий шарф. Лицо у него было симпатичное,

вот только глаза уж больно хитрющие, даже с каким-то налетом наглости. Он быстро и внимательно ощупал мою костлявую фигуру сверху донизу, после чего спросил:

– Ты Звягинцев?

– Я Звягинцев, – ответил я.

– Пойдешь со мной.

– А кто вы такой будете, неизвестный мне гражданин? – с издевательской ноткой в голосе поинтересовался я.

Говорить он ничего не стал, а просто достал удостоверение сотрудника государственной безопасности.

– Вопросы еще есть?

– Нет вопросов, – буркнул я и мысленно выругался: «Блин! Чекисты! Такой кайф обломали! Мать вашу!».

Ехали мы долго. На дребезжащем трамвае заехали на окраину города, а сойдя, еще минут десять блуждали в лабиринте частных домов, длинных бараков и складов, пока не уперлись в зеленые металлические ворота с нарисованными на них красными звездами. Даже после того как мой проводник предъявил свое удостоверение, меня отказались пускать на территорию части, и только после двух сделанных звонков по телефону удалось пройти через контрольно-пропускной пункт.

– Вот так мы и живем, – при этом мой проводник вдруг неожиданно по-приятельски подмигнул мне и улыбнулся. – Пошли, партизан, в столовую. Есть хочется, сил моих нет.

Не знаю, как кормили солдат этой части, но щи и гуляш, что поставили передо мной, были отменные. Поел, что называется, от души. Впрочем, мой провожатый тоже не жаловался на аппетит.

Выйдя из столовой, мы отправились к временному месту жительства или, как выразился мой проводник, домой. Этим домом оказался барак, стоящий позади столовой. Расположение казармы было выбрано с умом. Здание столовой скрывало наше расположение от основных узловых точек скопления людей – плаца, штаба полка, солдатских казарм. В светлом помещении (четыре окна) вдоль стен стояли двухъярусные кровати, тумбочки и три печки-буржуйки. В противоположном конце казармы, возле одной из них, сейчас шумно возился солдат, подкладывая в печь дрова. Кроме него в помещении никого не было.

– Вот эти и еще эти койки свободны, – показал мне на них мой проводник. – Выбирай.

Я кинул вещевой мешок на ближайшую кровать.

– Сегодня и до завтрашнего утра ты свободен. Спи, приводи себя в порядок. Подъем в шесть утра. Все вопросы к дневальному. Коробкин!

– Я! – солдат вскочил и вытянулся.

– Объяснишь этому товарищу, где у нас что. Понял?

– Так точно, товарищ командир!

– Теперь давай знакомиться! Фамилия моя Смоленский. Звать Лешей. Пока ты не зачислен официально в группу, все остальное тебе знать не положено.

– Звягинцев. Костя. А что мне знать положено?

– Вопрос к командиру.

– Мне что теперь здесь полдня сидеть?

– Поспи. Потом ребята придут, познакомишься. На ужин сходишь. Чем плохо?

– Скучная программа. Спортзал здесь хоть есть?

– Есть! Гм. А это мысль! Там прямо сейчас наш Васильич из молодых и зеленых пыль выбивает!

– Пыль, говоришь? А посмотреть можно?

Смоленский сначала замялся, а потом махнул рукой и рассмеялся:

– Все равно дальше фрицевского тыла не пошлют! Пошли, Костя!

Спортивный зал был небольшой. Шведская стенка, турник, козел, маты. Но было и исключение. В дальнем углу зала, у самой стены, стояли два массивных щита, на которых были нанесены контуры двух человеческих тел, испещренные ножевыми отверстиями.

В середине зала сейчас шла рукопашная схватка, где один матерый дядя выбивал пыль из двух молодых и зеленых парней, как образно выразился Леша Смоленский. Третий, молодой парень, сейчас сидел на сложенных матах, смотрел на схватку и ждал своей очереди. Их шинели, фуражки, гимнастерки и сапоги небольшими аккуратными кучками лежали на соседнем мате. Пробежал глазами по знакам различия. Лейтенант и три младших лейтенанта. Сразу заострил внимание на лейтенанте. Хорошо развитая мускулатура и толщина запястий – все это говорило о недюжинной силе этого человека, но при этом он двигался по матам легким, скользящим шагом. Стойка, стремительно-плавные движения, отточенные до миллиметра захваты и блоки – все это говорило о мастерстве этого человека. Его противники, молодые и горячие парни, явно злились за свои неудачи. Это было видно по их резким, ломаным и неуверенным движениям.

Парень, который сидел, сначала внимательно оглядел меня, потом снова стал смотреть на схватку. При этом он насмешливо улыбался, глядя, как раз за разом шлепаются на маты тела его коллег. Долго мне смотреть на избиение детей не дали, так как спустя пару минут лейтенант остановил схватку. Потом за несколько секунд внимательно оглядел меня и спросил:

– Звягинцев?!

– Так точно, товарищ лейтенант!

– Раз пришел, так подходи поближе! А ты, больной, топай отсюда! – неожиданно резко он прогнал моего проводника. – Чтобы в следующий раз я увидел тебя только со справкой от врача!

Тот без малейших возражений быстро скрылся за дверью. Подойдя, я остановился у края матов.

– Прямо из госпиталя, боец?

– Так точно!..

– Не тянись. Пока я для тебя Владимир Васильевич, а там видно будет. Говорил мне о тебе командир. Ты как насчет рукопашного боя?

– Если только в половине силы, Владимир Васильевич.

– Скидывай свою одежду, Костя, – как-то по-домашнему обратился ко мне лейтенант. – Посмотрим, что ты умеешь.

Я снова бросил быстрый взгляд, еще раз оценивая противника. Он был чуть выше меня, но при этом почти вдвое шире в плечах, с мощными, литыми кулаками и тяжелее килограммов на тридцать.

«Сейчас он размахнет меня по матам, как масло по хлебу», – от этой съедобной аллегории у меня почему-то сразу забурчало в животе.

Спустя пару минут я был вынужден признать, что лейтенант настоящий мастер и мне против него не выстоять. В свое время я немало времени отдал рукопашному бою, да и практики хватало, не раз использовал приобретенные навыки в борьбе за собственную жизнь, но если у меня была возможность выбирать, предпочитал кулакам нож.

Стремительные атаки мастера следовали одна за другой, заставляя уходить меня в глухую защиту. Скоро мои ноги стали ватными, а удары и блоки потеряли жесткость. Когда я второй раз оказался распластанным на матах, лейтенант остановился и поднял руки:

– Все! Пока хватит!

Поднимаясь, я только кивнул головой, тяжело переводя дыхание.

– У кого и где тренировался?

– М-м-м... Сначала по книжке про джиу-джитсу, еще дома, с мальчишками... Потом в Москве занимался самбо и боксом в обществе «Крылья Советов», а последние три месяца

перед отправкой в тыл тренировался рукопашному бою у Спиридонова Виктора Афанасьевича. – В своем ответе я перемешал правду с ложью, в надежде, что он ее проглотят, не разжевывая. Впрочем, на это сильно рассчитывать мне не приходилось – как-никак, а он из профессионалов.

– Ты, парень, кому-нибудь другому дури голову. У тебя хорошо наработанные комплексы и связи, которые ставят годами, а ты мне говоришь, что с мальчишками...

Неожиданно от двери раздался голос «товарища из Москвы»:

– Судя по всему, Владимир Васильевич, ты уже попробовал его взять, как любишь говорить, на излом. И как?

Он быстро подошел к нам, остановился. «Чекист» имел звание капитана государственной безопасности.

– Неплох парень. Совсем неплох! Только физически подтянуть надо! С удовольствием поработаю с ним в спарринге, вот только он утверждает...

– Краем уха мне удалось услышать твои слова, так что не повторяйся. Об этом мы с тобой потом поговорим. Значит, экзамен он тебе по рукопашному бою сдал?

– Так точно!

– Как остальные? – капитан кивнул на стоящих навтыжку младших лейтенантов. В полураздетом виде они выглядели довольно забавно.

– Их учить и учить надо! – с недовольным лицом резко махнул в их сторону рукой мастер. – Особенно Дубинина и Зябликова! Вон, Звягинцев только пришел, а поставь его против них, уложит обоих за милую душу!

Капитан остановил свой взгляд на двух молодых парнях, красных от смущения.

– Товарищи командиры, слабая подготовка может зачеркнуть ваше участие в очередном задании. Подумайте над этим!

– Товарищ капитан, мы!..

– С этим к лейтенанту Мирошниченко! – резко оборвал его капитан. – Это ему решать! Затем он повернулся ко мне.

– Мы так толком и не познакомились. Камышев Владимир Артемьевич. Можешь не представляться. Все, что мне надо, я о тебе знаю, – при этом он усмехнулся, затем повернулся к лейтенанту. – Владимир Васильевич! Надо проверить новичка в ножевом бою!

– Может, пусть отдышится, товарищ капитан?

– Товарищ капитан, разрешите обратиться к товарищу лейтенанту! – обратился я к капитану.

– Обращайтесь!

– Товарищ лейтенант, может, тогда используем те щиты, – и я указал на массивные деревянные щиты.

Мирошниченко бросил взгляд на капитана, и тот утверждающе кивнул головой. На полу, рядом со щитами лежал сверток, который я сразу не заметил. Когда лейтенант указал на него, я подошел, развернул и отобрал из кучи три метательных ножа. Потом несколько раз, не целясь, только меняя дистанцию, бросил их в щит, после чего повернулся к командирам, спросил:

– Начнем?

Лейтенант коротко бросил:

– Шея. Сердце. Запястье левой руки.

Три быстрых коротких замаха, и ножи поразили указанные места.

– Отлично, – коротко прокомментировал мой успех Мирошниченко, а капитан одобрительно кивнул головой.

– Можно мне глаза завязать?

Те недоуменно переглянулись, после чего лейтенант достал из того же свертка несколько длинных тряпок. За десятки лет тренировок в прошлой жизни у меня выработалось особое

чутье к пространству, с закрытыми или завязанными глазами я «видел» не только щит, но и центр мишени. Я встал на выбранную мною дистанцию и попросил завязать глаза, после чего метнул оба ножа, один за другим. Снял повязку. Посмотрел. Ножи почти впритирку торчали рядом с центром мишени.

– Тебе с этим номером в цирке надо выступать, парень, – лейтенант был откровенно удивлен.

– Не ожидал, – с таким же удивлением покачал головой командир. – Слышать-то слышал, но увидеть своими глазами... Молодец, Звягинцев! Теперь осталось посмотреть, как у тебя ножевой бой поставлен.

Провели две схватки. Окончательный счет – 1:1. Мирошниченко повернулся к Камышеву с довольным выражением лица:

– Не знаю, где он всего этого набрался, но скажу так: мастер он в этом деле!

– Вот и хорошо. Значит, берем его на довольствие, – довольным голосом сказал командир.

Вопрос о том, где я научился так владеть ножом, ни один, ни другой так и не задали. Даже потом... Скрывать мои способности было бессмысленно, так как от них теперь зависела моя жизнь, будь то рукопашная схватка или ножевой бой. К тому же эти два человека были профессионалами, и обмануть их, как удавалось в партизанском отряде, было практически невозможно. Позже я узнал, почему оказался в этом спецподразделении НКВД.

Из истории мне было известно, что перед войной многие опытные сотрудники НКВД-ГБ были репрессированы, и это не могло не сказаться на качестве подготовки диверсантов, забрасываемых в тыл врага. К началу войны уцелело лишь небольшое количество опытных довоенных сотрудников, да и то потому, что большинство их в это время воевало в Испании. Вот что мне было неизвестно, так это то, что недостаток качества подготовки диверсантов, продолжительность которой в условиях военного времени была сильно сокращена (от полугода до одной-двух недель), пытались компенсировать увеличением количества обучаемых диверсантов, обесценивая этим ценность человеческой жизни. Мне также не было известно, что Камышев за девять месяцев, когда встал во главе группы, потерял во время выполнения заданий в фашистском тылу четырнадцать человек убитыми и ранеными. Все они были молодыми парнями, горячими и неопытными, имевшими только зачатки знаний и подготовки для такой работы. Их надо было готовить к практической работе медленно и постепенно, но перед группой командование ставило задачи прямо сейчас, и выполнять их надо было без промедления. Именно поэтому командир ухватился за почти готового профессионала, закрыв глаза на мои, непонятно откуда взявшиеся, таланты. Камышев был не просто мастером своего дела, он любил свою работу. Прямота, честность и принципиальность великолепно сочетались с аналитическим мышлением, хладнокровием и жестокостью в его характере. Начальство его ценило как специалиста высокого класса, но при этом старалось держать подальше от себя, из-за прямооты его взглядов и резких слов, которые далеко не всем нравились. Только благодаря этому он пережил большую чистку рядов в 1937–1939 годах, так как все это время занимался организацией и подготовкой диверсионных отрядов в Испании. Поэтому, когда Камышев попросил перевести меня в его группу, его просьба в отношении неизвестного партизана была сразу удовлетворена.

Если Камышев был кадровым военным, то Мирошниченко был призван в армию, воевал с финнами, а затем остался на сверхсрочную службу. Потом окончил шестимесячные курсы подготовки младшего командного состава. Как я потом узнал, он был из древнего рода казаков-пластунов. В отличие от командира, женатого на своей службе, он был человек семейный, имевший двух дочек-подростков и сына-первоклассника.

Капитан, удовлетворенный моими успехами, ушел, после чего Мирошниченко отправил меня отдыхать, а сам продолжил тренировку. Я вернулся в казарму. Какое-то время мы болтали

с дневальным Коробкиным Михаилом, который был постоянно закреплен за нашей казармой. Белье, баня, почта, печи, дрова и многое другое – все это лежало на солдате.

Ближе к вечеру, по одному, по два человека, стал подтягиваться народ. Про меня, похоже, все уже знали. Подходили, знакомились. Все они были молоды и имели одно и то же звание – младший лейтенант государственной безопасности. Позже я узнал, что все они закончили спецшколу НКВД, куда были направлены по комсомольским путевкам. Последними пришли усталые и угрюмые новички Иван Дубинин и Федя Зябликов. Как мне уже рассказали, они пришли в группу только две недели тому назад. Пришедший вместе с ними с тренировки Павел Швецов не успел войти в помещение, как его лицо сразу расплылось в хитрой улыбке. Народ, только увидев его, сразу стал приветствовать радостными криками. Сразу стало ясно, что Швецов из тех парней, которых называют душой компании.

– Парни, вы такое когда-нибудь видели! Я, точно, нет! – с ходу заявил он, встав посередине казармы. – Васильич сам сказал! Лично! Сказал, что Звягинцев отличный боец! Своими ушами слышал!

– Паша, ты Паша! Язык без костей! Уж я-то Владимира Васильевича как облупленного знаю! Он...

– Ты мне не веришь, Сашка?! Так Дубинина или Федьку Зябликова спроси! При них это было сказано!

Все посмотрели на сидящих на своих кроватях парней, которые говорить ничего не стали, зато красноречиво закивали головами в знак согласия.

– Вот вам! А то сразу: Пашка трепло! Вы бы посмотрели на ножевой бой Васильича со Звягинцевым! А как Костя ножи бросает! Да еще с закрытыми глазами!

Все, и даже новички, которые при этом присутствовали, окружили меня и засыпали вопросами. Я отвечал коротко и уклончиво, а так как от меня отставать не захотели, решил отвлечь внимание:

– Погодите, парни! Хочу вам кое-что показать!

Достал вещевой мешок, развязал и вытащил оттуда куртку и нож немецкого егеря.

– Здорово! Ребята, глянь! Она двойная! И так, и так можно носить! Нам бы такие! А клинок! Ты посмотри, какая сталь! Где взял?! Откуда, Костя?!

– Взял на время у немецкого егеря.

– Ребята, у нас, кроме Пашки, еще один шутник появился! Брось, Костя! Ты серьезно расскажи, как дело было!

– Шел, значит, я по лесу, а мне навстречу крадется фриц. Я к нему...

– Встать! Смирно! – раздалась команда от двери.

От меня сразу отпрянули, разворачиваясь к неожиданно появившемуся командиру. За его спиной виднелась массивная фигура Мирошниченко. Младший лейтенант Сашко, вскинул руку к козырьку:

– Товарищ капитан...

– Вольно!

– Вольно!

– Чего вы все на Звягинцева набросились? – поинтересовался капитан.

– Уж больно интересно он рассказывает, как у фрица вот эту куртку одолжил, товарищ капитан, – ответил ему Швецов.

– Ну и как?

– Не успели дослушать, товарищ капитан.

– Потом дослушаете! – Тем временем начальство сняло шинели, и я увидел на груди капитана орден и две медали, а на груди его заместителя – орден. – Командуйте, товарищ лейтенант!

Мирошниченко вышел вперед.

– Товарищи командиры, становись! Равняйся! Смирно! Товарищ капитан, личный состав группы построен! Младший лейтенант Смоленский болен и согласно вашему приказу находится дома, на излечении! Заместитель командира группы лейтенант Мирошниченко!

– Товарищи командиры! – выступил вперед капитан. – Сегодня старшина Звягинцев был официально зачислен в наш отряд! Но это еще не все! Ему присвоено воинское звание сержант государственной безопасности! Приказ подписан! Держи! – И он подал мне петлички с двумя квадратиками. – И это еще не все! Владимир Васильевич, давай!

Стоявший за его спиной лейтенант встал рядом. В руке он держал синюю коробочку. Открыв ее, достал медаль «За отвагу».

– Сержант государственной безопасности Звягинцев, выйти из строя!

Я вышел.

– Товарищ сержант государственной безопасности, вы награждаетесь медалью «За отвагу» за героизм, проявленный в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками! – торжественно объявил он.

– Служу трудовому народу!

После вручения мне сначала торжественно пожало руки мое непосредственное начальство, после чего последовала команда:

– Вольно! Разойтись!

Затем меня обступили ребята, посыпались шутки и радостные возгласы. В ответ я тоже пошутил:

– Когда меня отправляли в тыл к фрицам, то дали звание старшины, а теперь понизили до сержанта.

В ответ раздался взрыв смеха.

– Все! Отдыхайте, товарищи! – раздался нестрогий голос командира. – Сашко!

Когда командир вытянулся перед ним, строго сказал:

– Чтобы отбой был минута в минуту! Не как в прошлый раз! Вы меня поняли, товарищ младший лейтенант?

– Так точно, товарищ капитан!

Камышев и Мирошниченко стали надевать шинели, но в какой-то момент командир вдруг повернулся в мою сторону и спросил:

– Кстати, Звягинцев, а почему вы не носите свою вторую медаль «За отвагу»?

Смех разом оборвался. Снова взгляды скрестились на мне. Повисло неловкое молчание. Неожиданно для ребят только что пришедший новичок обошел их не только в рукопашке и ножевом бою, но и по наградам, так как, кроме меня, только у трех членов нашей группы было по медали.

Все они были хорошими, открытыми ребятами, которые последнюю рубашку с себя снимут и отдадут, если потребуется, но в них не было той яркой индивидуальности, которой обладал Сашка Воровский или Костик. В них, одна на всех, жила твердая убежденность в совершенстве и справедливости устройства первого в мире социалистического государства. Все определено мудрым руководством, а значит, так и должно быть: одни – враги народа, другие – пламенные революционеры. Они были горды уже одним тем, что несут службу в НКВД, который является карающим мечом уже не партии, а именно товарища Сталина. Он был для них всем: отцом, матерью, вождем, руководителем. Он за них думает и решает, как им жить. И это считалось нормальным. При этом никто из них не думал о карьере, о личных выгодах, они были преданы общему делу, интересы партии были для них единственными.

Они не понимали и удивлялись, почему я с пеной у рта не спорю о сроках наступления мировой революции или о выполнении планов очередной пятилетки и почему сорвался, захохотал, когда услышал от Лени Мартынова, единственного среди нас колхозника, рассказ об

истреблении сусликов – врагов советской власти. Он как-то рассказывал о своей пионерской юности и вспомнил такой эпизод:

– К нам в школу приехал комсомольский работник и рассказал, что суслики – это самые что ни есть вредители, поэтому мы не должны остаться в стороне, а быть как все – на передовой линии борьбы за урожай! Мы даже транспарант сделали, с такою надписью: «Советские пионеры и комсомольцы! Все как один на борьбу с коварными врагами молодых колхозов и советской власти – сусликами!». С ним и выступили в поход. Вы не поверите, сколько в нас было энтузиазма, когда мы шли отрядами в поле с ведрами, наполненными водой. Мы помогаем нашему народу, нашей советской власти наравне со взрослыми! Увидев нору, мы присаживались у нее, затем один из нас колечком складывал пальцы руки у кромки норы, другой лил туда воду. Вскоре мокрый, жалкий грызун вылезал на поверхность. Я его хватил за горлышко – и душить! Суслик, подпрыгав ножонками, затихал. Один готов! Сколько радости у нас было, когда наше звено победило, вы просто не представляете!

Я представил судорожно сучащего лапками коварного врага советской власти и, не удержавшись, засмеялся, чем вызвал недоуменные взгляды остальных слушателей, для которых это звучало не как шутка, а как обыденная реальность страны Советов. В отличие от моих хороших приятелей – студентов, имевших более живое, не замусоренное социалистическими догмами сознание, эти парни являлись винтиками государственной машины, имея стандартное мышление, даже сами этого не сознавая. Я прекрасно понимал, что это не их вина. Когда в школе им давали на завтрак бублик и конфету, то говорили, что Сталин недоедает, а все отдает детям. Сталин был везде. Он создал и командовал самой лучшей армией в мире. Он построил могучую индустрию. Благодаря вождю, комбайнеры собирали с полей небывалые урожаи, а шахтеры выдавали рекорды по добыче угля. В кинотеатрах шли хроники с его участием, газеты печатали его речи, народ рукоплескал и трепетно внимал ему на выступлениях. Сталин был непогрешим. Народ верил ему безоговорочно, наверное, поэтому стали возможны «враги народа», массовые репрессии, расстрелы и лагеря.

Слушая и общаясь с парнями, я старался не выделяться из коллектива, принимая участие в обсуждении последних сводок Информбюро, с интересом слушал рассказы об их жизни, проявлял немалую активность в рассуждениях и спорах о девушках, о любви и прочих человеческих страстях. Впрочем, моя пассивность в обсуждениях политических и экономических тем сглаживалась успехами на спецзанятиях и в спортзале. Кроме того, две медали на груди человека говорили сами за себя. Настоящий боец Красной Армии!

О своей будущей работе я получил короткую, но предельно емкую информацию от Мирошниченко:

– Спецкурсы у нас проводятся по расписанию. Тренировки – каждый день. Скучать не придется. Стрельба из любых видов оружия. Немецкий язык. Методики допроса, работа с картой, вождение, как нашего, так и немецкого транспорта. Есть и отдельные лекции. Например, по знакам отличия, наградам и особенностям ношения гитлеровской формы. В общем, сам все узнаешь. Помимо тренировок по рукопашному бою, как парторг, я провожу занятия по политучебе и политинформации. Присутствие обязательно! Заниматься по всем предметам ты, Звягинцев, должен с полной отдачей! Сам должен понимать. От этого зависит наша жизнь. Что еще? М-м-м... Ага! Кроме обычных тренировок буду с тобой заниматься индивидуально. Сразу говорю: пощады не жди! Ты меня понял?

– Так точно, товарищ лейтенант!

– Теперь дам общий расклад по нашей работе. Вначале наша группа была создана для проверки состояния работы агентов, оставленных в тылу и разведывательных групп в районах Западной Беларуси, но где-то с полгода тому назад все изменилось. Время тогда было сложное, да ты и сам должен понимать. Бои под Москвой. Оставлен Севастополь. Не смогли прорвать блокаду Ленинграда... И тогда нас перебросили на диверсии в тылу у гитлеровцев, а потом

задания у нас пошли самые разные. Время у нас редко ограничено, но бывает всякое. Теперь о порядке нашей работы. По возвращении с задания мы получаем неделю отдыха, а затем начинаем готовиться к следующему заданию. И последнее. Ошибок в нашем деле быть не должно. Нам за них приходится кровью расплачиваться и, что хуже всего, жизнью своих товарищей. Этого тебе никто не простит. Запомни это раз и навсегда, Звягинцев!

Учиться тайным премудростям, необходимым для разведчика и диверсанта, мне нравилось. Поскольку я был человеком войны, многое мне было знакомо, правда, по большей части из практики, а то, о чем приходилось слышать впервые, схватывал на лету. Со своей стороны, за меня взялся Мирошниченко, который принялся меня тренировать по своей индивидуальной, предельно жесткой программе. Как сломать человеку позвоночник или шею одним движением, пробить пальцами кадык, ударить ножом так, чтобы он не смог даже вскрикнуть, мне и ранее было известно, но при этом смог немало почерпнуть из рукопашного боя казаков-пластунов. Несмотря на массивность тела, Мирошниченко поражал меня легкостью и плавностью движений, своими молниеносными и смертельными ударами. Мое появление в группе стало для него своеобразной отдушиной, возможностью реализовать себя, работая в полную силу.

Вот только долго мне учиться не дали. Уже спустя полторы недели Камышев собрал нас всех и рассказал о сути нового полученного задания. Перед нами было поставлено три задачи. Наладить связь с местным подпольем, если такое существует, выяснить тайну исчезновения трех групп разведчиков, сброшенных в этом районе за последние четыре месяца, и установить местонахождение школы по подготовке абверовских агентов. Специфика этих задач прибавила нам новые занятия. Мы изучали карту района, план города, расположение улиц и домов, маршруты отхода, запоминали явки, пароли и фото людей, оставленных на подпольной работе.

Только нас сбросили, как пошел снег. Спускаясь на парашюте, я успел разглядеть большое черное пятно на белой земле. Судя по размерам – это когда-то была деревня Соломатово, теперь сожженная дотла. Проследил взглядом за грузовым парашютом. Он упал удачно, на самой кромке леса. Да и группа быстро собралась. На этом наша удача закончилась, так как второй контейнер нам пришлось искать полтора часа, и нашли его, можно сказать, чисто случайно. Когда определились с местом временной стоянки, командир с заместителем ушли на разведку. Мы тем временем принялись обустривать временный лагерь. Тишина в лесу стояла идеальная, только время от времени раздавался мягкий хлопок. Это падал с ветвей елей тяжелый, липкий снег.

Насколько нам было известно, в этом районе Западной Беларуси было полно лесов и болот, но сравнительно мало населенных пунктов, а в довершение ко всему не было ни одного действующего партизанского отряда, о котором бы знали в штабе партизанского движения.

Командиры как-то неожиданно быстро вернулись, причем явно встревоженные. Одновременно с их появлением на грани слуха я уловил размытый, непонятный, сливающийся из-за большого расстояния шум.

– Немцы устроили охоту, – начал говорить командир, но стоило ему увидеть тревогу в наших глазах, усмехнулся и разъяснил: – На зверя, кабана или оленя, охотятся. Издали их видели. Две грузовые машины с солдатами и две легковушки. Четыре-пять человек – офицеров. Егеря с ними, похоже, из местных жителей. И собаки. Тут еще вот что. Они же не просто так приехали, а на зверя, которого егеря должны были обнаружить. Что это означает, товарищи разведчики?

– Нашу высадку могли видеть. Могли слышать самолет, – слышались голоса.

– Увидеть... вряд ли. Темно и шел снег. А вот услышать самолет – слышали и сразу могли подумать насчет десанта! Так как охота была запланирована заранее, то немцы-охотники ничего не знали, а сейчас им сообщат. Тут два варианта. Немцы, испугавшись, уедут обратно, а к полудню здесь будет рота, которая начнет прочесывать этот участок леса. В этом случае

нам надо сворачиваться и уходить как можно дальше. Теперь второе: немцы просто плюнут на это сообщение. Десанта никто не видел, а что самолет пролетел, да мало ли их сейчас в небе летает. Мы тут с замом по дороге пораскинули мозгами и решили, что прямо сейчас ничего предпринимать по переносу лагеря не будем, а отправим разведчиков узнать, что там у фрицев делается. Володя, – он повернулся к заму, сидящему на кучке лапника, – пойдешь вместе со Звягинцевым. Будьте предельно осторожны, так как с ними местные охотники, которые знают эту местность как свои пять пальцев.

Спустя полчаса мы вышли на то место, откуда командиры наблюдали за появлением охотников. Я разглядел два грузовика и два легковых автомобиля, кроме них недалеко стояло трое саней-розвальней. Рядом с машинами были разбиты две палатки, из которых торчали трубы, а из них валил дым. Рядом ходили, поеживались от мороза, с поднятыми воротниками шинелей, два часовых с автоматами.

– Остались. Хм. Быстро обустроились, гады, – негромко сказал Мирошниченко, глядя в бинокль. – Все остальные фрицы, наверное, набились в палатку и сейчас греются у печки.

Здесь, на опушке, было заметно холоднее, чем в глубине леса, к тому же чувствовался легкий ветерок, который заставлял нас ежиться, совсем как немцев-часовых. Вдруг где-то заливиисто залаяли собаки, затем раздался выстрел, за ним другой, третий. Потом до нас донеслись крики. Часовые насторожились и прислушались. На звуки выстрелов из одной из палаток сразу вывалились шестеро фрицев, которые настороженно уставились в сторону леса. Один из часовых что-то сказал им, а затем для пущей убедительности махнул рукой: идите, ничего страшного. Негромко переговариваясь, те снова исчезли в палатке.

– Отойдем обратно в лес, а затем обойдем по дуге. Направление мы знаем, – предложил я план действий.

– Так и сделаем, – подтвердил лейтенант.

Пока мы осторожно пробирались по лесу, мое ухо делило звуки надвое. Первые – шум охоты: стрельба, крики и лай собак; вторые – лесные звуки: вроде шороха падающего с веток пласта снега, стука дятла или треска коры. Вдруг Мирошниченко поднял предостерегающе руку и замер. Я настороженно прислушался. Ничего. Только повернул голову, чтобы спросить, в чем дело, как до меня донесся запах табачного дыма. Кто-то недалеко от нас курил.

«Видно, солдат, стоящий в оцеплении...» – но мысль сразу сбилась, стоило мне услышать легкие шаги в нашем направлении. Мы сразу присели, наполовину прикрытые широкими лапами ели. Наши белые маскхалаты сливались со снегом, лежащим плотным слоем на земле и деревьях. До определенного момента мне была не видна фигура немецкого солдата, пока тот не появился в просвете между деревьями.

«Хм. А это, собственно, кто такой?»

Тулуп, валенки, треух. Если бы в довершение картины он держал дробовик, то я бы сразу подумал, что это охотник, приехавший с немцами, но у него на поясе болтался немецкий подсумок, а с плеча свисала немецкая винтовка.

«Партизан?! Здесь?!»

Можно было подумать и так, вот только он шел не крадучись, а довольно уверенно, и только изредка оглядывался по сторонам. Остановился, затем с минуту стоял, прислушивался, потом последний раз затянулся и, бросив догоревшую самокрутку в снег, зашагал в сторону охоты.

– Полицай? – шепотом спросил я.

– Похоже, – с явным сомнением в голосе ответил мне Мирошниченко. – Но все равно как-то странно. Полицай леса как огня боятся, а этот... гм... как дома себя чувствует.

Выждав несколько минут, мы осторожно двинулись за ним, останавливаясь и замирая при малейшем звуке. Остановились, только когда увидели в просвете деревьев серо-зеленые шинели немецких солдат, стоящих в оцеплении. Выстрелов не было, лай собак затих, они

теперь только изредка тявкали, зато были слышны громкие голоса подвыпивших немцев, которые хвастались друг перед другом своими охотничьими успехами. Как стало понятно из разговоров, продолжение банкета должно произойти в палатке у машин, где повар должен был приготовить им какое-то особое блюдо из подстреленного ими оленя.

Спустя полчаса офицеры-охотники, в окружении солдат, двинулись в обратный путь. Среди всей этой словесной шелухи мы уделили серьезное внимание только одному короткому разговору немецкого майора и полицая. Он привлек нас еще тем, что немец свободно говорил по-русски.

– Галушкин!

– Слушаюсь, господин майор!

– Передашь Гоноровскому, чтобы был у меня в десять утра.

– Так точно, господин майор! Передам всенепременно пану Стефану!

– Свободен!

Когда мы передали содержание разговора командиру, тот думал недолго.

– Судя по всему, это ягдкоманда. Каратели. Стефан Гоноровский. Запомню. Здесь, в Западной Беларуси, много поляков. Также можно предположить, что этот отряд и есть причина гибели наших разведгрупп. Как ты думаешь, Володя?

– Вполне возможно, командир. Среди них хватает националистов и врагов Советской власти. Этот пан точно из таких!

Не успели мы устроиться на ночь, как началась пурга. Снег даже не падал, он многочисленными вихрями крутился среди деревьев. Укрытые с ног до головы парашютами, мы спокойно и даже в тепле провели эту ночь. Правда, утром пришлось откапываться и вытаптывать площадку. С деревьев то и дело на голову падали пласты снега, и было только слышно, как трещат на морозе деревья.

Увязая в снегу по колено, подобрался к большаку. Нам нужен был язык. Им стал крестьянин, ехавший в санях. Назвался Михасем Бурко. Перепуганный до смерти, сбиваясь с русского на белорусский язык, мужик рассказал нам, что немцев в деревнях нет, но при этом в районе они крепко держали власть в своих руках, благодаря карательному отряду пана Стефана. Они появились около года тому назад. Сначала их было полтора десятка, но уже сейчас стало намного больше. Точного числа карателей крестьянин, ясное дело, не знал. С самого начала они расстреляли всех тех, кто имел хоть какое-то отношение к советской власти, потом, по слухам, уничтожили в лесах две небольшие группы партизан и каких-то парашютистов. У Гоноровского в каждой деревне свои люди есть. Зверствуют они не так чтобы сильно, но если в чем-то провинился, то пощады не жди. Пытают, мучают, а потом расстреливают, как самого виновника, так и всю его семью. Получив первичную информацию, мы отпустили крестьянина, при этом предупредив, что за длинный язык пытаться мы никого не будем, а вот пулю пустить в лоб – это запросто сделаем.

Теперь нам нужен был транспорт. Мы настроились на долгое ожидание, но удача не покинула нас. Благодаря «отряду Гоноровского», уничтожившему партизанское движение в зародыше, немцы здесь оказались непуганые и легко поддались на простейшую уловку под названием «патруль на дороге». Трупы солдата-водителя и фельдфебеля-связиста скинули в овраг и забросали снегом, потом погрузились в машину и поехали.

Спустя полчаса показалась деревня, которую нам надо было объехать, но накатанный путь лежал именно через нее, а ехать по снежной целине (до этого дня снег шел не переставая и теперь лежал на земле толстым слоем, скрывая все неровности почвы) было опасно и тактически неправильно. Что это за чокнутые фрицы, которые по нормальным дорогам не ездят? Въехать мы въехали, но неожиданно в центре села наткнулись на толпу местных жителей. Люди, увидев машину с немцами, бросали на нас угрюмые взгляды, а потом переводили их на двух мужчин, женщину и двоих мальчишек-подростков, стоящих у крыльца большого дома. Все

они были сильно избиты. За их спиной, на крыльце, стоял в белом расстегнутом полушубке мужчина в окружении трех вооруженных людей. Между пленниками и местными жителями находилось еще восемь охранников, с винтовками в руках. Нетрудно было понять, что это те самые каратели, о которых рассказал нам крестьянин.

Я думал, что мы проедем мимо них, но вдруг неожиданно наша полуторка остановилась. Боковая дверь машины открылась, и на снег прыгнул в форме обер-лейтенанта Камышев.

– Унтер-офицер Димиц!! – раздался его громкий крик.

Спрыгнув с машины, я подбежал к нему и вытянулся в струнку, как и полагается настоящему немецкому солдату.

– Работаем тихо. Главаря – живым, – негромко, но по-немецки произнес командир.

«Зачем?! Это не наше дело», – подумал я, но вместо этого бодро и громко отрапортовал:

– Яволь, герр обер-лейтенант!

Затем четко развернувшись, побежал к ребятам, сидевшим в кузове, под тентом, как и положено дисциплинированным немецким солдатам.

– Выходи!! – заорал я командным голосом.

Из-за машины нас не было видно, поэтому я кратко пояснил суть предстоящей операции:

– Стрелять аккуратно. Кругом люди. Главаря брать живым.

Тем временем Камышев медленно подошел к толпе, которая сразу подалась от него в разные стороны. Дойдя до охраны, он встал, расставив ноги, и медленно, лениво произнес по-немецки:

– Что здесь происходит?

– Господину лейтенанту вряд ли это будет интересно, – с некоторой издевкой произнес главарь бандитов на неплохом немецком языке. – Единственное, что могу добавить: казнь пособников красных комиссаров проходит по прямому указанию начальника СД Гельмута Краузе.

Офицеры вермахта предпочитали не связываться со спецслужбами, тем более что это был прямой приказ начальника СД. По мнению главаря, лейтенант, услышав фамилию майора СД, должен был быстро убраться, но все получилось с точностью наоборот.

– Димиц! – рявкнул обер-лейтенант, выхватывая из кобуры парабеллум.

В этот момент я уже стоял около одного из бандитов, от которого прямо несло свежим перегаром. Он ухмыльнулся и подмигнул мне, как своему приятелю. Это было последнее, что он сделал в своей жизни. Резкий взмах рукой, и стоящий передо мной бандит захрипел перерезанным горлом. Новый взмах, и бандит, стоявший в трех метрах, получив нож в горло, стал медленно заваливаться на утоптаный снег. В ту же секунду ударили короткие, скупые очереди разведчиков, скашивая остолбеневших карателей. Дважды коротко и сухо ударил парабеллум командира. Народ, до этого находившийся в состоянии шока, очнулся и с криками пустился врассыпную.

Наша атака оказалась настолько неожиданной для бандитов, что практически никакого сопротивления нам оказано не было. Да это и понятно. На них подло и вероломно напали их хозяева, которым они так преданно служили. Только один из бандитов, стоящих на крыльце, пригнувшись, кинулся в дом, но на пороге получив пулю в спину, упал, раскинув руки. Главарь успел только откинуть полу и кинуть руку на кобуру, как тут же с криком схватился за плечо. В нем торчал нож. В следующую секунду раздалась команда командира по-немецки:

– Двое в дом! Остальным занять позиции по периметру!

Первым делом я подбежал к двери дома и крикнул:

– Ахтунг! Гранатен!

– Не взрывайте! Мы сдаемся! – раздалась из избы наперебой мужские и женские голоса. – Выходим! Выходим! Не стреляйте!

Спустя полминуты на пороге показался пожилой, но еще крепкий мужик с поднятыми руками. Из-за его спины была видна женщина в возрасте, видно его жена, и две раскрашенные девки.

– Сторожи их! – кинул я Сашко, а сам, пригибаясь, как солдат при налете, вбежал в дом. Быстро огляделся. Для деревенского дома он был обставлен богато и несколько странно. Буфет, за стеклом которого была выставлена разнокалиберная посуда, был явно привезен из города и неуместно смотрелся на фоне деревянных стен, так же как и трюмо, стоящее в углу. Посредине комнаты стоял накрытый стол. Видно, после казни бандиты собирались хорошо попить. Я уже собирался выйти, как глаз зацепил сбитую на сторону дорожку на полу, возле печки. Осторожно подошел, затем сапогом отбросил ее в сторону. Под ней оказался люк. В этот момент в избу вошел командир с Сашко, который конвоировал хозяев дома и стонущего главаря.

– Герр обер-лейтенант, – обратился я к командиру, – мною найден люк в этом партизанском логове.

Услышав немецкую речь, сникший главарь сразу встрепенулся:

– Герр обер-лейтенант! Произошла страшная ошибка! Я Стефан Гоноровский, начальник карательной команды! У меня есть жетон! Он висит у меня на шее! Я агент СД!

Камышев, не обращая внимания на выкрики, командовал по-немецки:

– Димиц! Проверить!

– Яволь, герр обер-лейтенант! – вытянулся я, продолжая играть роль дисциплинированного служаки.

Вдруг неожиданно подал голос главарь:

– Там Семен Пашко! Мой адъютант!

Я повернулся к главарю:

– Прикажи ему вылезти, или бросаем гранату!

– Сейчас-сейчас, – заискивающе пробормотал тот и подошел к люку, морщась и держась за плечо. Приподняв крышку, он крикнул:

– Пашко! Это твой командир! Выходи!

Из глубины сначала раздались отборные ругательства, а затем уже слова:

– Ты что, совсем мозги потерял, сямка базарная?! Это же падлы красные!

В этот момент, оттолкнув бандита, я бросил вниз гранату и захлопнул крышку. Раздался приглушенный взрыв. Пол под ногами явственно качнулся. В серванте зазвенела посуда. А уже в следующую секунду я рывком откинул крышку и spryгнул вниз. Там было темно, но мне хватило даже того света, что падал через открытый люк, чтобы увидеть ноги, одетые в сапоги, которые торчали из-под груды ящиков и картонных коробок. Горький запах тротила был густо перемешан с ядреным запахом самогона. Разбираться, жив или мертв бандит, не стал, а просто дал по нему короткую очередь из автомата. Огляделся. Помимо традиционных крестьянских запасов, подпол чуть ли не на треть был забит ящиками и коробками с надписями на немецком языке. Глаза уже привыкли к темноте, и я различил в углу лужу, в которой лежало стеклянное крошево, все, что осталось от бутылей с самогоном. Нашел лесенку, приставил к стене и вылез.

– Там продуктов столько, что взвод... – начал я говорить, но командир кивнул головой, типа все понял, и продолжил в быстром и жестком темпе допрашивать «пана Стефана». Командир, в прямом смысле этого слова, выбивал из него правду. Мне даже показалось, что в этой жестокости есть что-то свое, личное.

Староста, его жена и две бандитские шлюхи сидели на лавке у печки с побледневшими лицами и глазами, полными ужаса. Спустя полчаса вернулись трое наших парней, посланные, чтобы прочесать деревню. Они никого не обнаружили, потому что, если и были такие, то забились по щелям, словно тараканы.

Мы засветились, причем так, что догадаться о русской диверсионной группе гитлеровцам не составит никакого труда. Правда, жители деревни видели немцев и слышали только немецкую речь, но то, что приехавшие солдаты уничтожили группу карателей, говорило только об одном: что это были русские диверсанты. Я не мог знать, что на столь непрофессиональный шаг командира толкнула обычная человеческая месть, так как не знал, что во второй группе десантников, уничтоженных карательным отрядом Гоноровского, был младший брат Камышева. Кроме того, командиром одного из погибших отрядов разведчиков был его большой друг, с которым он воевал еще в Испании. Если теперь мы точно знали, как погибли три группы наших разведчиков, то время нашей «невидимости», конечно, скоро истечет, после чего на нас откроют настоящую охоту.

После допроса командир встал, оглядел всех и только потом сказал по-немецки:

– Нам нельзя оставлять следов, а я это правило нарушил. Моя вина, и мне ее исправлять. Сашко, смени на посту Мартынова, пусть быстро поест, а остальные начинайте отбирать продукты и грузить в машину.

Услышав эти слова, Гоноровский, кривясь от боли, вдруг неожиданно сказал:

– Есть у вас такая поговорка: сколько веревочке не виться, а все равно ей конец будет. Да, комиссар?

Командир ничего не ответил, только мазнул по нему яростным взглядом. Мы принялись за погрузку. Когда закончили, Камышев сказал:

– Идите, парни. Ждите в машине.

Разведчики с виноватыми лицами быстро вышли. Они понимали, что убрать свидетелей необходимо, но сами в душе были рады, что это дело не поручили никому из них. Одно дело убивать гитлеровцев и их пособников в бою, а здесь гражданские люди, к тому женщины. Парни ушли, а я остался стоять. Камышев бросил на меня косой взгляд, но ничего не сказал, только поднял руку с пистолетом, готовясь стрелять.

– Не убивайте, люди добрые! – вдруг заголосил староста. – У меня деньги! Золото! Все отдам, только не убивайте! Никого не убил! Крови на мне нет! Бога побойтесь!

– Где? – быстро спросил я.

– В подполе. За бутылками с самогонкой. Кирпич надо вынуть. Он у самого низа! Там...

– Я в деле, командир.

Камышев не сразу понял, что я хотел этим сказать, и промедлил, а я уже нажал на спусковой крючок автомата. В следующую секунду в автоматную очередь вплелись сухие и короткие выстрелы из пистолета. Спустя минуту все было закончено, после чего командир, не глядя на меня, пошел к выходу. Я задержался буквально на пять минут. Любопытство замучило. Есть там тайник или нет?

Когда я забрался в кузов, меня встретило неловкое молчание. Мое участие в «грязной работе» здорово смущало ребят. В другой раз они бы обязательно меня спросили, почему я задержался, но сейчас никто из них не произнес ни слова. Несмотря на то, что трое из пяти сидящих рядом со мной парней имели на своем счету как минимум по десятку убитых гитлеровцев и их пособников, они оставались теми, кем и были. Двадцатилетними парнями, не знающими толком жизни. Смотрели на окружающую реальность простыми, по-детски чистыми взглядами. Сталин – хорошо, Гитлер – плохо. Война не учила их жизни, она учила их убивать. Командир, тот другое дело. Возможно, он видел во мне себя, только более молодого и жестокого, но при этом не понимал, откуда этот парень столько много знает о войне. Слишком много Звягинцев знал из того, что сам Камышев, прошедший Испанию от звонка до звонка, потом и кровью собирал четырнадцать лет. Боевой опыт.

Глава 9

В этом районном городке у нас имелись две явки, но появляться на них без предварительной и тщательной проверки было категорически запрещено жесткими правилами агентурной работы, да и связи с ними не было с самого начала войны. Вот только сейчас нас поджигало время, командир прекрасно это понимал, поэтому решил ускорить процедуру. К тому же группу людей в небольшом городе не спрячешь без помощи подполья. Правда, немцы, как отъявленные педанты, в первую очередь будут искать людей в немецкой форме, поэтому мы снова переоделись в гражданскую одежду. Вот только что делать с машиной и где жить все это время? На эти вопросы у нас не было ответов.

К городу мы подъехали около четырех часов утра, после чего выехали на разбитую окружную дорогу, чтобы избежать проверки на контрольно-пропускном посту. Ехали по таким колдобинам и ямам, что мне временами казалось, что машина вот-вот развалится, так она тряслась и скрипела. Спустя некоторое время наткнулись на развалины какого-то заводика. Остановились. Разбежавшись по сторонам, довольно быстро нашли одно довольно укромное местечко: частично развалившийся корпус бывшего цеха. В него вполне можно загнать машину. О том, что это место необитаемо, нам сказали два трупа, которые мы нашли лежащими у погасшего костра. Может, эти люди замерзли, может, умерли от голода, об этом нам было трудно судить, но судя по состоянию тел, умерли они явно не вчера.

Мы разожгли небольшой костер, плотно позавтракали, а затем командир выделил две группы, в каждой по два человека, которые пойдут по явочным адресам.

– Прежде всего осторожность. При малейшем намеке на опасность уходите. Мне мертвые герои не нужны! Вы меня поняли? – спросил он нас.

– Поняли, командир. Все ясно, командир, – вразнойбой ответили мы.

– Все, бойцы. Идите!

Сразу, при выходе из развалин, мы разделились и пошли в разные стороны. Мы отправились на пару с Пашей Швецовым. Он шел впереди, а я – сзади, на расстоянии пятнадцать-двадцать метров. Сначала мы прошли сквозь несколько рядов частных домов, вышли на улицу Красная, которая теперь имела совсем другое название, но ее нетрудно было узнать по стеклянной витрине кафе «Весна», расположенного на углу. Оно, к моему легкому удивлению, продолжало работать, да и название не поменяло.

«За углом улицы должен был находиться рынок», – промелькнуло в памяти.

Завернув за угол, я увидел небольшую площадь, вот только на фото, которое нам давали, рынок выглядел по-иному. Из двух больших павильонов сохранился только один. На нем сейчас висела вывеска «Пивная». От второго остались только обгорелые стены да чудом уцелевшая закопченная, облупившаяся, проржавевшая вывеска «Овощи. Фрукты».

Кроме них стояло два киоска, на одном из которых, как я помнил, раньше была вывеска «Табак». Теперь новые владельцы определили их под мастерские. На одной киоске висела явно рукописная вывеска «Ремонт обуви», на втором – ничего не было, но судя по женщине, которая вышла из двери с кастрюлей в руках, здесь занимались ремонтом металлоизделий.

Посередине стояло два десятка столов под навесами, где и велась основная торговля. Кроме них еще десятка полтора продавцов ходили по рынку, продавая с рук предметы домашнего обихода. Здесь продавали все: немецкие консервы, квашеную капусту, вязанные вещи, шали, одежду, папиросы поштучно, вот только народа было немного и большинство из них толкались около продавцов продуктами. Кругом слышалась русская, белорусская и польская речь. Двое немецких солдат торговались со старушкой, продававшей теплые носки. Подошел к прилавкам. Приценился к совсем новеньким сапогам, потом постоял рядом со старичком, торговавшим старыми часами.

По легенде, женщина-агент должна была заниматься при немцах частной торговлей. Для этого ей были оставлены продукты и мануфактура, поэтому наиболее вероятным местом ее работы должен был стать именно этот рынок. К тому же здесь, в толпе народа, агента можно было легко отследить, а затем за ней понаблюдать. Так нам советовали специалисты. Вот только лица женщин-торговок даже близко не походили на фотографию агента. Во время хождения по рынку я время от времени бросал взгляды в сторону Швецова, пока тот не показал легким кивком головы в сторону павильона с надписью «Пивная». Судя по скучному лицу Паши, нашего агента и он не нашел.

Войдя в помещение, с удовольствием отметил, что здесь теплее, чем на улице, и уже потом заметил печку-буржуйку недалеко от стойки. Из мебели в пивной стояло лишь два деревянных грубо сколоченных стола с лавками. В воздухе висел стойкий запах перегара, кислого пива и табачного дыма. В самом углу, на дальнем краю одного из столов сидела блатная компания. Оценив по очереди взглядами, они посчитали нас неопасными и продолжили о чем-то тихо говорить. Кроме них здесь был еще мужичок с мутными глазами и оплывшим от пьянства лицом; он медленно цедил пиво из кружки. Недалеко от него расположилась еще одна шумная компания, состоявшая из трех мужчин и двух женщин. Судя по тулупам и валенкам, это были торгаша с рынка. Все они были в приличном подпитии, что было видно по покрасневшимся лицам, а также громкому смеху, мату и выкрикам. Подходя к стойке, возле которой уже стоял Паша, я подумал: «Им бы тут лозунг повесить „Пиво без водки – деньги на ветер“. Было бы в самый раз».

Глянул на бабищу, которая стояла за прилавком, изображавшим пивную стойку. Та куталась в черное мужское пальто, при этом довольно красноречиво на нас поглядывала. Чего, дескать, стоите? Или пиво берите, или валите отсюда на все четыре стороны! Задерживаться нам здесь было не с руки, но надо было срочно обсудить ситуацию. Дождавшись, когда я подойду к стойке, буфетчица глухо буркнула:

– Пиво. Водка. Ну?

– Как положено, красавица. К кружечке прицеп – сто грамм, а нас, как понимаешь, двое, – сказал ей Паша.

Женщина хмыкнула, потом перевернула стоящие на мокрой тряпке верх дном две кружки и одну сразу поставила под кран, затем то же самое проделала со второй кружкой. Потом наклонилась под стойку, чем-то булькнула и поставила перед нами стакан, судя по запаху, наполненный самым настоящим первачом. Мы расплатились и сели за стол. Быстро выпили по половине кружки пива и сделали по глотку из стакана, при этом сделали довольный вид и, наклонившись друг к другу, стали быстро обмениваться наблюдениями. В результате сошлись в одном: на рынке искомого лица нет. Даже близко никто не подходил по фотографии.

– Значит, идем на адрес, – подвел итог Швецов.

Теперь нам оставалось допить пиво, осторожно вылить оставшуюся самогонку под стол и уходить. Перебрасываясь для вида словами, я невольно прислушался к пьяному разговору веселой компании. Мужчина-торговец уже при нас сходил к стойке и принес новую бутылку, которую они почти сразу опустошили. Видно, от неумеренных возлияний у одной из торговек совсем поплыли мозги, так как та вдруг стала громко и матерно ругать какую-то шалаву. Поневолле прислушавшись, в какой-то момент я понял, что она ругает свою собственную дочь.

– Эта сучка вместо того, чтобы помочь родной матери, которая ее кормила и воспитывала, выгнала торговать на рынок! В дикий мороз! А ведь я без мужа ее растила! Сама не доедала, а ей лучший кусок отдавала! А она что сделала, тварь этакая! Родную мать, в мороз, на рынок выгнала! Торгуй, значит, мама! Верка, видишь, какая у меня заботливая дочка!

– Варвара! Брось! – стала возражать ей подруга. – Хоть она и непутевая девка, прости меня господи, но тебе она дочь и негоже так про свою кровинку говорить! Да и с голоду, как половина города, ты не умираешь.

– Продукты она тебе дает?! Дает! Ты их продаешь и через них хорошо живешь! Правда, люди? – следующим вступил в разговор мужик в полушубке и треухе.

– Ты, Варвара, погодь такими словами насчет своей Томки бросаться, – заговорил другой мужчина. – Вдруг кто услышит? Хахаль-то у нее особенный! Он в нашем городе любого в порошок сотрет.

Но пьяной вдрызг мамаше уже было море по колено.

– Что, Адам? Думаешь, она меня сдаст?! Или, может, ты, паскудная душонка, меня сдашь?! – Тут ее, по-видимому, основательно переклинило, потому что она неожиданно стала выкрикивать угрозы: – Да я всех в этом паршивом городишке урою!! Всех в порошок сотру!! Только дочке скажу, так ее Гельмут!..

– Варвара! Хватит! Хорош тебе языком молоть! Договоришься тут! – испуганный мужик в треухе вскочил из-за стола. – Верка, подмогни!

Женщина тяжело поднялась из-за стола, после чего они подхватили под локти окончательно опьяневшую Варвару и потащили ее к выходу. Так как все внимание сейчас было обращено на пьяную компанию, мы вылили самогон под стол, а затем вышли следом.

– Что ты об этом думаешь? – спросил я его по дороге.

– Что тут думать... – с нотками брезгливости в голосе ответил Паша. – Ее дочь-шлюха греет постель офицера, а тот ее продуктами снабжает. Часть мамаше отдает, а та уже их на рынок тащит. Все просто и незатейливо.

– Ты не думал, что здешнего начальника службы безопасности зовут Гельмут Краузе? Гельмут. Кстати, ты заметил, что они не на шутку испугались, когда услышали это имя?

Швецов прокрутил все это в голове, а затем спросил:

– Что ты предлагаешь?

– Мысль есть, но ее еще обдумать надо, а пока давай прогуляемся за пьяной компанией.

– Хм. Пошли.

Идя следом за пьяной троицей, мы слышали еще одну интересную подробность, которая придавала еще больше реальности моему плану. Пройдя мимо дома, куда они свернули, мы прошли, внимательно отмечая особенности улицы, затем свернули за ближайший дом и отправились искать местожительство агента. Если до этого как-то удавалось избегать контакта с гитлеровцами, то теперь нам дважды пришлось скрываться от патруля.

Прибыв на место, какое-то время наблюдали за домом с разных точек, потом сошлись, обсудили и решили, что наружного наблюдения явно нет, а вот засада внутри дома – это вопрос. Чтобы узнать, как обстоят дела, надо было идти и спрашивать. После короткого колебания Павел решил рискнуть и пошел к дому, а я остался его страховать. С моего места было видно, как дверь ему открыла какая-то пожилая женщина.

«Ее мать?»

Несколько минут они говорили, после чего Швецов распрощался и пошел назад. Шел спокойно и знаков тревоги не подавал, но так знал я его хорошо, то было видно, что он злой как черт. Пропустил его вперед и только потом последовал за ним издали, при этом постоянно отслеживая возможный «хвост». Как только мы добрались до окраины города, он остановился и подождал меня.

– Ну что?

– Сволочь она! – он был уже не зол, а разъярен. – Самая настоящая сволочь! Тварь продажная!

– Толком объясни!

– Что тут объяснять! Эта сука собрала вещички и удрала в неизвестном направлении! Предала нас! Гадина! – бросил он на меня злой взгляд, но увидев мой встречный укоризненный взгляд, сбавил тон: – Помнишь, что нам про нее сказали? Продукты ей оставили и кое-какие

товары. Так она все это загрузила на машину, забрала мать и уехала перед самым приходом немцев. А ведь она кандидат в партию! Кто она после этого?! Вот ты скажи, Костя?!

«Мальчишка. Как есть мальчишка. Прямо герой-пионер», – подумал я, но вместо этого сказал веско и проникновенно:

– Полностью с тобою согласен, Павел. Полностью. Так не может поступить советский человек.

Покружив немного для очистки совести, мы вернулись в развалины уже в наступивших сумерках. Продрогли до основания, а голодные были словно звери. Только мы начали свой доклад, как пришла вторая группа. Как они могли уточнить, хозяин явочной квартиры был схвачен сразу после прихода гитлеровцев в город. Больше его никто не видел. Камышев заинтересовался моим планом, но только потому, что другого варианта у нас практически не было. Если бы сохранилось подполье, то опираясь на них, мы могли бы провести более детальную разведку района. А теперь... Вот только слишком рискованный был план. Я и сам это знал. Да и все это понимали. Осуществить его нам придется практически без подготовки, на одной наглости. Захватить начальника местной службы СД в плен, а затем допросить. Ни маршрута передвижения, ни состава охраны мы не знали, как и места, где он живет, просто на эти уточнения у нас не было времени, зато пьяная мамаша по дороге обмолвилась, что утром дочка приедет на автомобиле своего любовника. Через личного шофера начальника СД мы собирались выйти на его хозяина. Если, конечно, повезет. Камышев долго советовался со своим заместителем, но потом все-таки дал согласие на проведение операции.

Попасть в дом специально подготовленному специалисту несложно, особенно когда входную дверь закрывает пьяная хозяйка. Правда, без сюрприза не обошлось. На широкой кровати спали двое. Хозяйка дома с каким-то мужиком. Когда мы их растолкали, те с минуту тупо смотрели на нас мутными глазами, и только потом хозяйка поинтересовалась:

– Я вас не знаю. Что вы в моем доме делаете?

Ей быстро объяснили, кто мы такие и что нам надо, после чего кое о чем спросили, затем обоих связали и стали ждать. Засада была двойной, в доме и на улице, где мы поставили грузовик. Машина – с ковыряющимся в двигателе немцем-водителем – не должна была вызвать подозрение шофера Краузе, и, если Мирошниченко подойдет к машине, чтобы попросить закурить, это тоже не должно насторожить личного шофера начальника СД. По крайней мере, мы исходили из этого варианта. Не знаю, как бы оно получилось на самом деле, но свои коррективы в наш план внес сам Гельмут Краузе.

По плану я работал в паре с Мирошниченко и должен был его страховать, сидя в кузове грузовика. Тент мною был разрезан так, чтобы его можно было легко отбросить. Прошло около двадцати минут, пока мы не услышали рев приближающегося автомобиля, а вместе с ним... рокот мотоцикла. Я осторожно выглянул. К нам ехал легковой автомобиль, вот только впереди него двигался мотоцикл с охраной. Для коррекции операции у нас просто не было времени, и нам приходилось импровизировать на ходу. Машина остановилась напротив калитки дома. Дверца открылась, и из нее вышла красивая стройная девушка в зимнем пальто с воротником из чернобурки. Она сделала несколько шагов, толкнула калитку, затем повернувшись, помахала рукой своему любовнику и быстро пошла к дому. В следующую секунду мотоцикл тронулся с места, а следом, взревев двигателем, двинулся автомобиль. Водитель мотоцикла неспешно выруливал, обходя стоявший на дороге грузовик, когда я дважды метнул нож. Мотоциклист, дернувшись всем телом, тяжело навалился на руль, после чего тот резко вильнул и врезался в борт нашего грузовика. Машина начальника СД, идущая следом, резко затормозила, чтобы избежать удара о мотоцикл, а уже спустя несколько секунд Мирошниченко, до этого изображавший шофера, оказался у дверцы водителя. Дернув ее, открыл, после чего нанес мощный удар шоферу по голове, а в следующее мгновение из совершенно неудобного положения сумел заблокировать Краузе, попытавшегося выхватить пистолет. Тем временем, прыг-

нув на землю, я ударом ножа добил раненого пулеметчика и сразу кинулся Мирошниченко на помощь. Из дома к машине уже подбегали наши ребята.

Трупы охранников и пленных были быстро закинута в кузов, после чего мотоцикл, «хорьх» и грузовик, набирая скорость, помчались к окраине города. Вел мотоцикл Швецов, в то время как я сидел в коляске, изображая пулеметчика. Выехав на окружную дорогу, наша маленькая колонна свернула в сторону развалин, где мы перелили все горючее в бензобак грузовика и сразу уехали. Командир исходил из того, что первым делом фрицы будут искать личную машину Краузе с мотоциклом или без него, а уже потом грузовик.

Мне не было известно, что происходило в городе после нашего отъезда, но, к нашему большому счастью, немцы всполошились только спустя час после похищения начальника СД, что дало нам возможность избежать прямой погони. Оказывается, за день до своего похищения обычно пунктуальный Краузе предупредил своих подчиненных, что приедет на службу на час позже, так как вечером в ресторане будет праздновать свой день рождения, но когда прошел час и он не прибыл, его подчиненные всполошились. Спустя полчаса им стало известно о похищении начальника СД группой неизвестных лиц. Сразу были подняты по тревоге две роты солдат вместе с подразделениями СС и СД, которые приступили к поиску майора, а еще спустя час на окраине города была обнаружена легковая машина с трупами охранников и мотоцикл. Загадка дерзкого похищения разрешилась только спустя несколько часов, когда им стало известно о расстреле карателей во главе с их командиром Стефаном Гоноровским. Только сейчас немцам стало ясно, что это работа русской диверсионной группы.

Захват майора стал для нас двойной удачей. После допроса майора и его шофера мы не только получили довольно подробную информацию о работе немецких спецслужб в этом районе, но и неожиданно узнали о точном местонахождении абвершколы. Как оказалось, Краузе и заместитель начальника школы знали друг друга еще с времен обучения в гимназии.

У меня дома, в том времени, хранилась зарубежная коллекция из шести наград, снятых с трупов офицеров, начиная от майора и кончая генералом. Вот и сейчас мелькнула мысль о том, что неплохо бы начать здесь собирать подобную коллекцию, для начала взяв себе на память железный крест майора. Правда, обдумав ее как следует, решил пока обойтись без коллекции. Ведь если кто-то случайно увидит у меня железный крест, то потом может сочинить донос о том, что Звягинцев с почитанием относится к гитлеровским наградам и хранит их у себя дома. Но даже не в этом было дело. Так как им ни перед кем не похваляешься. Своими орденами и медалями можно, а немецким крестом ни-ни – пропаганда фашизма.

Ночевали опять в кузове машины, под тентом, потом полдня ехали, а когда закончился бензин, мы спрятали машину в лесу. Дальше двигались пешком, избегая дорог и людей. Нас уже искали, и поэтому любая допущенная нами оплошность наводнит эти места гитлеровцами, которые сразу начнут на нас охоту. Уже где-то днем на вторые сутки мы наткнулись на комплекс зданий, окруженных высокой каменной стеной с колючей проволокой.

– Вот где, оказывается, фрицы устроили себе логово! В бывшей тюрьме! – удивленно воскликнул Камышев.

– Там им самое место, – буркнул его основательно замерзший заместитель.

Мы наблюдали за немецкой разведывательной школой сутки, чтобы до конца убедиться, что это действительно она, но никаких признаков работы, указывающих именно на такой род деятельности, так и не обнаружили. Конечно, хорошо бы взять языка, но пропажа сотрудника школы сразу привлечет внимание, и тогда нам снова придется вернуться к нежелательному варианту: охотники и волки.

На следующее утро мы увидели, как к воротам подъехала телега. Мы уже знали, что в трех километрах отсюда есть небольшое село. Первой на землю прыгнула женщина, а уже за ней возница – мужчина. Оба нагрузились ведерками, крынками, узлами и двинулись к воротам, где их остановил часовой. Произошел короткий разговор, после которого явился началь-

ник караула и проводил их на территорию бывшей тюрьмы. Спустя час с лишним мужчина и женщина вышли, что-то неся в руках, после чего сели в телегу и поехали обратно.

– Может, они, командир? – спросил Мирошниченко.

– Что они могут знать? И так видно, что привезли продукты на продажу, и потому, как легко прошли на территорию, понятно, что проделывают это часто. Меняют деревенские продукты на товары. Продолжаем наблюдать.

Чтобы проникнуть на территорию, не могло быть и речи. Часовые на вышках, колючая проволока по всему периметру забора и сторожевые псы. Когда подбирались ближе, мы изредка слышали их лай. Уйти без окончательного подтверждения мы не могли, поэтому все были раздражены из-за постоянного пребывания на морозе и неопределенности положения. Лично мне эта ночь, проведенная в лесу, показалась самой холодной за все время. Почему? Бог его знает.

Утром мы разделились. Нас с Пашей командир отправил в деревню. Вдруг что-то найдется там, что подтвердит факт нахождения на территории бывшей тюрьмы абверовской школы. Остальные разведчики продолжили наблюдение за двумя дорогами, ведущими к школе.

Вплотную подобравшись к окраине деревни, мы устроились рядом с дорогой, проходящей через деревню. Стояла глубокая тишина. Деревня словно вымерла, только над трубами шел дым. Даже собак не было слышно. Какое-то время, с завистью, я смотрел на дым из ближайшей трубы и думал о том, как это здорово – сидеть в теплой избе и есть горячие, густые щи с мягким ноздреватым хлебом. Только успел сглотнуть набежавшую слюну, как ухо уловило нарастающий со стороны дороги звук. Прислушался, посмотрел на Пашу. Тот слегка кивнул и шепнул:

– Немецкий грузовик.

Спустя какое-то время действительно показалась полуторка, но она, к нашему удивлению, вместо того чтобы проехать через деревню, остановилась на окраине, метрах в двадцати от нас. Из кабины и из кузова выскочили четыре солдата, которые быстрым шагом отправились к ближайшему дому, при этом оживленно, радостно и громко тараторя. Из их разговора нетрудно было понять, что их машина была отправлена в абвершколу с ближайшего аэродрома, и все благодаря тому, что у какого-то Вальтера сломался грузовик, поэтому их послали, чтобы забрать группу русских шпионов и привезти на аэродром. Благодаря этой удаче, они купят у бабки Насти хороший самогон и достойно отпразднуют день рождения их друга Ганса. Мы переглянулись с Пашей и радостно заулыбались. Задание, можно сказать, было выполнено.

Переходить линию фронта было еще то удовольствие, несмотря на то что нам была дана для сопровождения группа разведчиков. После того как немецкий передовой пост был вырезан, у нас было не больше часа, чтобы добраться до своих окопов. Сначала мы осторожно ползли, и только потом, когда немецкие окопы остались далеко за спиной, был сделан стремительный бросок через нейтральную полосу. По-видимому, в какой-то момент фрицы что-то услышали, потому что неожиданно вразнобой ударили немецкие пулеметы, и мы попадали, вжимаясь всем телом в снег. Несколько минут фашисты стреляли и пускали ракеты, заливавшие все окружающее пространство мертвенно-белым светом, а потом снова наступила долгожданная тишина. Какое-то время выжидали, пока не последовала тихая команда старшего группы разведчиков: «Вперед!»

На передовой нас уже ждали. Камышев сразу ушел в сопровождении майора, начальника особого отдела дивизии, на пункт связи для доклада в Москву, а нас повели в теплое помещение. В качестве сопровождающих (или конвоиров) нам дали двух автоматчиков во главе с сержантом, которые всю дорогу косили на нас настороженными взглядами. Подойдя к барaku, солдаты пропустили нас вперед и только потом зашли сами и сели у двери, не выпуская из рук оружие. После нескольких дней, проведенных на морозе, стоило нам попасть в теплое поме-

щение, как мы, скинув шапки и стянув перчатки, сразу обступили две раскаленные докрасна печки-буржуйки, протягивая руки к огню. Не знаю, как остальные, а я сейчас просто физически впитывали тепло своим телом. Так мы наслаждались, пока не бухнула дверь и в помещение не вошли два солдата с контейнерами и посудой. Почти выхватив миску и ложку из рук солдата, я с жадностью набросился за горячую еду. Ели, просили добавки и снова ели. Когда солдаты, забрав грязную посуду, ушли, мы сытые, разомлевшие и сонные, держались из последних сил в ожидании командира. Снова бухнула задубевшая дверь, и на пороге появился наш командир с младшим лейтенантом, который пришел забрать солдат. Только они ушли, как капитан улыбнулся и обрадовал нас:

– Все хорошо, парни! Нашу работу приняли. Теперь домой!

Мы нацелились на долгий путь домой, как вдруг командир порадовал нас сообщением о том, что с аэродрома, расположенного рядом с дивизией, через сутки в Москву улетает транспортник, на который нас согласились взять.

Москва нас встретила заснеженными улицами. Правда, было видно, что перед этим хорошо поработали дворники, и тротуары были по большей части свободными от снега. Даже если не приглядываться, было видно, как изменился облик города. На улицах появилось больше народа, причем было много людей в гражданской одежде. Из витрин магазинов убрали мешки с песком, и больше нигде не было видно крест-накрест заколоченных дверей. Вместе с ними исчезли противотанковые ежи с улиц, а зенитки и пулеметы – из скверов.

– Парни, смотрите! – неожиданно воскликнул Леня Мартынов и стал тыкать пальцем в стекло.

– Что?! Где?! – сразу раздалось несколько голосов, но первым то, что хотел нам показать Мартынов, увидел Паша Швецов.

– Ребята, у него на плечах погоны, – с каким-то тихим восхищением в голосе произнес он.

– Здорово! Смотрите, они как серебряные! – по-детски обрадовался Федя Зябликов. – Ребята, а когда мы такие получим?!

– Получим! – убежденно заявил Швецов. – Может, даже завтра.

– Ребята, смотрите, вон кафе работает!

– Точно! Работает!

– Эй, я мороженого хочу! – неожиданно заявил Паша под общий хохот.

– А я пива! – заявил Леша Смоленский под новый взрыв смеха парней.

Младший лейтенант госбезопасности, встретивший нас на аэродроме и теперь сидевший рядом с водителем специального автобуса, на котором мы ехали, негромко, но внушительно сказал:

– Это все благодаря победе под Сталинградом, товарищи. Теперь погоним немца так, что побежит он до самого Берлина без остановки. В газете «Правда» так и сказано, что битва под Сталинградом стала переломным моментом в войне.

После этого заявления парни бросили смотреть в окна и переключились на обсуждение Сталинградской битвы.

Командир, Смоленский и Мирошниченко вышли, не доезжая части, на трамвайной остановке. Смоленский был коренной москвич и торопился обрадовать свою мать. Командир и Мирошниченко снимали квартиры. Все остальные, хоть уставшие, но довольные, в предвкушении долгожданного отпуска, отправились прямо по прибытии в баню, после чего – на ужин. Только вернулись в казарму, как все сразу окружили дневального, который стал выдавать нам письма от родных и близких. Не успел последний из нас получить свои письма, как Коробкин, хитро улыбнувшись, потряс в воздухе газетой, привлекая наше внимание. Убедившись, что мы смотрим на него, он развернул газету и стал громко читать указ о переаттестации и введении новых званий. Не дослушав, парни тут же забрали у него газету и, столпившись, стали сами читать. Когда каждый лично убедился, что он теперь старший лейтенант, их восторгу не было

предела. Было в них столько детской радости, что на ум невольно пришло ироническое выражение из двадцать первого века: «Детский сад. Штаны на лямках».

Вместе с ними я тоже изображал радость, получив новое звание, только младшего лейтенанта, но при этом невольно закралась мысль: «Интересно, как бы они отреагировали на то, что у меня когда-то было звание капитана. Правда, на черном континенте, но это не суть важно».

Был у меня в военной биографии такой факт. Президент одной африканской страны пригласил нас, группу военных инструкторов, звания капитанов гвардии, но этим фактом я никогда не козырял, потому что во время мятежа одной из частей нам пришлось участвовать в расстреле пленных солдат и офицеров, сдавая тем самым экзамен на верность правящему режиму. К тому же другого варианта у нас не было. Или они, или мы. Впрочем, мы были не одни. С нами в одном ряду стояли и стреляли генералы и полковники правительственной армии.

Спать легли поздно, так как мечты о красивых серебряных погонах, с тремя звездочками еще долго перебивали сон возбужденных парней. Утром явился Леша Смоленский, но только стоило ему узнать о новом звании, как он радостно заорал во весь голос:

– Чего сидим?! Кого ждем?! Поехали!!

Под его оглушительные вопли мы оделись и помчались на вещевой склад, готовые с боем, если не дадут так, получить новое обмундирование. Начальник вещевого склада, лейтенант, уже щеголял в новой форме. Парни, ворвавшись к нему в кабинет, несколько секунд завистливо разглядывали его новую форму, с иголки, и только затем изложили свою просьбу. Начальник, похоже, был доволен произведенным на них видом, поэтому сразу нашел вещевые аттестаты, которые на нас были уже выписаны, а затем собственноручно написал на каждом из них: «Выдать немедленно», а затем поставил свой закрученный автограф.

Старшина, заведующий складом, когда до меня дошла очередь, быстро обежал меня взглядом, потом, ни слова не говоря, прошел к полкам, где были разложены гимнастерки и брюки. Отобрал несколько комплектов формы и положил передо мной. Потом принес шапку и шинель.

– Примерьте, – посмотрел на мои ноги, спросил: – Сорок второй?

– Да.

После ответа развернулся и ушел в глубину помещения. Вернулся с ремнем, португеей и сапогами.

– Примеряйте.

Потом отошел к столу, где стал сравнивать мой аттестат с накладной, лежащей на столе, при этом что-то невнятно бормотал. После чего открыл один из ящиков стола, пару минут шуршал бумагой, после чего вернулся и протянул мне бумажный пакет вместе с маленьким кулечком. Я не стал их открывать, так как уже знал, что в пакете лежало несколько пар погон, а в кулечке – звездочки.

Придя в казарму, все дружно занялись пришиванием погон, подшивкой воротничков и чисткой сапог. Еще полчаса примеряли форму, убирали складки и, выпячивая грудь, гордо смотрелись в зеркальце Лени Мартынова. Я тоже надел форму, нацепил медали и посмотрел на себя в зеркальце.

«Мне еще нашивку за ранение, и я буду выглядеть стопроцентным героем-фронтовиком».

Отдав зеркальце хозяину, я только сейчас заметил, с какой завистью на мои медали смотрели Федя Зябликов и Ваня Дубинин.

Забрав в канцелярии приготовленные на нас отпускные документы, продовольственные аттестаты и деньги, шумной толпой, мы двинулись к КПП. Нас ждали удовольствия большого города.

О «родителях» я не волновался, прочитав вчера полученное от матери письмо, хотя отправила она его еще три месяца тому назад. В нем она писала, что сейчас находится на Урале,

в большом промышленном городе, работает учительницей, а где отец, я знал еще раньше. Получив звание старшего политрука, он теперь работал в отделе пропаганды одной из армий Белорусского фронта.

Первым делом я отправился на свою квартиру. Ящики и картины после отъезда Натальи Витальевны вернулись обратно в квартиру и теперь лежали в той самой комнате, откуда я их забрал, с той разницей, что теперь она закрывалась на крепкий и хитрый замок. Входную дверь тоже укрепил, обив ее металлом изнутри, а заодно поставил еще один дополнительный замок. Управдому в свое время я показал оформленные и заверенные нотариусом бумаги, а позже, когда у меня появилось удостоверение сотрудника госбезопасности, пришел к нему еще раз. Мужик в возрасте, с густыми седыми усами, до этого вальяжно сидел на стуле, но стоило ему увидеть мой документ, он вскочил и вытянулся по стойке смирно.

– Все будет в порядке, товарищ сотрудник государственной безопасности. Никакого ущерба вашей квартире не допустим! Сам! Лично! Прослежу!

Соседи у меня, насколько я знал, по большей части были старики, родители людей, которые занимали определенное положение в вертикали власти. Они не лезли в мои дела, видно, вполне удовлетворенные тем, что хозяином квартиры стал сотрудник государственной безопасности. К тому же видели они меня довольно редко, поэтому все наши случайные встречи ограничивались кивками и словами приветствий. Убедившись, что в квартире все в порядке, принял ванну, переоделся и отправился к теще.

Звонить в дверь пришлось долго, и я уже собрался уходить, как за дверью раздался недовольный голос:

– Ну, кого там принесло?!

– Открывай! – крикнул я, а сам подумал, что, наверное, обломал парню секс, но все оказалось более прозаично, так как он просто спал.

– Здорово, тетка!

– Это ты?! Откуда? О! Погоны! Так ты уже младший лейтенант! Звягинцев, стоит тебе на какое-то время исчезнуть, как ты постоянно что-то новое... Даже не знаю, как сказать! Тогда медаль, сегодня товарищ офицер, а через пару лет парад на Красной площади принимать будешь! Будешь, тетка?

Костик смеялся, вот только не было в его глазах прежней искренней радости. Что-то гасило ее в нем. Вот только что?

– Не волнуйся, я тебя приглашу, когда маршальские звезды обмывать будем. И папаху дам поносить. Ты один?

– Папаша через две недели приезжает. Да ты проходи! Раздевайся!

Я снял шинель. Костя снова изумленно распахнул глаза.

– У тебя вторая медаль «За отвагу»? Или у меня в глазах двоится?

– Вообще-то я герой всем героям, правда, очень скромный. На этом все про меня. Как ты?

– Нормально. Да ты проходи!

Вошел в столовую. Все как прежде, но не совсем. Меня насторожила стоявшая у дивана пустая водочная бутылка. Костик вообще не пил водки. Я сел за стол и смотрел, как тот суетится. Открыл шкаф, достал оттуда бутылку вина, поставил на стол, потом снова пошел к шкафу, но теперь уже за фужерами. Поставил на стол и собрался идти на кухню за закусками, как я его остановил:

– Садись, тетка. Давай сначала выпьем за встречу!

Бутылка была початая. Костя, наливая вино, опять изменил своим привычкам не наливать полностью, сразу налив до краев.

– За встречу!

Чокнувшись, мы выпили.

– Ты чего днем спишь? – сразу поинтересовался я.

Это был элементарный вопрос, но Костик как-то сразу сник. Нет, на лице радость от встречи с другом, а вот глаза...

– Так я с ночи пришел.

Теперь пришла моя очередь удивляться.

– Ты работаешь?

– Я и забыл! Ведь я устроился на работу в конце января, и тебя уже тогда не было! А! Все это ерунда! Так где ты был, Костя? Откуда погоны и вторая медаль? Не томи, рассказывай!

– Ты мне так и не сказал, где работаешь? – снова спросил я, игнорируя его слова.

– М-м-м... На складе. Охранником-стрелком.

– С какого перепугу ты там оказался?

История оказалось простой. Месяц тому назад Костик наткнулся в коридоре на секретаря институтской организации, и тот прямо в лоб его спросил: «Почему ты, советский комсомолец, в такие трудные дни для Родины не на фронте?»

Тот растерялся и, не придумав ничего другого, заявил, что через несколько дней выходит на работу, где ему дадут бронь, после чего кинулся на почту и отбил отцу срочную телеграмму. Дескать, спасай! Вернулся домой, а спустя пару часов ему в дверь стучит участковый. Сразу вопрос: молодой, здоровый, почему не на фронте? Снова соврал, сказал, что устраивается на оборонное предприятие.

– А тот мне в ответ: если через три дня не представишь мне соответствующие документы, то я самолично отправлю тебя на фронт. При этом он добавил: «Ты у меня впереди паровоза побежишь и лбом светофоры открывать будешь».

– Так и сказал? Круто! Надо запомнить!

– Тебе смешно, а мне каково тогда было? В отличие от некоторых товарищей, я честно признаюсь...

– Я не трус, но я боюсь. Ладно, рассказывай дальше.

– Отец прислал телеграмму. Там был номер телефона и фамилия. Позвонил я этому человеку, представился, потом подъехал, и меня сразу взяли стрелком в вооруженную охрану.

– И тебе, крепкому парню, не стыдно? Там ведь одни столетние деды и инвалиды!

Костик криво усмехнулся.

– Если бы так было, я бы просто прыгал от радости.

– А ты не прыгаешь? Почему?

Костик налил остатки вина в фужер и залпом выпил. Потом встал, подошел к шкафу, достал еще одну бутылку. Это был коньяк. Ни слова не говоря, открыл его, плеснул себе треть фужера и уже собирался выпить, как я резко сказал:

– Хватит пить! Рассказывай!

Тот какое-то время смотрел на меня, держа фужер на весу, потом поставил на стол и насмешливо сказал:

– Ты что, решил на мне командный голос отрабатывать?!

– Рассказывай, что случилось. Коротко и четко.

Устроил его отец действительно на теплое место. Стрелком на склад, который обслуживал военные госпитали и санитарные поезда, причем большая часть медикаментов была представлена американскими и английскими лекарствами, медицинским оборудованием и инструментами, поставляемыми нашими союзниками по ленд-лизу. Вот только оказалось, что на складе пригласили шайку. Наладив отношения с заместителями главврачей по хозяйственной части, воры передавали им только девяносто процентов медикаментов, а остальное уходило на черный рынок, после чего полученные деньги, продукты и драгоценности делились между всеми. Костик знал только тех, с кем непосредственно работал в охране. Начальника караула

и одного из охранников. Именно с ними он два раза ночью грузил украденные медикаменты на машину.

– Сколько ты там работаешь?

– Месяц. Или около того.

– С чего ты решил, что они воры?

– Погоди. Лучше я расскажу с самого начала. Спустя неделю после того как я пришел на работу, меня наш начальник караула Вельяминов пригласил на день рождения. Там была очень красивая...

– А через два дня, лежа с тобой в кровати, она стеснительно призналась, что ее мать смертельно больна и ей нужно лекарство или деньги, чтобы его купить. Ты поделился своим горем с товарищами по работе. Те долго вздыхали, а потом сказали, что надо помочь, и дали тебе это самое дефицитное лекарство. Ты говорил им, что заплатишь по частям, что будешь работать в три смены и тому подобное, а они в ответ говорили, что друзья должны выручать друг друга. Потом они тебя попросили о дружеской услуге. И тогда ты понял, что влип. Все правильно?

Тезка тяжело вздохнул и с убитым видом кивнул головой.

– Ты почему-то всегда все знаешь, Костя. Да. Почти все так и было, как ты сказал. Только это не мать, а ее младшая сестра. Но Катя действительно меня к ней водила, и девочка выглядела очень больной. Хотя... теперь, после твоих слов... Даже не знаю. Запутался совсем.

– Сколько тебе лет?

Услышав мой вопрос, он криво усмехнулся.

– Через три недели двадцать будет. Ты, наверное, хочешь этим сказать, что когда я выйду через десять лет из тюрьмы, то у меня впереди будет еще долгая жизнь?

– Нет. Другое. Тебе двадцать лет, а развели тебя как десятилетнего ребенка. Делай выводы, парень.

Он посмотрел на меня тоскливыми глазами, неожиданно встал, прошел в кабинет отца, а спустя минуту вышел оттуда с листом бумаги, который положил передо мной. Я пробежал текст глазами. Это было его заявление на имя военкома с просьбой отправить на фронт. Посмотрел на Костика.

– Это все?

– Ты считаешь, что я должен пойти в милицию?!

– Как каждый советский человек и комсомолец ты должен...

– Костя, брось! Я не знаю, как жить дальше, а ты тут еще издеваешься! – он бросил на меня сердитый взгляд, потом посмотрел на фужер с коньяком, минуту сидел, молчал, думая о чем-то, потом тихо сказал: – Я собирался написать письмо в милицию... но хотел его подкинуть дежурному, когда все решится с моей отправкой на фронт.

– Ты полный идиот, тезка.

Не знаю, что он захотел от меня услышать, но этих слов явно не ожидал и ошарашенно уставился на меня.

– Вижу, ты не понимаешь меня.

– Нет, – продолжал он растерянно смотреть на меня.

– Ваш склад, работая на военные госпитали, думаю, каким-то боком прилеплен к Министерству обороны, а сейчас идет война. Работают законы военного времени, а это значит, что за особо крупные хищения, да еще в составе банды, получить вышку или двадцатку лагерей можно без особых проблем. Понимаешь, к чему я клоню?

Побледневший Костик рывком схватил фужер с коньяком и опрокинул его в рот. Выпил как воду, даже не поморщился. Какое-то время переваривал мои слова, потом криво улыбнулся:

– Умеешь ты успокаивать людей, Звягинцев. Видишь, мне уже не страшно, так что говори дальше. Я тебя слушаю.

Несмотря на сжимавший его сердце страх, он держал себя в руках. Какое-то время я смотрел на красивого парня, любителя девушек и модных песен, и подумал, что в нем есть что-то от настоящего мужика. В разведку бы я с ним не пошел, но не всю жизнь мне воевать, надо когда-то и отдыхать культурно, и вот тогда придет время таких людей, как Костик.

– После того как тебе подпишут в отделе кадров заявление на увольнение, твоя жизнь копейки не будет стоить. Твои поделщики просто зарежут тебя в каком-нибудь темном углу в тот же вечер.

– Ты думаешь? – спросил он дрогнувшим голосом, но по его виду можно было понять, что если подобные мысли его и посещали, то только вскользь. Сейчас он напоминал человека, который спокойно шел и вдруг в какой-то момент времени неожиданно осознал, что стоит на краю пропасти.

– Им тебя отпустить, значит, самим добровольно встать к стенке.

– Тогда я пойду в милицию! Прямо сейчас!

– Никогда не торопись, парень, когда у тебя есть время подумать. Для начала ты мне вот что скажи...

Двоих мужчин, которые вышли из проходной вслед за Костиным, а затем последовали за ним в отдалении, он мне показал днем раньше. Это были начальник караула и охранник, с которыми Костя работал. Вчера какое-то время я наблюдал за ними и пришел к выводу, что оба сидели за колючкой, но так как наколок у них на пальцах не было, можно было предположить, что отбывали они свой срок не по уголовным, а хозяйственным статьям. То, что они будут действовать нагло, грубо и не откладывая, предсказать было нетрудно, слишком неожиданной оказалась для них подача заявления на увольнение Кости Сафронова. Наглые и уверенные в себе, они до последнего считали, что этот молодой дурак плотно сидит у них на крючке, а тут на тебе... Такой неожиданный фортель выкинул!

Сколько-то времени они шли, выдерживая расстояние, но в какой-то момент начали быстро нагонять Костика, а потом окликнули. Тот оглянулся и остановился, даже мне было видно, как на его лицо словно набежала тень. Короткий разговор, что произошел между ними, мне был не слышен, но в самом его конце мой тезка не удержался и бросил быстрый взгляд вокруг себя, хотя я его предупреждал, чтобы тот не искал меня глазами, но воры, к счастью, не обратили на это внимания, посчитав за простое беспокойство. Не найдя меня, Костик помрачнел и нехотя пошел вместе с ними. Так они шли несколько минут, о чем-то негромко говоря, а потом охранник махнул рукой в сторону арки. Дескать, так быстрее! Костик дернул головой, по-видимому, хотел оглянуться, но в последний момент сумел сдержаться и пошел с ними. Не успели они скрыться в темноте арки, как я пересек дорогу и быстрым шагом вошел под свод, вслед за ними.

– Ты, падла, ментовке решил нас заложить?! – это первое, что я услышал, успев сделать несколько шагов. В темноте зимнего вечера я с трудом смог разглядеть смазанные, но в то же время резкие движения нескольких темных фигур, стоящих у стены. Сделав еще пару шагов, я вдруг понял, что бандитов не двое, а трое. Интуиция противно взвыла, и я кинулся вперед. Мне сразу навстречу выдвинулась темная фигура.

– Тебе что, фраер, жить надоело?! Канай отсюда!

Двойной удар заставил начальника караула захрипеть и согнуться. В следующее мгновение резко выброшенное колено разбило ему лицо и швырнуло спиной на снег. Костик, прижатый к стене, сообразил, что пришла долгожданная помощь, и начал отбиваться.

– Режь его, Кот! – вдруг со злым отчаянием заорал один из напавших.

– А-а-а!

Крик Сафронова, наполненный болью, заставил меня рвануться вперед. Один из бандитов, кинулся мне наперерез, чтобы спустя секунду от резкого и сильного удара кулаком снизу в подбородок, взмахнув руками, рухнуть на спину.

– Не подходи, падла! Завалю! – испуганно заорал третий бандит, видя, как я легко расправился с его поделщиками.

В его вскинутой вверх руке тускло блеснула сталь.

– Уверен, козел? – внешне спокойно спросил я, после чего резко выбросил левый кулак навстречу вооруженной руке противника. С глухим звуком на натоптанный снег упал нож, а в следующее мгновение начавший рваться из горла бандита крик остановился от рубящего удара ребром ладони по шее. У бандита подкосились ноги, после чего он почти беззвучно опустился на землю. В следующее мгновение уже я кричал:

– На помощь!! Человека убили!!

В ответ сразу послышались крики, затем раздалась трель милицейского свистка, а еще спустя несколько минут в арку вбежало сразу несколько человек. Потом появилась милиция. На мое счастье, одна из женщин, прибежавшая на мои крики, оказалась врачом. Вскоре приехала машина «скорой помощи», которая увезла Костика. Не успела машина уехать, как у арки затормозил милицейский автобус с оперативной группой. Милиционеры, быстро разобравшись в ситуации, принялись сразу, по горячим следам, работать с бандитами. Следователь сразу подошел ко мне, так как я оказался единственным свидетелем совершенного преступления.

– Попрошу ваши документы, товарищ.

Я достал и предъявил свое удостоверение сотрудника государственной безопасности.

– Спасибо, товарищ младший лейтенант. Теперь расскажите, что вы видели.

Кратко и четко я описал нападение на гражданина с целью убийства, потом добавил, что человек, на которого они напали, похож, шел в милицию. Наверное, с заявлением.

– По крайней мере, это можно было понять из их криков, – предположил я.

Неожиданно один из бандитов, по кличке Кот, пришел в себя. Какое-то время смотрел на меня, потом вдруг оттолкнул оперативника и кинулся ко мне с дикими криками:

– Падла!! Сука!! Глотку порву!! На лоскуты порежу!!

Не успел он сделать и двух шагов, как оперативники сбили его с ног, дав для острастки пару раз по ребрам, и уже потом снова поставили на ноги. Следователь подошел к нему, с минуту смотрел ему в лицо, потом негромко сказал:

– А я тебя знаю, Котов. Сволочь ты знатная. Проходил по статьям грабеж и вооруженное нападение. Даже сейчас при всей совокупности ты мог получить, если, конечно, парень выживет, свои десять лет и отправиться валить лес, вот только в военное время у тебя есть шанс встать к стенке.

– Меня не запугаешь, сука ментовская!

– И не буду. Тобой, Котов, было совершено вооруженное нападение на сотрудника государственной безопасности.

Стоило бандиту понять, под какую статью попал, как он стал рваться из рук милиционеров:

– Падлы!! Суки!! Волки позорные!!

Следователь только укоризненно покачал головой, но ничего не сказал. Я нетерпеливо посмотрел на следователя, тот уловил мой взгляд, но не понял его сути.

– Не обращайтесь внимания! Все эти уголовники одинаковы! Грозят, потом на жалость бьют, а в конце истерики закатывают!

– Когда я могу идти?

– Сейчас закончу заполнять бланк, и вы распишетесь, а пока возьмите это, – он подал мне квадратик бумаги. – Здесь мой рабочий адрес и телефон. У меня к вам просьба – в течение двух ближайших дней связаться со мной. Вы единственный свидетель...

– Понял. Обязательно свяжусь.

Утром следующего дня я был в больнице. Будь я обычным гражданином, меня бы, наверное, долго расспрашивали, кто такой и зачем пришел, но предъявленное мною удостоверение мгновенно привело меня к кабинету врача, который подробно рассказал о самочувствии Костика.

– У него проникающее ранение кишечной полости. Еще вчера вечером ему была сделана операция, которая прошла весьма успешно.

Потом он рассказал о приезде милиции и о том, что ее сотрудники осматривали вещи раненого. Теперь я знал все, что мне нужно было знать. Поблагодарив врача, я ушел. Во-первых, меня ждала новая работа из разряда «экспроприация экспроприаторов», а во-вторых, афишировать наше знакомство не входило в мои планы. Операция, которую я спланировал, прошла успешно, за исключением ранения Сафронова. В кармане Костика лежало заявление, которое честный советский комсомолец написал и нес в милицию, стоило ему узнать о хищениях на складе медикаментов. Даже если его бывшие коллеги по работе будут на него давать показания, то суд их вряд ли будет рассматривать, так как в их основе лежит погрузка ночью машин, но при этом, кроме самих преступников, других свидетелей нет. Значит, выглядеть это будет просто как оговор, месть преступных элементов честному человеку.

Костик вышел из больницы спустя три недели. Мне удалось вырваться к нему домой буквально на пару часов, так как через сутки должна была состояться заброска в тыл. Вид у хозяина квартиры был бледный, к тому же он постоянно держался за бок.

– О, Костя! Привет! – и он расплылся в улыбке при виде меня. – Я все думаю: когда его лучший друг навестит несчастного больного?

– Здорово, уголовник! Ты чего без конвоя?

– Очень смешно. Не стой в дверях! Проходи!

– Пойдем пива попьем, – предложил я.

– Ага, вот прямо так с тобой и пошел, – скривился тот. – Мне доктор два дня тому назад сказал, чтобы ближайшие три месяца крепче куриного бульона я ничего не употреблял. Да не стой, проходи уже!

Я переступил порог, потом закрыл за собой дверь.

– Извини, времени совершенно нет, так что рассказывай здесь.

– Знаешь, про меня в газете написали! – не удержался и сразу похвастался тезка. – Еще меня обещали грамотой наградить.

– С чего бы это? – я удивленно покосился на него.

– Корреспондент из газеты ко мне в палату приходила, сказала, что они сейчас собирают материалы на ряд очерков о подвигах комсомольцев Москвы, причем не только совершенные на войне, но и в гражданской жизни, а неделю назад эту статью напечатали.

– Значит, ты у нас, выходит... уголовник-герой. Так, что ли?

– Он еще и издевается, – и Костик с притворным огорчением покачал головой. – Что ж, смейся дальше. Спустя пару дней после выхода статьи ко мне пришли из райкома комсомола навестить. Ну, и сказали, чтобы пришел к ним, когда встану на ноги. Они мне там собираются торжественно вручить грамоту.

– Ладно. Как дальше жить думаешь?

– Пока не знаю. Время есть – подумаю. Ты же мне так в свое время сказал.

– Думай. Теперь вот еще что. Все равно будешь болтаться без дела, поэтому держи карточки и деньги. Бери самое вкусное, а то вдруг у меня появится возможность заскочить, а у тебя ни красной икры, ни сухой колбаски для гостя нет. Чем закусывать будем?

Он взял карточки и пачку денег.

– Ух ты! Толстая! – Поднял на меня глаза. – А сам чего?

– Времени нет. Совсем нет.

– Ты мне так и не сказал, Костя, чем занимаешься? Появляешься. Потом исчезаешь...

– Я работаю в управлении тылового обеспечения, поэтому постоянно в командировки езжу. Ревизии и все такое прочее.

Тезка внимательно посмотрел мне в глаза и хитро усмехнулся.

– Конечно-конечно. Я так и вижу тебя за столом, заваленным папками с бумагами. Кругом одни только справки, доверенности и накладные. Мне вот только одно интересно: ты на этих своих бумагах удары и приемы отрабатываешь?

– Не веришь? – Я достал из внутреннего кармана аккуратно сложенную бумагу и протянул ему. – Тогда посмотри на мое командировочное удостоверение.

Развернув лист, он быстро пробежал по отпечатанным на машинке строчкам, посмотрел на фиолетовые печати и растерянно уставился на меня:

– Так ты что? Не соврал?

Я забрал у него бумагу, положил в карман, потом нахмурил лицо и обиженным тоном заявил:

– Как я, простой советский гражданин, могу соврать другому советскому гражданину?! Да ни в жисть! Мамой клянусь! зуб даю, что все правда!

– Верю. Вот теперь верю! – И Костик рассмеялся.

– Вот и отлично! Теперь мне пора.

– погоди! Спасибо тебе большое, дружище! Ты не представляешь, что для меня сделал! Ты меня спас...

– Брось. Пока!

Бывший заместитель директора базы сидел на табурете и погасшим взглядом смотрел на следователя, который сейчас перебирал бумаги его дела. Нашел нужный лист, пробежал по нему глазами, а потом посмотрел на арестованного.

– Значит, вы, гражданин Голованов, утверждаете, что, подойдя к машине с чемоданом в руке, получили удар по голове и больше ничего не помните. Так?

– Да, гражданин следователь. Зачем вы опять меня об этом спрашиваете? Я уже три раза рассказывал вашим сотрудникам об этом нападении.

Следователь насмешливо посмотрел на арестованного. Он видел, да что там, почти знал, что проходящий по делу о крупных хищениях лекарств на складе № 17/1 Голованов Ипполит Захарьевич нагло врет. Вот только с какой целью? Когда дежурная группа прибыла по вызову на место происшествия, то увидела картину полного разгрома в комнатах и пьяного хозяина дачи. Увидев милиционеров, он стал кричать, что его ограбили. Оперативники и эксперты, внимательно осмотрев дом, решили, что все выглядит настолько неестественно, что слова хозяина о ворах, устроивших разгром, сочли, мягко говоря, сомнительными. С другой стороны, врач, прибывший на место происшествия, заверил сотрудников милиции в том, что гражданин Голованов был действительно оглушен и какое-то время находился без сознания. Но был еще один факт, свидетельствующий не в пользу хозяина дома. Когда прибывшие сотрудники милиции начали его опрашивать об обстоятельствах нападения, он заявил, что нес к машине чемодан и саквояж. Тогда его слова слышали несколько человек, но уже при составлении протокола он изменил показания. В них остался только один чемодан.

– Что за вещи были в чемодане, гражданин Голованов?

– Я уже говорил. Старое пальто. Ватник. Сапоги. Валенки с калошами. Все ненужное. Хотел продать. Сложил все это в чемодан, подошел к машине и только поставил чемодан на заднее сиденье, как в голове, словно бомба взорвалась. Очнулся уже дома, на полу. Все перевернуто и разбросано. Видно, воры ценные вещи искали.

– Когда к вам на дачу приехала милиция, вы заявили, что кроме чемодана у вас был похищен саквояж.

– Нет. Нет! Я тогда напутал, гражданин следователь. Кроме чемодана с вещами, у меня в руках ничего не было! Мне тогда плохо было. От удара голова кружилась, вот я и обмолвился.

– Пусть так. Это ограбление выделено в отдельное дело, если, конечно, впоследствии не удастся связать его с вашей преступной деятельностью на складе. На этом все. – Следователь снова покопался в папке с бумагами и вытащил несколько листочков с машинописным текстом, которые он придвинул бывшему заместителю директора базы. – Теперь смотрите!

– Что это?

– Это акт ревизионной комиссии, проведенной после проведения проверки на складе. Смотрите на эти итоговые цифры. Там проставлена сумма. Видите?

– Да. Вижу, – голос был тихий и дрожащий.

– Вы понимаете, что это для вас значит?

– Не... совсем, гражданин следователь. Подождите! Вы же не хотите сказать, что за это полагается... расстрел?

– Я не суд, гражданин Голованов, а следователь. Мне нужны ваши чистосердечные показания, на основе которых суд уже вынесет вам приговор.

Глава 10

С заданием нам на этот раз сильно повезло, и мы уже через три недели были в Москве. Весна. Солнце грело ярко, правда, не жарко. Набухшие почки только-только стали превращаться в маленькие клейкие зеленые листочки. Весело и звонко щебетали и пели птицы. Проезжая по улицам столицы, я сейчас думал не о весне, не о том, что снова остался живой и здоровый, и не о том, что меня ждет отпуск. Просто за обратную дорогу я кое-что проанализировал, а теперь подвел свои размышления к итоговой черте и окончательно решил, что мне просто повезло попасть именно в группу Камышева. Пусть мои действия были ограничены определенными рамками, но самостоятельности и свободы действий вполне хватало, как и адреналина в крови, чтобы чувствовать себя, как и прежде, вольным стрелком. Командир принял меня, какой я есть, не навязывая мне условий социалистической морали и пропуская мимо ушей недовольство нашего парторга Мирошниченко, который считал, что я халатно отношусь к занятиям по политучебе, что нет во мне живой активности как в обсуждении вопросов работ Ленина – Сталина, так и в их конспектировании.

– Ты разгильдяй и лоботряс, Звягинцев! – кричал на меня в таких случаях раздосадованный парторг. – Мы какую работу Ленина последний раз разбирали?!

– «Государство и революция». Эта работа Ленина датирована семнадцатым годом. Книга создана в период подготовки социалистической революции, когда вопрос о государстве приобрел для большевиков особую важность...

– Нечего мне демонстрировать свою память! И так знаю, что она у тебя хорошая! – перебил он меня. – Где твоя тетрадь?!

– Вот.

Он пошелестел страницами, затем, подняв глаза, сердито посмотрел на меня.

– Где выписки?! Где ссылки из текста?!

– Не успел, товарищ капитан.

– Почему твои товарищи все успевают, а ты нет? Вот ты мне прямо ответь на мой вопрос!

– Виноват, товарищ капитан.

– Ты мне зубы не заговаривай! Ты боец, каких еще поискать надо, а в политподготовке в хвосте плетешься! Почему не берешь пример со своих товарищей?! Сашко уже полгода в кандидатах ходит! Швецов на днях заявление на прием в партию подал! А ты?

– А что я?! Считаю, раз вы меня ругаете, значит не дорос я еще до настоящего строителя коммунизма, вот и не подаю заявления!

– Ты мне зубы не скаль, Звягинцев! Не будь ты отличным бойцом, я бы с тобою по-другому поговорил! Как ты понять не можешь, что политическая учеба – это не просто необходимые для нашей борьбы знания, это наше оружие с буржуазными идеями! Только досконально зная диалектику марксизма-ленинизма...

Вообще-то я неплохо вписался в коллектив, за исключением некоторого отчуждения, к которому, впрочем, ребята уже давно привыкли, считая это моей чертой характера. Но было еще одно «но», которое с точки зрения моих товарищей, может, и выглядело мародерством, но я всегда исходил из фразы: «Что с бою взято, то свято». Вот и на этот раз у немецкого майора я реквизировал отличные швейцарские часы и изящную фляжку с коньяком, украшенную то ли графским, то ли баронским гербом, посчитав, что мертвецу эти вещи без надобности. Камышев смотрел искоса на мое приобретательство, но ничего не говорил, зато Мирошниченко, как только выдавался момент, сразу начинал доставать меня на эту тему. Когда мы возвращались, он прочел мне очередную лекцию о том, что советскому человеку и комсомольцу не к лицу заниматься подобным делом. На что я ему ответил, что у меня, как у человека искусства, страсть к изящным вещам.

– Это мародерство, Звягинцев, как ни назови. Знаю, что ты хочешь сказать: не я один такой! Я и сам видел подобное на передовой, причем неоднократно, в финскую войну. Так там простые люди, солдаты, а ты офицер! К тому же студент! В столичном институте учишься! Тебе партия и народ поручают ответственные задания особой важности! Как ты не понимаешь, что мы должны быть чисты в своих мыслях и делах!

– Товарищ капитан, обещаю, что теперь буду это делать незаметно. Вдали от посторонних глаз.

Он посмотрел на меня тяжело, потом укоризненно покачал головой, после чего сказал:

– Что ты за человек такой, Звягинцев, никак тебя понять не могу!

Я промолчал. Мирошниченко какое-то время внимательно смотрел на меня, а потом снова заговорил:

– Тут я недавно беседовал о тебе с командиром. Знаешь, что он мне ответил? Он сказал: принимай его, Володя, таким, какой он есть!

Я снова промолчал, тогда Мирошниченко попытался сломать меня взглядом, но вскоре сдался:

– Ты не боец Красной Армии, а самый настоящий махновец! Исчезни с моих глаз, Звягинцев!

По возвращении, пройдя все процедуры и формальности, затем получив отпускные документы, я отправился домой. Приняв у себя дома ванну, переоделся и отправился в гости к Сафроновым. Дверь мне открыл Костик в солдатской форме. Если он при виде меня расплылся в радостной улыбке, то у меня лице явно читалось удивление.

– Здорово, тезка!

– Привет. Слушай, а ты чего так вырядился? Или в столице мода пошла на солдатские гимнастерки с погонами?

– Все потом! Ты давай, проходи!

Я посмотрел через его плечо в глубь квартиры.

– погоди, малыш, а что ты меня один встречаешь? Где, скажи на милость, твои папа и мама?

– Едут, дяденька. Через двое суток будут в Москве.

– Как едут?! Когда мы виделись в последний раз, ты сказал, что они через пару недель будут. Они что, окольными путями добираются, через Дальний Восток?

– Все просто, тезка. Мой папаша перед самым отъездом умудрился заболеть. Ну и с билетами у них не сразу получилось.

– Ясно.

Я вошел, огляделся. Все по-прежнему. Костик поставил на стол бутылку вина и бутылку водки, потом притащил пару банок консервов, хлеб, небольшой кусок копченого сала и половину кольца «Краковской».

Я придал себе недовольный вид.

– Это что? И все? А где мясное ассорти и заливная осетрина?

К моему удивлению, тезка вдруг потерял чувство юмора, приняв мою шутку всерьез.

– Извини, Костя, но половину твоего продовольственного аттестата я отдал соседке. У нее двое маленьких детей и муж, вернувшийся с фронта без ноги. Тяжело ей сейчас.

«Что-то Костик быстро меняться стал. То как мотылек порхал...»

– Отдал так отдал. Давай рюмки. Как там Сашка?

– Уже воюет наш лейтенант Воровский. Пару дней тому назад от него письмо пришло. Потом дам почитать. Ты надолго на этот раз? Или опять на пару часов?

– Дней пять буду. Гуляем?

– Гуляем!

Выпили. Закусили. Снова выпили.

– Так чего ты гимнастерку надел, тезка?

– Неделю как зачислен на курсы телефонистов-релейщиков. Мне туда направление дали от райкома комсомола, после моего выступления на собрании. Так что через полтора месяца – на фронт.

– Ты не подумал о том, что эту войну и без тебя выиграют?

– Знаешь, не подумал! Зато до сих пор помню, как ты на меня тогда смотрел! Думаешь, не понял?

– Ты мне загадками не говори!

– Помнишь, прошлый раз, когда я тебе сказал, что испугался армии и попросил отца сделать мне бронь, ты тогда презрительно на меня смотрел! Дескать, что ты за мужчина! Война идет, а он в тылу отсиживается! Скажешь, не так?

– Было такое. Отрицать не стану. Только к чему ты клонишь?

– Знаешь, у меня было время подумать. Несмотря на твое такое отношение, ты меня тогда не бросил! Помог! Еще как помог! Из такого болота вытащил! Вот я и решил, что меня твоя снисходительность не устраивает. Какая у нас может быть дружба, если ты в героях ходишь, а я трусом в твоих глазах выгляжу! Да и сам хочу доказать себе, что я мужик! Понимаешь?! Настоящий мужчина!

«А Мирошниченко говорит, что я только плохие примеры подаю. Услышал бы он сейчас эту пламенную речь, наверное, прослезился бы от радости».

– Что ж, ты выбрал свою дорогу. Тебе по ней и идти.

– Пойду! Не сомневайся! Знаешь, я тут пару раз навещался в институт. Видел кое-кого из сокурсников, со многими разговаривал. Парня из нашей группы встретил, Сергея Крупнина, он воевал на Украинском фронте. Инвалидом стал. Сказал, что левую кисть руки осколком бомбы как острым ножом обрезало. У самого лицо спокойное, а глаза неподвижные и смотрятся так, словно из стекла вырезаны. Несмотря на то что они у него были сухие, у меня осталось такое ощущение, будто его душа плачет... – говоря это, Костик нервно передернул плечами, но продолжать не стал, а вместо этого неожиданно произнес тост: – Давай, Костя, выпьем за тех, кто никогда не вернется домой!

Выпили. Снова какое-то время говорили, пока мне в голову не пришла мысль поменять обстановку.

– Не пойти ли нам в ресторан, друг мой Константин?

– Действительно! Почему не пойти двум советским людям в ресторан, в свободное от войны время?

– Только ты в гражданку переоденься, товарищ рядовой телефонист.

– Так точно, товарищ младший лейтенант!

Пока он переодевался, я выпил на посошок, закусил и вдруг подумал о том, что часть моего гардероба должна висеть в шкафу Костики.

– Эй, друг! Ты мои вещи еще в ломбард не заложил?

Тот выглянул из своей комнаты, засмеялся и, ничего не говоря, махнул рукой, подзывая. Войдя к нему, я посмотрел на висевший в открытом шкафу костюм. Совершенно новый. Надел его после того, как пошил, только один раз. Стал переодеваться, одновременно глядя, как Костик крутится возле моей гимнастерки с медалями.

– Слушай, дай мне одну на время! Пофорсить!

– Все! Больше Константину Павловичу не наливать! Пошли!

– Эй! Почему мне нельзя медаль поносить?

– Да потому что есть указ 2/43, согласно которому за незаконное ношение награды могут отвесить до года тюрьмы. Хотя для такого матерого уголовника, как ты, такой срок... просто плюнуть и растереть!

– Все! Больше ни слова! – резко махнул рукой Костик. – Идем!

– Погоди! – Я подошел к зеркалу.

Костюм, сидевший на мне как влитой, был шоколадного цвета. Рубашка из крученого шелка. Ботинки тупоносые, простроченные. Ну и, конечно, шляпа темно-коричневого цвета с широкой темной лентой на тулье. Сдвинул шляпу чуть наискосок:

– А вот теперь пошли!

В ресторане я не был с памятного 1941 года. Как и тогда, ярко светили громадные люстры под потолком, на столах лежали белоснежные скатерти, а в зале неспешно работали официанты, разнося блюда и принимая заказы. Несмотря на то, что вечер еще только наступал, в зале было довольно много народа. В своем большинстве, офицеры.

Солидная купюра, с ходу врученная официанту, помогла нам сесть за столик на двоих, у самой стены. Музыка еще не играла, а сами музыканты, сидя на сцене, только настраивали свои инструменты. Присмотрелся. Фронтовиков было немного. Усмехнулся про себя. За последние полтора года я легко научился отличать боевых офицеров от тыловиков. Официант с ходу принес два заказанных графинчика, по триста граммов. С вином и водкой. Вечер еще только начинался, поэтому разгон надо было набирать постепенно.

– Что будем заказывать? Ассортимент у нас сейчас небогатый, время такое, сами понимаете, но предложить кое-что можем. Из закусок рекомендую: буженина, колбаса сырокопченая, горбуша слабосоленая, соленые огурчики и грибы...

Я согласно кивнул головой и сделал подтверждающий жест рукой: давай.

– Из горячего могу посоветовать: котлеты с жареной картошкой с лучком и на сале...

– То что надо! – перебил я его. – Горячее через час принесите.

– Как скажете.

Костя уже прошелся взглядом по ближайшим столикам, в поисках подходящих кандидатур женского пола для дальнейшего знакомства. Вскоре пришел официант и поставил на стол тарелки с закусками, затем пожелал приятного аппетита и удалился. Заиграла музыка. Мы выпили, потом приняли по второй и с аппетитом принялись за закуску. Перекусив, я стал слушать музыку, а Костик пошел знакомиться с какой-то девушкой. Музыка, легкое опьянение, легкая и веселая атмосфера как-то неожиданно быстро растопили во мне холодный комочек напряжения, который нередко оставался внутри меня еще долгое время после выполнения задания. Ушли, растворились где-то в глубине меня холодные, промозглые ночи, белесые от ужаса глаза немецкого майора, увидевшего занесенный над ним нож, белый, мертвый свет осветительных ракет на нейтральной полосе. Я снова вернулся в мир, где продается газировка с сиропом за три копейки, веселые люди пьют шампанское, девушки улыбаются молодым людям, а в воздухе звучит веселая и жизнерадостная музыка. Неожиданно, словно пробившись сквозь какую-то завесу, до меня донесся голос Костика:

– Ты что, спишь с открытыми глазами? Говорю тебе...

– Я слушаю тебя.

– Ты не слушай, а смотри чуть левее от эстрады. Вон там, около колонн, столик на шесть персон. Там компания сейчас рассаживается.

Я нашел глазами тот столик, о котором он говорил и... замер от неожиданности.

– Вот так номер! – неожиданно вырвалось у меня.

– Ты что, их знаешь? – сразу заволновался Костик. – Вон ту тоже? Красавицу из восточной сказки?

– Вот ее как раз и знаю. Зовут Таня.

– Познакомишь?!

– Сам подходить не буду и тебе не советую. Так как ты все равно не отстанешь, сразу скажу: у нее папа в комиссарах госбезопасности ходит.

– Ну почему так? Как красивая девушка, так папа обязательно... комиссар. Ладно! Тогда посмотри туда. Девушки сидят. Одна в зеленом, другая в синем платье. Начнутся танцы, подойду, познакомлюсь. Ты как сегодня настроен?

– Время покажет, – я усмехнулся. – А пока давай махнем.

Через час зал наполнился до предела. На эстраду вышла певица. Видно, ее хорошо знали, так как в зале сразу захлопали. Ее стройная фигура была затянута в длинное белое эстрадное платье с серебристыми блестками, а на голове, в тон платью, надета серебристая чалма, украшенная длинным ярко-синим пером. Молодым и звенящим голосом она пела простые, задушевные, лирические песни. Временами хлопало открытое шампанское, звучали разнообразные тосты, слышался женский смех. Вечер набирал обороты. Кавалеры приглашали женщин и девушек и кружились с ними в танце. Костя уже трижды водил в танце подруг, которых себе наметил. Правда, не обошлось без конкурентов. Майор, с голубыми просветами на погонах и двумя орденами, несмотря на свой зрелый возраст, довольно лихо отплясывал и за словом в карман не лез, заставляя смеяться девушек. Другой был старший лейтенант с медалью «За боевые заслуги», которую он, судя по всему, заслужил за канцелярским столом.

Уже в этом времени я научился танцевать, и вроде получалось неплохо, но это было сделано мною для того, чтобы наиболее полно соответствовать роли советского студента. С Таней мы встретились глазами, синхронно кивнули головами в знак того, что узнали друг друга. И на этом все. Она была с компанией. Еще две девушки и трое мужчин сидели за столиками. Они немного пили и много танцевали. Расстояние между нашими столиками было сравнительно большое, поэтому только изредка слыша отдельные фразы громко произнесенных тостов, можно было догадаться, что там празднуют день рождения одной из девушек. Сначала я принял их за компанию отпрысков облеченных властью товарищей, но судя по обстановке, царящей за столом, через какое-то время поменял свое мнение, так как один из тостов, услышанных мною, был поднят за клятву Гиппократу, а значит, часть из них работала где-то в больнице или госпитале. Как только начинала играть танцевальная музыка, к Тане то и дело подходили мужчины с приглашением потанцевать. Чаше она отказывала и танцевала с кем-нибудь из мужчин своей компании.

«Интересно, отказала бы она мне?»

Мне почему-то захотелось получить ответ на этот вопрос. Тогда я задал себе вопрос: может, мне эта девушка нравилась больше, чем я считал? Нет, тут же ответил сам себе, на данном этапе жизни мне нужны надежные и безотказные, как трехлинейки, подруги. Вроде Оленьки. После чего продолжил слушать музыку, есть горячее и пить водку, но скоро заметил, что недалеко сидящая от врачей компания хорошо одетых молодых парней, явно перебрав, потеряла чувство меры и стала проявлять слишком пристальное внимание к девушкам с соседнего столика, причем его львиная доля доставалась Тане. Не только мне не понравилось их поведение, но и тройке офицеров-фронтовиков, сидевших за соседним с ними столиком. Они быстро вразумили пьяную молодежь. Те сразу затихли и только изредка исподтишка бросали на них злые взгляды. Приближался комендантский час, зал постепенно стал пустеть, люди расплачивались и уходили. Ушли и офицеры, осадившие зарвавшуюся молодежь. Я посмотрел на часы. Без десяти девять.

«Надо выдвигаться. Пока дойдем...» – только я так подумал, как увидел, что пьяная четверка, рассчитавшись с официантом, подошла к столу с восточной красавицей и, что-то негромко им сказав, а вернее, пригрозив, направилась к выходу, слегка пошатываясь. Что это была угроза, стало видно по испуганным лицам девушек и нахмуренным – у молодых людей. Хотя они старались сделать вид, что ничего не произошло, и даже подняли бокалы под еще один тост, но сейчас даже со стороны их веселье выглядело искусственным. Когда-то в той жизни, в юности, я походил на этих пьяных парней, был таким же наглым и задиристым, но

прожитая мною жизнь быстро расставила все на свои места. Люди пришли отдыхать, так зачем им портить настроение? Тем более такой красивой девушке. Решение я принял быстро.

– Костик, – сказал я другу, тот как раз вернулся к нашему столику после танца с девушкой, – десять минут тебе на то, чтобы окончательно договориться с подругой. Шляпу мою возьми, а затем жди меня метрах в пятидесяти от входа в ресторан. В направлении остановки. Все понял?

– Что произошло?

Не отвечая, я кинул деньги на стол и пошел к выходу. Проходил мимо столика врачей в тот момент, когда они рассчитывались с официантом, и не заметил, как мне вслед посмотрела Таня.

Пьяная компания стояла недалеко от входа, подальше от яркого света, падающего из ресторана. Они чему-то смеялись, когда я подошел к ним.

– Курить есть, мужики?

Двое из них как раз курили. Один из них буркнул, что нищих в Москве что-то много развелось, а второй кинул недокуренную папиросу на землю и небрежно, сквозь зубы, процедил:

– Вон там лежит. Можешь взять!

Их смех еще звучал в воздухе, когда доморощенный юморист, получив удар ногой в низ груди, сильно дернулся всем телом, перед тем как тяжело рухнуть на землю. В следующую секунду, стремительно сократив расстояние, я резко ткнул кончиками пальцев в основание глотки второго парня. Пока тот, хрипя, оседал на землю, я разбил ребром ладони переносицу третьему и затем, уже со срывом дистанции, заехал локтем в челюсть последнему отморожку. Он еще падал, когда я, развернувшись, торопливо зашагал к остановке, держась темной части улицы.

Народ быстро сбегался на их стоны и крики. Кто-то пытался оказать им помощь, кто-то кричал, что надо вызвать милицию. Я наблюдал за всей этой суматохой в отдалении, дожидаясь Костю, который задерживался. Когда донжуан московского разлива появился в окружении двух девушек, я ехидно поинтересовался:

– Что так долго? Никак выбрать не мог?

– Это мы с Верой виноваты. Задержали Костю, чтобы посмотреть, что там случилось, – пояснила стройная брюнетка с вздернутым носиком и большой грудью. – Там хулиганы кого-то избили! И никто ничего не видел! Вы когда проходили...

– Извините меня, милые девушки! На фронте я совсем отвык от элементарных правил приличия! Меня зовут Костя. И не смотрите на меня так. Это мы не специально придумали.

– Мы уже знаем. Меня зовут Наташа, – в свою очередь представилась брюнетка.

На место происшествия первым приехал милицейский наряд на мотоцикле, за ним спустя какое-то время подкатил милицейский автобус почти одновременно с автомобилем «скорой помощи». При виде прибывшей милиции народ стал быстро расходиться, а спустя час, после обхода свидетелей и работников ресторана, один из оперативников подошел к следователю и уныло сказал:

– Никто ничего не видел! Ничего странного, ничего необычного! В ресторане было тихо, вот только эта четверка, перепив, начала приставать к людям, но офицеры-фронтовики их быстро на место поставили, после чего вскоре ушли. Так как время шло к комендантскому часу, народ стал уходить из ресторана. Швейцар говорил, что слышал, как кто-то пару раз вскрикнул, а затем все стихло. Посчитал, что парни между собой выясняли отношение. Видимо, не поделили девушку. Весна. Кровь молодая играет.

– Ты мне давай тут без лирики! Время? Когда это было?

– Это не я говорю, а слова швейцара передал. Это произошло где-то в начале десятого. Точно он не помнит. Так что, если кто мельком и видел, что произошло, так они уже по пути домой.

– Просто отлично, – буркнул следователь. – Никто ничего не видел и не слышал, вот только четверо парней остались лежать на земле. Этот неизвестный или неизвестные весьма хороши в рукопашном бою, не так ли, Грошев?

– За несколько минут так отделать четырех крепких парней – это уж точно надо умельцем быть. А где у нас такие специалисты есть, Василий Константинович?

– Ты думаешь... Нет, только не это. Хотя, с другой стороны, если это каким-то боком касается государственной безопасности, то у нас это дело могут забрать. М-м-м... Что было бы весьма неплохо. Хм. Кстати, Грошев, где твой Симченко? Пусть документы потерпевших...

В следующую секунду следователя перебил взревевший двигатель мощной машины, которая вынеслась из-за угла на полной скорости и затормозила прямо перед рестораном. Тонко и противно взвизгнули покрышки, когда автомобиль резко затормозил. Передняя дверца распахнулась в тот же миг, как машина остановилась. Из нее выскочил капитан-порученец и подскочил к задней дверце, затем распахнул ее и замер навтыжку. Из темноты салона наружу важно вылез незнакомый милиционерам человек в папаше, с генеральскими звездами на погонах. Оперативник при виде его негромко усмехнулся:

– Никак сынку генеральскому приложили.

Следователь недовольно посмотрел на него:

– Чему радуешься, Грошев? Если это так, то теперь мы пахать будем двадцать четыре часа в сутки, не разгибая спины, пока не найдем этого драчуна.

Спустя два дня мы с Костиком поехали на вокзал, чтобы встретить чету Сафроновых. Павел Терентьевич действительно имел нездоровый вид, несмотря на то, что прошло столько времени с начала его болезни. Приехали к ним домой, где немного посидели за столом, а потом я стал прощаться, так как путешественники настолько устали, что даже этого не скрывали. Зевали во весь рот и терли слипшиеся глаза. Распрощавшись, поехал к себе домой.

Дни летели быстро, несмотря на выматывающие тело тренировки и занятия по специальным дисциплинам. За май и два с половиной летних месяца нас три раза забрасывали в немецкий тыл. Круговорот заданий, тренировок и занятий просто захлестнула. Мне еще никогда не приходилось воевать так долго и с таким напряжением сил и нервов. Даже моя натренированная годами войны (множеством перенесенных нагрузок, немыслимых для обыденной мирной жизни) психика была на пределе. За это время погибли Ваня Дубинин и Леня Мартынов, а с ними двое новичков, только пришедших к нам в группу. Были легко ранены Мирошниченко и я, но нам даже не дали нормально долечиться. Всем нам нужна была серьезная передышка. Камышев это прекрасно сознавал и пытался исправить положение, но ему каждый раз отвечали:

– Люди на фронте каждый день гибнут тысячами, а вы что, отдыхать собрались? Когда вся страна в едином порыве...

Единственным плюсом от этого непрерывного круговорота были отправляемые Камышевым на нас наградные листы, которые подписывались высоким начальством без промедления. Так к моим медалям прибавился орден Красной Звезды.

Последнее задание было очень тяжелым. Почти сутки пришлось уходить от погони, а затем два дня, без еды и воды, отсиживаться на болоте. Именно там, в зеленой жиже, мы похоронили еще одного новичка, получившего тяжелое ранение, а при переходе линии фронта был тяжело ранен сам Камышев.

Не знаю, как остальные, но стоило мне узнать, что командир будет жить, я обрадовался, причем не столько заверению врача, сколько тому, что мы наконец получим долгожданный

отдых. Исходил из того, что нашему командованию сначала придется подбирать полноценную замену командиру, которому еще потом придется принимать на себя обязанности и срabываться с коллективом. Значит, по моим расчетам, наша группа могла как минимум рассчитывать дней на десять-двенадцать отдыха. По прибытии в часть мы узнали, что Камышева транспортным самолетом уже доставили в Москву, в спецгоспиталь ГБ, где ему сделали операцию. Узнав об этом, сразу решили, что на следующий день пойдем все вместе и навестим командира.

Госпиталь встретил нас запахом карболки, хлора, специфическим шумом, состоящим из стуков костылей и шуршания колесиков носилок, словами и фразами, которые просто неотъемлемы для подобных учреждений.

– Иванов, Сапожков, Урманов, живо на перевязку! Колоть два раза в день! По два кубика внутривенно! Татьяна Васильевна, срочно готовьте Тяпнева из шестой к операции! Ефимов! Ты чего здесь?! Живо в процедурную!

Вся наша группа носила темно-красные нашивки за ранение, за исключением Феди Зябликова, от которого, как шутил Паша, пули бегали. Имея круглое краснощекое лицо и курносый нос, он вообще не походил на парашютиста-диверсанта, у которого за плечами три выброса во вражеский тыл и десяток убитых фашистов. Сейчас он шел среди нас с гордо выпяченной грудью, на которой висел недавно полученный им орден Красной Звезды.

Дошли до офицерского отделения, где сестра выдала нам халаты и направила к лечащему врачу, закрепленному за палатой, где лежал подполковник Камышев. Его мы нашли на половине дороги, в коридоре, где он разговаривал с... Таней. Девушка была в медицинском халате, на ее голове была белоснежная шапочка, а на шее висел стетоскоп.

«Она работает врачом, и это при папаше-комиссаре? Чудеса, да и только».

– Извините, что вынужден прервать ваш разговор. Нам сказали, что вы доктор Моргулин, – обратился к нему Мирошниченко.

– Да. Это я, товарищи. Танечка, извини, пожалуйста, потом договорим.

– Ничего, Иван Сергеевич. Я пойду.

Врач развернулся к нам:

– Чем могу быть полезен?

Девушка сделала несколько шагов, потом остановилась рядом со мной, улыбнулась и сказала:

– Здравствуйте. Я вас не сразу узнала. Вы в форме совсем по-другому выглядите.

– Здравствуйте. Зато я вас везде сразу узнаю. Хоть в вечернем платье, хоть в медицинском халате. Хотя... – я сделал паузу, – честно говоря, не ожидал вас здесь увидеть.

Девушка чуть-чуть нахмурилась.

– Тогда где, в вашем понимании, мне место?

– Вы зря обижаетесь. В моих словах...

– Костя! Звягинцев! Идем! Скорее!

– Вот так всегда. Не дадут поговорить с красивой девушкой. Извините меня, но я спрошу прямо: вы не хотите встретиться со мной сегодня вечером?

– Не могу. У меня сегодня дежурство, – это было сказано быстро и резко, так что ее слова я посчитал за отказ.

«У нее, наверное, таких предложений с десяток за день».

– Извините. Рад был вас увидеть. До свидания.

– До свидания.

Я быстро догнал парней, которые сразу забросали меня вопросами. Откуда знаешь? Где познакомился с красавицей? Счастливчик! Повезло человеку! Но вопросы, на которые я не собирался отвечать, сразу прекратились, стоило нам оказаться за порогом палаты. Так как это был четвертый день после сложной операции, нам дали на разговоры всего двадцать минут.

– Как чувствуете себя? – первым делом поинтересовался Мирошниченко.

Командир слабо усмехнулся:

– Отлично. Как все... прошло?

Капитан коротко отчитался, затем ребята наперебой стали рассказывать, что все отлично, на улице лето, ходят девушки в красивых открытых платьях, а командир еще холост. А это непорядок! Да еще где-то фашисты недобитые бегают, поэтому пусть командир прекращает валяться в кровати. На радостях парни так сильно расшумелись, что прибежавший на шум врач состроил сердитое лицо и принялся нас отчитывать:

– Вам тут что, товарищи офицеры, цыганский табор, что ли?! Вы бы еще тут пляски устроили! Ваши голоса через три палаты слышно! Тут тяжелые больные лежат! Им покой нужен! Все! Свидание окончено! Уходите!

Выйдя из госпиталя, мы разбежались в разные стороны. Мирошниченко – к жене и детям, Леша Смоленский пошел или к матери или к невесте, а Дима Сашко и Паша Швецов – к своим девушкам. У остальных ребят тоже были свои дела. Много дел. Им, приехавшим из глубинки, столица до сих пор казалась миром чудес, которые непременно надо увидеть, пощупать, попробовать. Я, как и в прежней жизни, продолжал оставаться одиночкой. К тому же у меня своих дел хватало, и в первую очередь по домашнему хозяйству. Я давно собирался купить мебель для спальни и столовой своей квартиры, а также несколько комплектов постельного белья. Нужны были полотенца, скатерть... Так что неделя за всеми этими хлопотами пролетела незаметно.

За сутки до сбора мы должны были звонить дежурному части, где квартировали, и узнавать, нет ли для нас какого-нибудь срочного приказа. Я рассчитывал, что дадут отбой и у меня будет еще несколько дней для отдыха, но мои расчеты не оправдались. Наше руководство поступило хитрее. Командование прекрасно понимало, что полноценную замену Камышеву в короткие сроки найти нельзя, а для разведки и диверсии командиром сойдет и его заместитель Мирошниченко. Они были правы. По знанию людей и планированию тонких комбинаций Камышев был на две головы выше своего заместителя, зато как разведчик и диверсант тот шел с командиром наравне.

Прибыв в нашу казарму, я вдруг неожиданно увидел, кроме наших парней, трех незнакомых офицеров. Полковник с седыми висками и озабоченным хмурым видом... Недалеко от него стояли два старших лейтенанта. Обоим лет под тридцать. Крепкие, плечистые парни, и взгляд соответствующий – жесткий и цепкий. На груди у обоих офицеров были нашивки за ранение, ордена и медали. Моя интуиция при виде этих людей тихо взвыла.

«Военная разведка. Им чего здесь надо?» – недовольно подумал я, затем подойдя строевым шагом к старшему по званию, кинул руку к фуражке:

– Товарищ полковник...

Тот просто отмахнулся от меня, не прерывая тихий разговор с Мирошниченко. Я отошел к нашим ребятам. Тихо спросил:

– В чем дело, парни?

Получив ответ, что ничего неизвестно, приготовился ждать. Скоро вслед за мной пришли Паша Швецов и Дмитрий Дольский, из новичков. Теперь вся наша группа была в сборе. Мирошниченко, увидев, что все собралось, встал.

– Товарищи офицеры, разрешите представить вам товарища полковника, Рокотова Илью Владимировича, из разведывательного управления. Он изложит нам суть предстоящего задания.

– Товарищи офицеры! – Полковник встал. – Буду говорить кратко. На ближайшее время намечено наступление наших войск. Направление определено, войска стянуты и находятся на позициях, вот только неожиданно к нам поступили сведения о какой-то перегруппировке в тылу противника, причем именно в направлении нашего главного удара. Об этом нам сообщили партизаны, действующие в тех местах, после чего их рация замолчала. Мы сразу подключили авиаразведку, но ничего нового, за исключением обычных передвижений в немец-

ких тыловых частях, она не показала. Тогда было принято решение сбросить через линию фронта три группы разведчиков. Одна из них вышла на связь сразу при приземлении, но потом замолкла. В следующую ночь – вторая, которая просто бесследно пропала. Самолет с третьей группой был подбит при полете к цели, часть разведчиков успела выпрыгнуть, но судьба их нам неизвестна. Одновременно с ними через линию фронта командование отправило одну за другой четыре группы пеших разведчиков. Задача у них была одна: захватить офицера, но все попытки оказались неудачными. К чему я вам это говорю, товарищи офицеры?! Вы должны проникнуться всей важностью поставленной перед нами задачи и подойти со всей ответственностью к ее решению! Сейчас именно на вас возложены наши надежды! Именно от вас зависит, насколько сильным и неожиданным будет наш удар! Помните, что успешное выполнение вами задачи спасет десятки тысяч жизней наших солдат!

Дальнейшее выступление я пропустил, пытаясь разложить по полочкам полученную мною информацию.

«Армейская разведка облажалась по полной программе. Сроки прошли, докладывать нечего, начальство рвет и мечет. Вот только почему мы? Непонятно, зато понятно другое. Из нас решили очередных смертников сделать. Вот только хрен им!»

– ...теперь о сроках! Вам дано два дня на подготовку и три дня, это предельный срок, на выполнение задания!

После его слов наши парни стали переглядываться. Никогда у нас такого не было. Нормальное время подготовки – от двух до трех недель, правда, в последнее время, его урезали до двух недель. Но два дня?! Полковник видел, какое впечатление произвели его слова, поэтому обвел нас всех глазами и только потом продолжил:

– Да, это предельно жесткие сроки! Командование это прекрасно понимает, поэтому усилило вашу группу двумя армейскими офицерами, опытными разведчиками! С вашей группой еще пойдут два радиста. Вопросы есть?

– Товарищ полковник, разрешите обратиться? – поднялся Швецов. После кивка полковника он продолжил: – Новые люди. Нам надо с ними сработаться – и два дня...

– Товарищ старший лейтенант, эти сроки определил не я, а верховное командование! Это приказ! Вы все – советские офицеры, комсомольцы и коммунисты! Вам оказал доверие народ и коммунистическая партия! Это налагает на вас...

Когда он закончил, пришла моя очередь спросить:

– Товарищ полковник, разрешите обратиться?

– Обращайтесь!

– Почему в этот поиск идем именно мы? Ведь это стандартная задача для армейской разведки!

Мирошниченко, стоящий чуть позади полковника, бросил на меня злой взгляд, но этого показалось ему мало, и он мне показал кулак. Дескать, пусть только он уйдет, ты у меня получишь! Мой вопрос был задан с тайным умыслом. Полковник должен был, следуя элементарной логике высокого начальства, задать мне прямо в лоб вопрос: что, лейтенант, трусил?! На что у меня уже был готов ответ: как все нормальные люди, хочу жить. После чего, я так надеялся, меня отчислят из состава группы, как не оправдавшего доверия, а уже затем, исходя из обстоятельств, буду думать, как жить дальше.

После заданного мною вопроса наступила тишина, и я оказался в перекрестье взглядов. Кто смотрел на меня осуждающе, у кого в глазах стоял вопрос: как ты умудрился такое ляпнуть, Костя? Мне было плевать, что обо мне думают, я напряженно ожидал реакции полковника. Вот только она оказалась неожиданной для всех и в первую очередь для меня, так как к такому варианту ответа я оказался совершенно не готов.

– Вопрос был задан правильный. Мне не хотелось говорить об этом, но прямо сейчас понял, что вам, товарищи, надо знать правду. Мы подозреваем, что за нашими провалами стоит

немецкий шпион. Именно поэтому операцию передали вашему управлению. Еще вопросы есть? Нет? Тогда на этом все, товарищи офицеры!

Когда полковник ушел, ко мне подошел Мирошниченко и тихо, со злостью в голосе, сказал:

– Я тебе, Звягинцев, это еще припомню!

Мои неизвестно откуда взявшиеся бойцовские качества и боевой опыт не давали парт-оргу покоя, о чем нетрудно было догадаться. К тому же я отличался своим поведением от остальных парней нашей группы, как ни старался это скрыть. Это тоже сильно раздражало Мирошниченко, который считал, что все мы, как один, должны соответствовать образу строителя коммунизма, и то, что я в него не вписывался, его сильно беспокоило. Он изо всех сил старался переделать меня, выкорчевать из меня те пережитки прошлого, которые мешали мне (он так считал) стать сознательным гражданином, верным идеям коммунистической партии. Следом подошел Паша Швецов, который сменил погибшего Мартынова на посту комсорга:

– Если бы я тебя не знал, Костя, то подумал, что ты отъявленный трус. Это, конечно, не так, но сразу тебе говорю, этого я так не оставлю! Вернемся после задания, и я сразу поставлю вопрос о твоём безответственном поведении, порочащем имя советского офицера, на комсомольском собрании!

– Вернемся – отвечу, – раздраженно буркнул я в ответ.

– Товарищи офицеры! – раздался голос Мирошниченко. – Подойдите!

Мы собрались возле висевшей на стене карты.

– Задача перед нами стоит простая и в то же время очень сложная. Нам надо пройти по двум этим квадратам. Смотрите! Показываю на карте, – капитан тупым концом карандаша обвел два серо-зеленых квадрата. – Основа нашего задания заключается в следующем: захватываем пленных, развязываем им языки, а полученные данные передаем командованию. Действовать нам надо будет быстро, а поэтому передвигаться будем на захваченной у врага технике. Командование особенно интересуется...

Спустя двое суток в нашем бараке появились два последних члена нашей группы. Радисты. Сержант-разведчик Миша Кораблев. За плечами у него было четыре ходки в тыл врага и медаль «За боевые заслуги». И девочка Маша. Так я ее назвал про себя из-за маленького роста, стоило мне ее только увидеть. Своими большими синими глазами она мне напомнила Наташу Васильеву. У Маши Урусовой не было той красоты, зато было очень милое и хорошее лицо. Родом она была из Ленинграда и буквально на днях узнала о смерти своих родителей и младшего брата. За плечами у нее была трехмесячная работа в тылу врага в составе разведывательно-диверсионной группы и тяжелое ранение.

Новички, которые были приданы нашей группе, были опытными, смелыми и решительными людьми, но этого было мало, надо понимать друг друга с полуслова, знать, как поведет себя твой товарищ в экстренной ситуации. Вот этого мы не знали. Был еще один минус. Так как нам придется действовать в непосредственной близости от противника, то мы собирались действовать под видом фрицев, а к форме необходимо знание немецкого языка. Из группы могли сойти за настоящих немцев только я и Камышев. Еще могли сойти за фрицев, при простом и непродолжительном разговоре, Мирошниченко, Леша Смольский, Швецов и Сашко. Зябликов и Дольский знали язык в объеме средней школы. Теперь к ним можно было причислить еще троих – радистов и армейского разведчика Гришу Мошкова. Второй, старший лейтенант Саша Ветров, выгодно отличался от них, но это стало ясно, когда мы узнали, что у него за плечами школа военных переводчиков.

Потом приехал капитан из шифровального отдела. Василий Владимирович Никольский. В нем сразу чувствовалась интеллигентность. Да и внешность была по стать какому-нибудь профессору – преподавателю столичного университета. Лет под пятьдесят, лицо строгое, на носу очки. Со всеми он познакомился обстоятельно и, что удивительно, запомнил наши имена

и фамилии с первого раза. Как мы потом убедились, память у него была просто фотографическая. Не теряя ни минуты, он сразу посадил нас заучивать наизусть таблицу кодов и детально изучать карту местности, на территории которой нам предстояло действовать. Она была разбита на восемь квадратов, каждый из которых получил название какого-либо дерева. Ольха, береза, дуб... В свою очередь, эти «деревянные квадраты», как мы их сразу окрестили, были разбиты еще на четыре квадрата. Всем родам войск, танковым частям, артиллерии, пехоте, штабам были присвоены цифровые коды.

– Теперь вы, Звягинцев, – он тыкал указкой в карту. – В этом квадрате вы обнаружили штаб двадцать первой немецкой танковой дивизии. Что вы передадите радисту?

– Береза-три. 11-21-ТД.

– Хорошо. Садитесь.

– Сашко! Вы обнаружили пехотный полк...

С радистами он работал отдельно. Перед самым вылетом мы узнали, что позывным нашей группы стало слово «рассвет».

При подлете к цели неожиданно выглянула из-за туч луна. Гул самолетных двигателей немцы, видно, засекли давно, но не стреляли, так как самого самолета не видели, а тут его им подали, как говорится, на «блюдечке с голубой каемочкой». Зенитные батареи не заставили себя долго ждать. Транспортник трянуло раз, второй, третий. Быстро повернувшись, мы приникли к иллюминаторам. В воздухе вокруг нас замелькали облачка разрывов зенитных снарядов. Вдруг пол резко ушел из-под наших ног, самолет пошел на снижение. Спустя пару минут из кабины выглянул штурман и крикнул, что самолет приближается к месту выброски. Не успела за ним закрыться дверь, как инструктор громко скомандовал:

– Приготовиться!

Мы сразу выстроились в цепочку. Стоило инструктору распахнуть дверцу бортового люка, как по ушам сразу ударил оглушительный рев моторов. Время словно остановилось. Наконец, над кабиной пилотов замерцал зеленый огонек.

– Первый пошел!! – крикнул во весь голос инструктор. – Второй пошел!..

Когда пришла моя очередь, я уже был готов шагнуть в темный провал люка, но в этот самый миг транспортник сильно и резко качнуло, одновременно по обшивке застучали осколки разорвавшегося рядом зенитного снаряда. Меня сильно шатнуло, и только с большим трудом удалось удержаться на ногах.

«Время! Скорее вниз!» – этой мыслью я рванулся к люку и прыгнул в темноту. Сброс парашютистов должен был занять минимально короткое время, чтобы люди не разлетались далеко друг от друга, а значит, быстрее собрались на месте высадки. Сегодня это жесткое правило, пусть случайно, при непредвиденных обстоятельствах, было нарушено. Я попытался отследить с высоты спускающиеся купола парашютов наших разведчиков, но так и не смог ничего разглядеть. Теперь надо было рассчитывать только на то, что они нас видят, а собравшись, направятся как можно быстрее в нашу сторону. Грузового контейнера у нас не было. Форма, оружие и маскхалаты – все это было немецкого образца. Кроме того, у каждого был сухой паек на три дня и запасные батареи для раций.

Приземлился я очень удачно, на самой опушке леса, а из-за задержки во времени у меня был шанс повиснуть на дереве, а то и вовсе, скользя по ветвям, со всей дури грохнуться об землю. Выкарабкавшись из-под полотнища, сразу посмотрел вверх и засек только два опускающихся парашюта. Где еще один? Быстро огляделся. За спиной стоял, погруженный во мрак, лес. Впереди шли заросли кустарника, а за ним расстиралось поле; что было там дальше, скрывала темнота. Начал быстро скручивать полотнище парашюта, время от времени подавая сигналы фонариком. Спустя полчаса рядом со мной собрались те, кто прыгал после меня: радист, армейский разведчик Григорий Мошков и Паша Швецов. Судя по всему, разрыв во времени разрубил нашу группу на две части.

– Как будем действовать?

Не успел вопрос Швецова повиснуть в воздухе, как издали послышался нарастающий рев двигателей грузовиков. Машины двигались в нашем направлении. Мы переглянулись. Всем сразу было понятно: это за нами. Значит, надо уходить, причем срочно. Вот только куда?

– Судя по тому, что смог рассмотреть сверху, мы приблизительно находимся где-то здесь, – я подсветил карту фонариком, а затем ткнул пальцем в точку на карте. – Я определил наше местонахождение по характерному повороту дороги. Вот он. Если все правильно понимаю, то мы сейчас где-то в километре от нашей группы. У кого какие мысли?

– Фашисты как-то чересчур быстро появились, – негромко сказал радист.

– Считаю, что полковник был прав, когда сказал про «крота», – подтвердил его невысказанное обвинение армейский разведчик.

– Нам прямо сейчас уходить надо, пока немцы не начали разворачиваться в цепь.

– Согласен, Костя, – поддержал меня Павел. – Уходим в глубину леса.

Только мы начали движение, как над лесом стали взвиваться осветительные ракеты, потом послышался приглушенный расстоянием лай овчарок. Мы остановились и с минуту прислушивались. Вдруг ударил пулемет, за ним другой, следом зачастили автоматы.

– Вперед! – скомандовал я.

Если до этого мы могли еще думать, что немцы бьют наугад, простреливая лес перед собой, то когда раздался взрыв гранаты, никто из нас уже не сомневался, что там идет бой. Схватка не на жизнь, а на смерть. Я не знал, что у капитана Мирошниченко был особый приказ. Именно на такой случай. В случае обнаружения нас фашистами разбить разведгруппу на две части. Одна должна взять на себя погоню, пока вторая группа будет выполнять задание. Именно поэтому были выделены две рации. Вот только он не думал, что подобная ситуация произойдет сама по себе. Командиром группы, которая должна была отвлечь немцев, он намеревался назначить меня, так как капитан считал, что группа во главе со Звягинцевым сможет долгое время уходить от преследования.

Мы быстро двигались по лесу, при этом стараясь держаться параллельно дороге. Шли в противоположную сторону от тех мест, куда нам надо было двигаться по плану армейской разведки. Спустя какое-то время звуки ночного боя пропали, только осветительные ракеты продолжали висеть в той части леса. Выбрали участок в двухстах метрах от дороги. Спали, как говорится, вполглаза, поэтому слышали, как несколько раз, там, за деревьями, проезжали машины и мотоциклы. Окончательно проснулся я от того, что на меня кто-то смотрел. Не успел повернуть голову, как мелькнула рыжая тень и исчезла за стволами деревьев в предрассветных сумерках.

Небо только начало светлеть, а лес уже наполнился звуками, шорохами и птичьим щебетанием. За лесом между поредевшими стволами деревьев чувствовался простор, пока еще не видный глазу из-за стелящегося по земле рассветного тумана. Постепенно проснулись все остальные разведчики. Я и Гриша Мошков сходили к дороге, чтобы осмотреться. То, что мы увидели, ни мне, ни ему не понравилось. За дорогой раскинулось большое поле с редким вкраплением кустарников. В ста метрах от нас у небольшой рощицы стояли две большие палатки, охраняемые часовыми. За ними виднелся грузовик и полевая кухня. По левую сторону от нас, уже на самой дороге, стоял мотоцикл. Водитель помахал немного руками, разминаясь, а затем стал толкать в плечо задремавшего в коляске пулеметчика. Тот стал ругаться, говоря, что Ганс дурак и мог бы дать ему поспать еще минут двадцать, так как эти лентяи, Вилли с Альфредом, придут заступать на пост, как обычно, на десять минут позже. Солдат, когда вылез из коляски, со стонами и вздохами стал разминать застывшую спину, при этом недовольно бурча, что они тут делают, раз русских диверсантов уже взяли.

Мы осторожно отползли обратно. Вернулись, рассказали Паше и радисту, что лес практически блокирован. По крайней мере в нашем направлении. Наш шанс выжить – это выки-

нуть рацию и спрятаться в глубине леса, но это было мое личное мнение. Выскажи я его, меня сразу посчитают трусом и предателем. У нас не было времени, чтобы внести изменения в план или как-то его откорректировать, к тому же мы пропустили один сеанс связи. Следующий должен был состояться через полчаса. Если мы не ответим, то могут послать еще одну или даже несколько групп разведчиков, а выйдем на связь – обозначим себя, после чего за нами будут гоняться все кому не лень.

Все это понимали, поэтому мой вопрос «что будем делать?» поняли правильно.

– Передаем кодовую фразу и быстро уходим в глубь леса. Запутываем следы, а затем следуем в направлении, согласно поставленному перед нами плану. Достигнем этого места. Здесь кончается лес и начинаются болота, – Гриша показал на карте место и закончил: – и где-нибудь пробуем проскочить. Я прекрасно знаю, как немцы не любят болота, и пару раз пользовался этим, отсиживаясь. Не бойсь, прорвемся, парни. Ну как, согласны?

«То есть подставляем себя фрицам и одновременно пытаемся выполнить приказ командования или посмертно стать героями. Хороший план. Дальше некуда».

Паша и радист почти синхронно кивнули головами в знак согласия. Может, это и было правильно, но то, что при этом наши шансы на выживание резко уменьшались, в расчет, похоже, никто не брал. Мне это сильно не нравилось, но разногласий в подобной ситуации быть не должно, поэтому следом и я кивнул головой.

На скорую руку перекусили, после чего Кораблев вышел на связь и передал условленную фразу: «Рассвет встает». Теперь там, на Большой земле, знали, что разведгруппа начала работать. В дальнейшем выходить на связь мы имели право только в случае получения нами проверенной информации. Еще до отправки нам сказали, что несколько радиостанций будут постоянно на приеме, ожидая наших сообщений. Согласно утвержденному командованием плану, нам нужно было двигаться в направлении небольшого городка, который одновременно являлся узловой станцией и сейчас находился где-то в семидесяти километрах от нас.

Машина генерала Рихтера остановилась в трех метрах от затормозившего мотоцикла охраны. Следом за машиной генерала остановился грузовик. Адьютант генерала, выскочивший из машины, подбежал к задней дверце, открыл ее и, вытянувшись, замер. Стоило генералу выйти из машины, как тут же к нему направился полковник Зайдель, в сопровождении майора Хольца и капитана Вернера. Чувствовалось, что все три офицера сильно волнуются, это было видно по их напряженным лицам. Генерал Рихтер, отвечающий за безопасность тыла группы армий, слыл жестким и непреклонным человеком. Слухи о нем ходили самые разные, но были и общеизвестные факты. Три виновных, по его мнению, офицера закончили жизнь самоубийством, а еще около десятка были разжалованы и отправлены рядовыми на Восточный фронт.

Его сухое, аскетическое лицо с глубоко сидящими глазами и тонкими, бесцветными губами напоминало обтянутый кожей череп. «Череп». Так его звали за глаза и произносили эту кличку всегда шепотом.

– Господин генерал...

Оправдательная речь полковника, которую он готовил последние полтора часа, была прервана небрежным жестом генеральской руки. Тот оглядел стоящих перед ним офицеров пустым, ничего не выражающим взглядом, и от этого их сердца, и так колотящиеся от страха, забились еще сильнее.

– Полковник, два часа тому назад вы сказали, что с русскими диверсантами все покончено. Группа уничтожена, а рация захвачена. Это ваши слова?

– Так точно, господин генерал, – полковник побледнел еще больше.

– Потом вы снова позвонили и сказали, что на связь вышла русская рация. Это как понять?

– Господин генерал, мы не знали численности русских парашютистов. Как и не знали, что группа будет состоять из двух самостоятельных отрядов, каждый из которых будет иметь рацию. Мы это не учли, но район высадки до сих пор блокирован двумя армейскими батальонами и ротой СС, а на место выхода русского радиста уже отправлена мобильная группа капитана Фуллера. С минуты на минуту мы ждем от него сообщений. Капитан Вернер!

К ним шагнул капитан, держа в руках карту. Не успел он ее протянуть, как Рихтер остановил его движением руки, затем чуть повернул голову и отдал приказ своему адъютанту, стоявшему у него за спиной:

– Капитан! Шнитке, ко мне!

Спустя пару минут из кабины грузового автомобиля гибко и легко выпрыгнул высокий, атлетически сложенный офицер в маскхалате, который легким и пружинистым шагом приблизился к группе офицеров. Не успел он встать по стойке смирно, как генерал представил его: – Господа офицеры, перед вами обер-лейтенант Шнитке, командир специального подразделения «Призраки». Он и его люди отлично зарекомендовали себя в Чехии, Голландии и Франции. Сейчас они прибыли к нам, на Восточный фронт, вместе с 27-й гренадерской дивизией из Бургундии. Я не ошибся, обер-лейтенант?

– Никак нет! Все точно, господин генерал!

– Именно им я поручаю закончить эту операцию! Полковник, вы меня поняли? Поиск русских будет проводить группа Шнитке, а значит, рота капитана Фуллера переходит в его распоряжение! Теперь... – генерал прервался, глядя на подбежавшего к ним лейтенанта-связиста.

Наткнувшись на холодный взгляд Рихтера, связист резко затормозил и перешел на четкий, печатающий шаг.

– Господин генерал...

Новый резкий нетерпеливый жест генерала прервал начавшего по всей форме доклад офицера.

– Капитан Фуллер только что передал, что его люди вышли на след русских диверсантов, господин генерал! – выпалил одним махом лейтенант и замолк, преданно глядя на Рихтера. Тот, уже не обращая внимания на стоящего по струнке связиста, бросил быстрый взгляд на командира спецподразделения.

– Берите своих людей, обер-лейтенант, и немедленно отправляйтесь!

– Слушаюсь, господин генерал!

– И еще. Оставьте здесь пару-тройку своих людей. Пусть походят по лесу. На всякий случай!

– Слушаюсь, господин генерал!

– Теперь вы, господа! – генерал повернулся к стоящим навтыжку офицерам. – Вы прекрасно знаете, что наша первоочередная задача сохранить тайну операции «Железный кулак», поэтому по моей просьбе генерал Рунг выделил вам еще две роты СС. Полковник, мне нужна крупномасштабная карта!

– Господин генерал, пройдемте к моей штабной машине! – с нескрываемым облегчением предложил полковник Зайдель, надеясь, что для него все еще, может, и обойдется.

Глава 11

Мы шли по самому краю леса, пытаясь найти щель в устроенной на нас облаве, при этом готовые при любой опасности нырнуть в чащу и раствориться среди деревьев. Спустя два часа мы наткнулись на следы пребывания фашистов. Ключки газет. Смятая пачка от сигарет. Помятая трава. Со стороны дороги были слышны звуки: рев двигателей машин, гул множества голосов и резкие, отрывистые команды офицеров. Как только мы слышали подобный шум, то сразу уходили в чащу леса. Очередное свидетельство, что блокада плотная и в этом месте нам лучше из леса не высовываться. Единственное, что нас частично успокаивало, так то, что в этой части леса, где полночи прочесывали все частым гребнем, не должно было быть немецких солдат, поэтому надеялись проскочить этот участок без проблем.

За все это время мы уже дважды подходили к окраине леса, но постоянно натыкались на открытое пространство, вроде лугов, которое нам никак не пересечь из-за немецких блокпостов и мобильных патрулей на дороге. Решив уйти подальше от дороги, мы снова углубились в лес, но и здесь везде были следы пребывания немецких солдат. Потом Паша, шедший в голове группы, неожиданно поднял руку. Мы сразу замерли, настороженно следя за ним. Спустя несколько секунд он сделал движение рукой: подойдите. Стоило мне подойти, как я понял, почему мы остановились. На этом месте, возле старого сухого поваленного дерева, был самый настоящий бой. Осколки, торчащие в стволах деревьев, россыпи стреляных гильз, черные опалины на месте разрывов гранат, срезанные пулями и осколками ветки деревьев, но ни тел, ни вещей, ни оружия не было. Мы медленно обошли место схватки и пошли дальше.

Немецкие егеря увидели нас первыми, но так как группа русских парашютистов была на одного бойца больше и сильно растянута, они устроили нам, как они думали, хитрую засаду, вот только в их план неожиданно вмешалась случайность. Наш радист, замыкавший группу, устал и случайно оступился, но стоило мне услышать легкий шум у себя за спиной, как тело мгновенно напряжилось, готовое к действию. Резко пригнувшись, я моментально оглянулся и замер. Все делалось помимо сознания, на одних боевых рефлексах. Именно во время своего разворота, краем глаза, я поймал чужой взгляд. Не разглядел ни фигуры, ни лица, а только чей-то короткий взгляд.

«Нас выследили и ведут».

Выпрямившись, дал знак Кораблеву, следующему за мной, двигаться и осторожно пошел вслед ушедшей вперед паре наших парней. Если бы немцы почувствовали опасность, то просто расстреляли бы нас, а так была возможность попробовать их переиграть. Вот только как предупредить парней?

Унтер-офицер Карл Лямке насторожился, когда русский присел и исчез из его поля зрения. Судя по всему, парашютист оглянулся на шум своего неуклюжего радиста, а не из-за того, что заметил врага. На этот счет он мог дать голову на отсечение. Значит, тот должен был быстро осмотреться, понять причину шума, успокоиться и следовать дальше.

Снова увидев русского диверсанта, подававшего знак к движению, он с удовлетворением подумал, что бы там ни говорили, а эти русские разведчики ничем не лучше, чем чешские или французские партизаны.

В отличие от гитлеровца, я сейчас лихорадочно прокачивал ситуацию, пытаюсь понять, что немцы задумали.

«Где-то впереди засада? Нет. Они просто следуют за нами. Выслеживают? Если у них есть радист, то тогда они вроде ищек, идущих по следу. И главное, сколько их? М-м-м... Если не бросились сразу вязать, значит, немного. Три... от силы пять человек».

Дело шло о моей жизни и смерти, значит, мне необходимо сделать все, чтобы я жил, а мои враги умерли. Мне еще неизвестно было, какую тактику я изберу, но при малейшей опасности я был готов стрелять или бежать, но ни в коем случае не дать себя убить. Как у меня всегда бывало в подобных случаях, тело и мозг, отбросив все лишнее, собравшись, приготовились к проявлению любой опасности.

И она грянула. Простучав впереди меня дробной, длинной автоматной очередью. Я уже падал на землю, с коротким вскриком и шумом, когда фашист, целившийся в меня, нажал на спусковой крючок. Пули просвистели мимо, с глухим стуком врезаясь в стволы деревьев. Уже лежа на земле, я услышал крик, переросший в протяжный стон, затем шум драки, вскрик радиста:

– Сволочь фашистская!

Все это завершилось новым стоном и шумным падением тела Кораблева. Под этот шум я быстро отполз в сторону от места своей предполагаемой гибели (так должен был считать немецкий егерь) на десяток метров, потом переполз корневища громадной сосны и укрылся за ее стволом. С минуту стояла тишина. План их засады стал предельно ясен, как и их количество. Мы не шли компактной группой, а несколько растянулись, что очень неудобно для нормальной засады, но даже из этого опытные фашистские вояки извлекли выгоду. Один из фашистов срезал из автомата первую пару разведчиков, второй должен был убить меня, ну а третий – захватить в плен радиста.

«Если срежу очередью одного из них, Кораблев сразу умрет. Немец не будет рисковать. Попрошет одной очередью пленного и рацию, после чего два оставшихся гитлеровца не будут играть в героев, а быстро сомотаются из леса за помощью. Нет, господа фашисты, теперь мы будем играть по моим правилам».

Мой план строился на стандартном поведении стрелявшего в меня немца. Он в любом случае должен был убедиться, что убил меня. Это были логически правильные действия для профессионалов, так как иначе они в любой момент могли получить пулю в спину.

Гитлеровец появился из-за дерева бесшумно и неожиданно. Сейчас он стоял боком ко мне, настороженно прислушиваясь к шуму леса и почти слившись с листвой дерева в своем камуфляже. Последующие события произошли в течение долей секунды. Резкий взмах руки с ножом. Бросок. Немец-егерь успевает уловить краем глаза движение и уже начинает разворачивать оружие в мою сторону, как лезвие входит ему в шею. Захрипев, он упал на колени, а в следующую секунду ткнулся головой в землю. И неподвижно замер.

«Есть Бог на свете. Не выстрелил», – облегченно выдохнул я и осторожно двинулся в ту сторону, где слышал шум схватки, но шел не прямо, а по дуге, стараясь зайти вбок фрицу. Еще шаг, за ним второй, третий... Осторожно выглянул из-за дерева. Немец, спрятавшись за стволом дерева, настороженно вглядывался в ту сторону леса, где последний раз слышал шум. Он не знал, что произошло, но тишина его явно настораживала. Он только на секунду оглянулся назад и бросил взгляд на пленного. Как он там? Я был на расстоянии восьми-деяти метров от него, и то, что мне удалось подобраться так близко к нему, можно было считать большой удачей. Вот только что с ней, этой удачей, делать? Малейшее неосторожное движение привлечет его внимание, а перестрелка в мои планы не входила, к тому же мне неизвестно, где сейчас находится второй гитлеровец. Тут нельзя было рисковать. Мне надо убить его сразу, иначе он убьет Кораблева. Прошло несколько минут, и по его поведению стало видно, что фашист растерян и испуган. Непонятная тишина давила на немца, который пытался понять, что пошло не так в их плане.

Я продолжал напряженно выжидать, надеясь хоть на небольшую ошибку егеря. Наконец, тот на что-то решился: резко развернувшись, он тем самым невольно подставился под мой автомат. Один короткий шаг в сторону, и в ту же секунду мой палец нажал на спусковой крючок. Так как мне была видна только часть его плеча и бок, я не пожалел патронов и всадил в гитлеровца почти половину магазина. Тот дернулся, пошатнулся, негромко вскрикнул, привалился спиной к сосне, но уже в следующее мгновение его тело склонилось набок, а затем с глухим шлепком упало на землю. Сразу сменив место укрытия, я перебежал к другому дереву. Вжавшись спиной в ствол, настороженно замер, готовый открыть огонь на любой звук. Медленно потекли вязкие и тягучие секунды, полные до краев напряженного ожидания. Где третий, мать его? Рывок к другому дереву. Тело невольно напряглось в ожидании выстрелов. Снова замер, просеивая сквозь себя звуки леса, и только убедившись, что прямой опасности нет, быстро оглядел радиста. У Кораблева была разбита голова, но он был жив. Пробежал взглядом по рации. На первый взгляд она была в порядке. Снова затаился за стволом сосны, вслушиваясь в напряженную, бьющуюся по нервам тишину.

«Где третий гад? Скорее всего, чешет из леса. Если так, то нам хана – не свалить. До дороги здесь... Метров шестьсот по прямой, а значит...» – Тут мои мысли прервала короткая автоматная очередь, в которую вплелся крик боли, и почти сразу ударила новая, но теперь длинная, очередь. Ситуация была неясна, но в любом случае тем, кто сейчас стрелял, было не до осторожности, и я кинулся вперед на звуки, скользя между деревьями и перепрыгивая через корневища. Остановился только когда услышал характерное лязганье металла. Кто-то недалеко от меня сменил обойму. Пригнулся, осторожно выглянул из-за дерева. В шести метрах от меня третий гитлеровец, перезарядив автомат, с перекошенным от боли лицом сейчас пытался зажать рану в бедре, одновременно нащупывая в сумке бинты. Только он их достал, как я вышел из-за дерева и тихо сказал на немецком языке:

– Автомат в сторону отложи, а то так неудобно делать перевязку.

Немец вздрогнул, отбросил бинт и попытался схватиться за оружие, но уже в следующую секунду шмайсер был выбит у него из рук, а в переносицу уперся ствол. Он попытался отпрянуть, но получив сильный удар по голове, упал на спину, раскинув руки. Забрав автомат, я вытащил из его кобуры пистолет и засунул себе за пояс, после чего быстро подошел к нашим парням, лежавшим где-то в десяти метрах от немца. Судя по всему, он срезал их одной очередью, но почему-то остался на месте, то ли ожидая сигнала, то ли не был уверен, что убил их. Когда он услышал выстрелы, видимо, занервничал и каким-то образом подставился под пулю.

Гриша Мошков неподвижно лежал на земле, уткнувшись лицом в землю. Я насчитал у него на спине три пулевых отверстия. Паша Швецов лежал на спине, в нескольких шагах от него, в луже крови. Пули пришлись ему в бок и в живот, поэтому он был еще жив. Я присел на колено. В его глазах что-то мелькнуло: он, похоже, узнал меня.

– Надо... выполнить... Приказ...

Его последних жизненных сил хватило лишь на то, чтобы вытолкать через сухие, потрескавшиеся губы эти три слова. Несколько секунд я смотрел в его мертвые глаза, потом встал, вернулся к немцу, связал, а затем тщательно перевязал его рану. При взгляде на окровавленные бинты и на его маскхалат мне в голову неожиданно пришла мысль.

Вернулся за Кораблевым и рацией. Плохо соображающего радиста мне пришлось почти тащить на себе. Посадил его недалеко от пленного немца, затем перевязал ему голову. Бледное, без кровинки, лицо. Мутные глаза.

– Ты как?

– Не знаю, Костя.

Я задумался. По логике, нам нужно было брать ноги в руки и пробираться в район болот, только там у нас был шанс оторваться от собак и егерей, которые уже идут по нашим следам. У меня ни малейших сомнений не было, что через пару часов, максимум, они будут здесь, но с

Кораблевым, в его теперешнем состоянии, оторваться от них будет невозможно. Проще будет самому застрелиться. Другой вариант предполагал избавиться от радиста и уходить одному, вот только подлой сволочью я никогда в жизни не был. Бросил быстрый взгляд в сторону лежащего без сознания немецкого егеря, потом на Мишу и сделал свой выбор.

– Посиди пока, парень, а я с фрицем за жизнь потолкую.

Очнулся унтер-офицер Густав Берг от резкой и пронзительной боли в паховой области. Он был сильным и волевым человеком, но увидев перед собой молодое, жестокое лицо с холодными безразличными глазами, почувствовал ледяной комок под сердцем.

У меня была не такая большая практика в проведении допросов в полевых условиях, но работу специалистов видеть приходилось, хотя потом хотелось сразу и навсегда это забыть.

Этот немец стоял между мною и моей жизнью, как только понятие укрепилось в моем сознании, эмоции ушли, растворились без следа. Теперь для меня он уже не был человеком, и все, что с ним делал, выглядело так, словно я строгал острым ножиком кусок простой деревяшки, и стоило ему это понять, как он сразу сломался. Стоило мне увидеть, что в глазах гитлеровца поселился панический страх, замешанный на острой, всепожирающей боли, я прекратил пытку и сказал:

– Расскажешь все – умрешь быстро.

Он не сразу понял меня. Пришлось повторить ему несколько раз, пока смысл дошел до затуманенного болью сознания.

– Да. Все... скажу.

Около часа я вел допрос, спрашивая, потом переспрашивая, уточняя, пытаюсь поймать его на лжи, и только потом убил.

Обыскивая трупы, нашел несколько банок консервов, аптечки, фляги с водой, карту с пометками и жетоны. Металлические бляхи мы с Кораблевым повесили себе на шею, а карту я засунул за пазуху. Наши маскхалаты и оружие ничем не отличалось от обмундирования немецких егерей. Последним штрихом нашей маскировки стали окровавленные бинты, которые я намотал на себя и Кораблева. К этому моменту он немного пришел в себя и уже мог, правда, с трудом, самостоятельно идти.

– Миша, я намотал тебе на шею бинт, поэтому на все вопросы, которые будут тебе задавать, ничего не говори, а хватайся за горло и хрипи. Понял меня?

– Понял. А дальше?

– Дальше... Живы будем – хрен помрем.

Шагал он тяжело и неуверенно, несмотря на то, что теперь я все нес на себе. К счастью, идти нам пришлось недалеко и спустя какое-то время мы вышли из леса где-то в пятидесяти метрах от немецкого блокпоста. Гитлеровцы при виде нас настороженно замерли и еще только смотрели удивленными глазами, как я заорал во все горло:

– Группа «Призраки»!! Командир обер-лейтенант Шнитке!! Рейн!!

Последним я выкрикнул пароль, и сердце мое при этом сжалось. Если унтер-офицер соврал... Нет. Все правильно. Солдаты кинулись к нам с оружием в руках, но явно не для того, чтобы брать в плен. Двое из подбежавших солдат подхватили Кораблева, который прямо обвис у них на руках. Еще один подхватил рацию.

– Унтер-офицер Густав Берг. Кто у вас старший?

– Командир блокпоста унтер-офицер Фридрих Зейдлиц, господин унтер-офицер! – вытянулся передо мной солдат.

– Врач есть?

– Никак нет, господин унтер-офицер!

Подбежавший ко мне командир блокпоста оказался мужчиной лет сорока и при этом имел огненно-рыжие волосы. Вытянувшись передо мной, отпартовал:

– Командир блокпоста унтер-офицер Фридрих Зейдлиц!

Не дав ему опомниться, я резким и требовательным тоном потребовал от него врача и рацию, так как у меня ценная информация для генерала Рихтера. Услышав фамилию генерала, унтер-офицер явно опешил и растерянно доложил, что радики у них нет, зато есть мотоцикл, с которым можно послать курьера.

– У меня раненый, унтер! Какой, к черту, курьер! – придав себе разозленный вид, заорал я на него. – Бездельники! Вам бы здесь только брюхо жратвой набивать! Сам доставлю!

На мое счастье, отделение Зайдлица прибыло на смену два часа назад, поэтому солдаты знали о прибытии специального подразделения «Призраки».

Ошеломленный неожиданным появлением раненых егерей из специальной группы, унтер окончательно растерялся и без разговоров выделил мотоцикл разъяренному егерю. Сейчас он молил Бога об одном, чтобы этот бешеный «лесной призрак» не наговорил ничего лишнего генералу, иначе из роты охраны он мгновенно окажется в окопах передовых частей.

Спустя десять минут мы уже мчались по большаку, оставив за спиной блокпост.

– Куда мы теперь? – усталым и тусклым голосом спросил меня Кораблев.

Я бросил мельком взгляд на него. Радист был неестественно бледный. Губы сухие, потрескавшиеся. Глаза тусклые и больные.

– Пока не знаю. Сначала попробуем выжить.

Кораблев ничего не ответил. Я и в самом деле не знал, что мне теперь делать. Мы чудом проскочили, и сколько у нас осталось времени до того момента, когда на нас начнут охоту, наверное, сам Бог не знал. Везде, куда ни кинь взгляд, были немцы. Впереди нас шла колонна машин и два бронетранспортера. Я решил не рисковать и свернул на проселочную дорогу, которая вела к небольшой деревне, но проехать через нее не рискнул, так как увидел среди домов грузовик с солдатами, которые, судя по крикам местных жителей, реквизировали у них продовольственные запасы.

Только я объехал деревню, как спустя несколько минут сзади нас появилась легковая машина. Шофер подал сигнал, требуя освободить дорогу, но вместо этого я затормозил, перегородив автомобилю дорогу. Выскочивший из машины водитель уже спустя пару секунд судорожно скреб руками землю недалеко от машины. Перескочив через его тело, я подбежал и направил ствол автомата на сидевших на заднем сиденье двух офицеров. Пожилой полковник и упитанный, круглолицый майор смотрели на меня испуганно и непонимающе, не сразу осознав ужаса сложившейся ситуации.

– Господа, нам нужно поговорить. Выходите из машины и держите руки подальше от пистолетов.

Немецкая форма, довольно вежливая просьба, сказанная на чистом немецком языке, и направленный на них автомат – все это ввергло офицеров в еще более глубокий шок. Первым опомнился полковник, бросив руку на кобуру, но уже в следующую секунду ствол автомата с силой ударил его в лицо, заставив закричать от резкой боли. Так как майор, находясь в шоковом состоянии, все еще продолжал таращить на меня испуганные глаза, я решил воспользоваться ситуацией. Резко открыв заднюю дверцу, схватил за плечо полковника и с силой выдернул из автомобиля. Тот шлепнулся лицом в дорожную пыль, мне под ноги.

Я отпрыгнул назад и повел стволом автомата:

– Майор, вылезай!

Тот, не спуская с меня глаз, словно слепой, судорожно и неловко цепляясь за сиденья, вылез из машины. Он лишь открыл рот, как получил удар в солнечное сплетение – немцу показалось, что из него выпустили кишки, но только он сложился пополам, как последовал удар

автоматом по голове, после чего его сознание провалилось в пустоту. Обезоружив, а затем связав немецких офицеров, я кивнул Кораблеву головой: подойди. Пока тот следил за пленными, я загнал мотоцикл, а затем и машину в лес, предварительно загрузив в нее труп водителя и двух пленных.

Полковник оказался начальником штаба танковой дивизии, а майор был его сослуживцем, заместителем командира танковой дивизии по тылу. Оба ехали с совещания, на котором были поставлены задачи, возлагавшиеся на их дивизию при вступлении в действие плана германского командования «Железный кулак». Полковник Фурц сначала пытался молчать, но к жесткому методу допроса явно был не готов, после чего заговорил. Майор, в отличие от него, оказался трусом и сразу стал просить сохранить ему жизнь на основании того, что он всего лишь военный инженер и на его руках нет крови русских солдат.

– Заткнись, сволочь! Мне нужны лишь ответы на мои вопросы! – рявкнул я на него, изобразив на лице свирепую гримасу.

Майор вмиг покрылся холодной испариной.

– С-сп-прашивайте, – заплетающимся языком пролепетал он.

В течение получаса он подтвердил большую часть сказанного полковником. Больше они мне были не нужны. Убив их, я тщательно вытер нож и пошел искать радиста.

Тот ушел сразу, стоило мне приняться за полковника. Нашел Кораблева за машиной, сидящим на траве. Подойдя к нему, спросил:

– Миша, ты как? Сумеешь передать, что мы узнали?

– Да. Сумею.

В машине, в папке полковника, я нашел подробную карту с пометками, которые подтверждали полученные данные, чистую бумагу и карандаш. Зашифровал и записал на бумагу полученную информацию. Спустя десять минут зашифрованное сообщение было отправлено, и через какое-то время мы получили подтверждение.

«Вот и все. Остальное не мое дело. Теперь пора валить. И быстро».

Ни форма, ни машина нам не подходили, так как были слишком приметными, поэтому, оставив трупы и автомобиль, мы двинулись дальше на мотоцикле, по направлению к лесу, отмеченному на нашей карте. Этот большой массив находился где-то в двенадцати-четырнадцати километрах от нас и мог укрыть до прихода наших войск. Удача не покинула нас на ближайшие полчаса, и мы добрались до границы леса без приключений. Утопив рацию и батареи в омуте ближайшей речки (противнику не надо знать, что мы теперь без связи), я загнал мотоцикл как можно дальше в лес, после чего мы неторопливо двинулись в глубину леса. Продукты и оружие я нес на себе, так как радисту явно было плохо и с каждой минутой становилось все хуже. Я понимал, что ему надо отлежаться, но нам нужно было уйти как можно дальше. Ближе к ночи пошел сильный проливной дождь, чему я мог только радоваться. Теперь никакая ищейка не возьмет наш след.

Я дремал, прислонившись спиной к сосне, так как ночью мне толком так и не удалось выспаться. Сильный дождь, который шел не менее двух часов, хоть и скрыл наши следы, но вместе с этим промочил лес, а заодно и нас. Насквозь мокрая одежда, несмотря на усталость, долго не давала мне согреться и уснуть. Рядом со мной, в забытии, лежал Миша Кораблев, с грязным и распухшим от комариных укусов лицом.

Вдруг неожиданно рядом с нами раздался чей-то голос:

– Глянь, Николай, чудо дивное. Фрицы в лесу прячутся.

Остатки сна слетели мгновенно, но вскакивать я не стал. Зачем лишний раз нервировать вооруженных людей? Открыл глаза. На меня из-за деревьев настороженно смотрели два серьезных бородатых мужика и совсем молодой паренек. В его взгляде легко читалось удивле-

ние. Партизаны. Радость от встречи была, но какая-то бесформенная, придавленная зверской усталостью.

– Сам ты фриц, пенек бородатый. Мы разведчики, и нам срочно нужна помощь.

Партизаны удивленно переглянулись.

– Какие такие разведчики? – спросил меня подошедший поближе ко мне мужик, пока остальные держали меня на мушке. – Нам о вас ничего неизвестно.

– Как неизвестно? Неужели наш главный маршал товарищ Ворошилов (он руководил партизанским движением) не передал вам лично радиogramму о нас? Непорядок!

Паренек засмеялся, а партизан насупился в бороду.

– Ишь ты, какой разговорчивый, вот только форма на вас фрицевская. Говори: кто ты есть такой?!

– погоди, Федор, – подал голос второй партизан. – Мы почти сутки как из лагеря вышли. Мало ли что за это время случилось?

– Так что будем делать? – несколько растерянно поинтересовался у него Николай.

– Как что? В плен нас берите! – изобразил я возмущение, под новый смех паренька.

Партизаны коротко посоветовались, после чего молодой парень остался с Кораблевым, а меня бородачи отконвоировали в лагерь. Когда мы вышли на большую поляну и я увидел шалаши вместо обустроенного лагеря, то сразу вспомнил слова партизана о походе.

«Куда они, интересно, топают?» Но спрашивать не стал. Надо будет – расскажут. Нет – значит, мне не надо знать.

При виде человека в немецкой форме отдохавшие партизаны, почти все как один, стали оборачиваться в мою сторону, шушукаться, подталкивая друг друга локтями, а затем со всех сторон слышались вопросы и шутки.

– Эй, Федор! Там еще много фрицев осталось?! Или этот последний?! Николай! Откуда немца достали?!

Мои конвоиры ничего не отвечали, придав себе важный вид. Не просто так по лесу ходили, вот немца привели, пока вы тут лежали и языками чесали. Они подвели меня к группе из трех человек, сидевших на поваленном дереве. В центре – плотный, коренастый мужчина с пышными усами и окладистой, но аккуратно подстриженной бородой, одетый в кожанку, перетянутую португеей. Сначала он внимательно оглядел меня и только потом спросил партизан, которые меня привели:

– Откуда вы этого фрица взяли?

– Так это, товарищ командир... Мы их в лесу нашли.

– Нашли. Они что, грибы? – сердито усмехнулся плечистый здоровяк, сидевший по правую сторону от командира, одетый в гражданскую одежду, но на голове у него была офицерская фуражка. На его боку висела деревянная коробка маузера, а из-за поясного ремня торчали две немецкие гранаты. – Как докладываете?!

Мой конвоир, мужчина лет сорока, по обличью вылитый крестьянин, недобро зыркнул на него и уже четко, но при этом явно сердитым голосом пояснил:

– Производили разведку, согласно приказу командира отряда, и наткнулись на двух человек в немецкой одежде. Один из них раненый, остался там под присмотром Степки, а этого мы с собой привели. Говорит, что разведчики.

– Разведчики... И что вы тут в лесу делаете? – здоровяк, пристально вглядываясь в меня, усмехнулся. – Насколько нам известно, отсюда до фрица километров десять-двенадцать будет! Вот и хотелось бы мне знать, что вы тут разведываете?

– Об этом можно и потом поговорить! У меня товарищ ранен. Ему помощь нужна! Прямо сейчас!

– Человек правильно говорит, – неожиданно вступил в разговор третий мужчина с худым, нездоровым лицом. Несмотря на теплую погоду, он сидел в ватнике и курил объемистую

трубку, выпуская клубы вонючего дыма. Лицо простое, а вот глаза умные, только усталые. По его гражданскому виду я решил, что он комиссар партизанского отряда.

– Николай Иванович! – Командир отряда хитро прищурился, кивнул согласно головой и сказал бойцам, которые привели меня: – Берите нашего доктора с носилками. Еще Ваню Ступкина и Воронова. Скажите им, я приказал. Принесете раненого сюда.

Когда партизаны ушли, командир спросил меня:

– Ну, рассказывай теперь, мил человек, как вы в лесу оказались?

– Я разведчик. Наша группа была сброшена в тыл врага со специальным заданием. Моя фамилия Звягинцев. Позывной нашей разведгруппы «Рассвет».

– Чем подтвердить можешь? – деловито спросил меня здоровяк, все еще продолжая сверлить меня взглядом. – Документ или что другое есть?

– Если есть рация, то передайте мою фамилию вместе с опознавательным паролем, который я сообщу, а также позывной нашей группы и там вам все подтвердят.

– Все так, мил человек, вот только выступили мы неожиданно, в спешке, ну и наш радист вчера не доглядел, замочил батареи. Подсевшие они теперь. Так что наша радиостанция только на прием сейчас работает, – виноватым тоном неожиданно сообщил мне командир отряда.

– Мать вашу! – зло выругался я. – Мы от своей рации только вчера избавились. Знать бы...

– Чего сейчас об этом говорить... – только начал говорить комиссар, как закашлялся и замолчал.

– Этот Мошкин у меня под суд пойдет, если что не так получится!! – вдруг неожиданно взорвался начальник разведки. – Под трибунал его, сукина сына, подведу!

– Остынь, Тимофей! – строго сказал командир отряда. – Мы уже говорили об этом. Нам сначала надо дело сделать, а уже потом судьбу радиста будем решать!

Я хмыкнул.

– Значит, буду с вами. Вот еще, – я достал из внутреннего кармана карту. – Держите. Взял с немецкого полковника. Теперь следующее... – После чего я коротко изложил партизанским командирам всю полученную от фрицев информацию. Меня внимательно выслушали, а затем, развернув карту и все трое склонившись над ней, принялись ее изучать. Спустя какое-то время командир поднял голову и крикнул:

– Сашка!

К нам подошел стоявший недалеко молодой партизан.

– Накормите человека. И пусть отдохнет.

Уже вечерело, когда меня растолкали и привели к командиру отряда.

– Мы тут карту твою внимательно посмотрели, да и данные, что ты нам дал, сравнили. Все соответствует, поэтому решили, что тебе можно доверять. Поэтому хочу суть задачи, перед нами поставленной, тебе объяснить. Мы в этом лесу не просто так оказались. Командование дало нам приказ пройти быстрым маршем и ударить в спину фашистам...

– Погодите! С какой такой радости вы будете бить регулярные немецкие части? Или вам жить надоело?

В этот момент к нам подошел комиссар. Услышав мои вопросы, он улыбнулся:

– Николай Иванович, ты же ему главное не рассказал. Так вот, Звягинцев, уже сутки идут, как Красная Армия перешла в наступление. На наш левый берег был высажен десант, который должен захватить мост. Закрепиться на берегу наши бойцы сумели, вот только развить наступление дальше не получилось, и поэтому нам приказали срочно выдвинуться, чтобы ударить фашистам в спину.

– Стоп. Стоп! Там же регулярные части. Артиллерия, самоходки... А вас от силы семь десятков будет! И вы воевать собрались? Или... вы идете на объединение с другими отрядами, чтобы потом вместе ударить?

Партизанские командиры переглянулись.

– Нет. Мы предложили дожидаться подхода отряда «Непобедимый» из Сосновского леса, но как только командование узнало, что те смогут подойти лишь через сутки, нам было приказано немедленно выступать.

– То есть вы одни будете прорывать немецкую оборону?! – Я не смог сдержать своего удивления. – Одни?!

– Почему одни? И ты пойдешь с нами, – кисло усмехнувшись, сказал комиссар, после чего сразу закашлялся.

«Отсиделся в лесу, называется. Молодец. Какой я молодец...» – со злым сарказмом подумал я.

– А Кораблев? Как с ним?

– Возьмем с собой. У нас в отряде есть сестра и врач. Присмотрят.

Говорить им, что они идут на верную смерть, было бесполезно, так как они и так об этом знали. Плохо было другое – они собирались положить меня вместе с собой в одну братскую могилу.

«Дезертировать, что ли? Все равно они там все полягут. А если нет? Снова влип!»

Прокрутил в голове сложившуюся ситуацию, спросил:

– Как думаете действовать?

Командир невесело ухмыльнулся, показывая большие, желтые от никотина, зубы:

– Ты, мил человек, не торопись. На место придем, а там видно будет.

– Спасибо, что сразу не расстреляли, – сердито пошутил я.

В ответ раздался дружный смех партизанских командиров, а спустя час отряд снялся с места и двинулся через лес. Партизаны шли молча, без обычных шуток, только изредка тихо переговаривались.

За несколько часов, проведенных в лагере, из разговоров между партизанами мне стало известно, что фашисты заметили переправу наших войск, сумели подтянуть резервы и не дали расширить захваченный плацдарм. Сейчас там шел жестокий бой.

«Регулярные части нашей славной армии ничего не могли сделать, а партизанский отряд в семьдесят рыл придет и немцам пинков надает?! Мать вашу!»

Рассвет еще не наступил, но на востоке небо уже начало светлеть, когда мы вышли к окраине леса и уперлись в стоявший в ста пятидесяти метрах от леса минометный взвод. Быстро obeжал взглядом две большие палатки, затем снарядные ящики, лежавшие аккуратными штабелями и накрытые брезентом. Рядом с ними вышагивал зевающий в полный рот часовой. Чуть дальше и левее от него я заметил окопчик с пулеметным расчетом. Возможно, были и другие посты, но полуторка, стоявшая рядом со складом боеприпасов, сильно ограничивала обзор. Еще дальше, впереди, с большим трудом проглядывались пехотные части, залегшие в неглубоких окопчиках. Ситуация была совсем невеселая. Шанс на призрачную победу и прорыв сквозь немецкую оборону нам давала неожиданность, но только в том случае, если мы бесшумно достигнем гитлеровских пехотных порядков, вот только для этого необходимо снять часовых и вырезать службу минометного взвода.

Минут двадцать я наблюдал за немцами, а потом с кислой мыслью «а оно тебе надо?» пошел искать командира отряда. Нашел его вместе с комиссаром. Они оба сейчас наблюдали за немцами. До моего прихода они тихо переговаривались, но стоило мне подойти, как оба сразу умолкли и стали на меня вопросительно смотреть: чего, мол, пришел?

– Надо попробовать снять часовых, а потом вырезать минометную службу.

– Мы сейчас об этом и говорили. Вот только если что-то пойдет не так и гитлеровцы поднимут тревогу, мы потеряем самое главное, что мы имеем: фактор неожиданности.

– Они нам тогда просто из леса носа не дадут высунуть. Перед нами стоят минометы, пулеметы, а чуть дальше рота, а может и больше, пехоты. И это только то, что у нас перед глазами, – следующим высказал свои сомнения комиссар.

– Настаивать не буду. Вы начальники, вам и решать.

– Так-то оно так, – вздохнул командир отряда, – вот только как нам продержаться, пока наши подойдут, не представляю. Пять пулеметов – вся наша огневая мощь. Вот тут и думай.

– Ты же не так просто пришел? – спросил меня комиссар. – Если что есть, говори, разведчик.

– Я уже все сказал, чего повторяться.

– Ты так в себе уверен? – кинул на меня косой взгляд комиссар. – Их там десятка два, не меньше.

– Это шанс выжить. И вам, и мне.

– Выжить, – как-то задумчиво повторил за мной командир отряда, потом посмотрел на комиссара. – Ты как, Василий Игнатьевич?

Тот перехватил его взгляд, потом внимательно и цепко какое-то время смотрел на меня.

– Вижу, ты человек рискованный, разведчик. Глаза у тебя шальные и злые. Может, что и получится, – медленно, словно нехотя произнес комиссар.

– Значит, рискнем, – полувопросительно произнес командир, глядя соратнику в глаза.

Тот согласно кивнул головой.

«Конечно, согласны. Куда вам деваться. Не выполните приказ, вас точно наши к стенке прислонят, а так есть шанс. Пусть один из ста, но он есть».

– Так тому и быть, – подвел итог командир отряда. – Что тебе надо?

– Ничего. И еще. Услышите шум, тогда уже действуйте сами по обстановке.

Спустя десять минут я уже лежал на мокрой от росы траве, за ящиками с минами. Часовой подошел к краю штабеля, скрытого под брезентом, со вкусом зевнул, зябко поежился и только развернулся идти в обратную сторону, как в следующую секунду я оказался у него за спиной. Заученным движением левой рукой поймал фрица в захват, рванул на себя и немного вверх и тут же с силой ударил ножом чуть ниже ребер. Вырвал клинок и для верности ударил еще раз. Осторожно опустил труп на землю и замер, прислушиваясь. Кругом было тихо. На мне все еще была немецкая форма, правда грязная и измятая, но в предрассветных сумерках это было не сильно заметно. Потратил несколько минут, чтобы снять с трупа ремень с подсумками. Поднял с земли автомат, надел на голову каску и вышел из-за снарядных ящиков. Второго часового я увидел сразу. Он стоял у ближайшей палатки и смотрел куда-то в сторону реки. Только в последнюю секунду он успел заметить чужое присутствие и начать поворачивать голову, как его рот оказался зажат, а в следующее мгновение острая сталь перечеркнула его горло. Короткое время, но мне оно показалось часами, пока я держал дергающееся в агонии, тяжелое, остро пахнущее потом тело, зажимая рот, потом осторожно, словно оно было стеклянное, положил на землю, настороженно вслушиваясь в храп солдат за тонкой тканью, а затем, пригибаясь, двинулся в сторону пулеметного расчета. Осторожно подкравшись, увидел, что фрицы решили спать по очереди, что и решило их судьбу. Первый номер еще что-то успел услышать и даже попробовал повернуть голову, но больше уже ничего не успел – длинное лезвие вошло ему под левую лопатку, насквозь пробив сердце. От такого удара умирают мгновенно, не успев даже понять, что произошло. Второй номер умер во сне, так и не проснувшись. С минуту я прислушивался, осторожно оглядываясь по сторонам, и только потом двинулся в сторону палаток. Там меня ждала «грязная» работа.

Сообщать, что работа сделана, мне не пришлось, это было и так видно, правда, только внимательному наблюдателю, да и то такому, который знает, куда надо смотреть. Партизаны с большой осторожностью перебрались на немецкие позиции и какое-то время даже изображали

часовых, нахлобучив на головы каски. Пока шло распределение людей по новым позициям, меня нашли командир отряда и начальник разведки.

– Не ожидал. Ты нам так помог... – командир от избытка чувств покачал головой. – Спасибо тебе большое от всех наших бойцов. Ты нам не одну жизнь спас.

– Молодец, разведчик! Как свиней их резал! Сколько ты фашистских гадов на тот...

– Тимофей!

– Уже иду, Николай Иванович.

Командир отряда проводил глазами начальника разведки, потом повернулся ко мне:

– Что скажешь, разведчик?

– Ничего. Свое дело я сделал. А дальше... – я пожал плечами.

– Понятно, – вздохнул партизанский командир и кивнул бок головой. – Нам опять повезло. Вовремя утренний туман поднялся.

– Почему опять? – не понял я.

– Потому что сначала нам с тобой повезло, – усмехнулся в усы командир, потом посмотрел на часы. Тяжело вздохнул. – Время. Пора идти к рации.

Спустя пятнадцать минут, согласно полученному от командования приказу, партизаны открыли бешеный огонь по ничего подозревавшим гитлеровцам. Вырванные из сна, полуодетые немцы в панике метались, сталкиваясь друг с другом, падали, пронзенные пулями, чтобы больше никогда не подняться. Спустя какое-то время я сквозь выстрелы и стоны услышал громкий крик:

– За Родину!! За Сталина!!

Обернувшись на крик, увидел сквозь бледный, рассеивающийся туман поднявшегося с земли командира отряда. Воздев вверх руку с пистолетом, он кинулся вперед с криком:

– За мной, товарищи!!

За ним, где-то на левом фланге, раздался сильный и громкий голос Тимофея:

– Бей фашистских гадов, мужики!!

Вслед за своими командирами вскакивали с земли и бежали партизаны, прошивая перед собой пространство автоматными очередями и винтовочными выстрелами, подбадривая себя криками:

– За Родину!! Бей немецких гадов!! У-рр-а-а!! Смерть фашистам!!

Полусонные, растерявшиеся немцы были практически расстреляны в упор. Перемахнув через линию окопов, мы кинулись вперед, навстречу заматавшимся в траншеях фигурам немецких солдат, но фактор неожиданности полностью исчерпал себя, и на стволах немецких автоматов и пулеметов, развернувшихся к нам, заплясало белесое пламя. Люди, бежавшие рядом со мной, стали падать. Одни из них потом поднимались, что-то крича на ходу, другие оставались лежать, кто неподвижно, кто со стонами или матерной руганью.

Немцы, так и не отойдя от растерянности, совсем не хотели вступать в рукопашный бой с неизвестно откуда взявшимися бородатыми партизанами и стали поспешно отступать.

Я упал на дно плохо вырытого, неукрепленного окопа и решил, что здесь не так уж плохо. В любом случае, тут было намного лучше, чем бежать по открытому, простреливаемому пространству, каждую секунду ожидая получить вражескую пулю. По обе стороны от меня расположились партизаны, выставив над бруствером оружие. Они, как и я, жадно глотали воздух, хрипя и матерясь сквозь зубы. Боевой азарт у них уже прошел, и сейчас они пытались понять, что их ждет впереди. Умирать никому не хотелось, особенно сейчас, когда ты живой, сидишь в окопе, прикрытый от пуль. К тому же поднимать в атаку этих людей сейчас было некому. Мне не была известна судьба начальника разведки и комиссара, зато своими глазами я видел, как пулеметная очередь срезала командира отряда.

«Если немцы сейчас ударят, то нам всем хана!»

Так думал не только я, но и все остальные партизаны, выжившие после этой сумасшедшей атаки. Вдруг неожиданно загрохотали расположенные где-то далеко впереди нас орудия, и среди позиций немцев стали вздыматься черно-огненные столбы. Спустя какое-то время черные фигурки фашистов заматались, перебегая с места на место.

– Слушайте, так это, похоже, наши бьют, – раздался чей-то неуверенный голос.

– Точно! Вон как драпают фрицы! – поддержал его кто-то недалеко от меня, а потом вдруг неожиданно партизан закричал в полную силу. – Браточки, точно, драпают!!

Мы получили шанс выжить, и тяжелое, напряженное молчание, висевшее над нами, стало рассеиваться. Стрельба все продолжала усиливаться, и мы увидели, что немцы, не выдержав, начали отходить по всему пространству, после чего услышали пусть негромкий, из-за большого расстояния, но мощный и раскатистый рев сотен и тысяч голосов:

– Урр-ра!!

Теперь стало понятно, почему немцы отступили и оставили нас в покое. Там, на берегу реки, наши войска пошли в наступление. Фашисты стали отступать все быстрее, и как только оказались от нас на дистанции выстрела, партизаны сразу открыли по ним огонь. Фрицы сначала отстреливались, забирая правее, но потом просто побежали, и я подумал, что, возможно, мне еще удастся вылезти из этой кучи дерьма, как мою преждевременную радость быстро придушила немецкая артиллерия. За нашими спинами неожиданно стали рваться снаряды. Земля задрожала, вскидывая вверх веера черной грязи. Партизаны, увлеченные стрельбой, не сразу сообразили, что нам грозит, но я-то все сразу понял.

– Немецкая артиллерия!! На дно окопа!! – заорал я и сполз вниз, вжимаясь в стенку окопа.

Ремешок немецкой каски жестко передавил подбородок, причиняя боль, но я этого не замечал, так как сознание и тело застыли в напряженном, мучительном ожидании боли.

Вздрыгнула земля, и вместе с грохотом в небо ударил фонтан из земли, травы, глины. Спустя минуту – новый взрыв, потом еще один. И еще. Немцы пристрелялись, и вскоре снаряды рвались по обе стороны траншеи. Со всех сторон сыпалась земля, не давая открыть глаз, со свистом и скрежетом летели осколки, дико кричали люди. Новый взрыв, прогремевший совсем рядом, сотряс меня всего, бросил на бок, а затем обрушил край окопчика, почти полностью засыпав землей. Потом на меня что-то упало, чем-то твердым больно ткнув меня в лицо, и я почувствовал, как потекла кровь. Открыл глаза, но сразу закрыл их от режущей боли, тогда я на ощупь попытался отодвинуть то, что на меня свалилось. Только успел приподняться, как в следующую секунду мне словно железным молотком кто-то с размаха врезал по каске. Я даже боли не почувствовал. Земля стремительно рванула мне навстречу, и... я потерял сознание.

Армейские части, удерживающие плацдарм, получили шанс. Красноармейцы кинулись в этот прорыв, с бесстрашием обреченных, у которых вдруг появилась возможность выжить. Визг мин и грохот разрывов немецких снарядов смешались со стонами и криками боли, но красноармейцы, невзирая на потери, рвались вперед. Спустя какое-то время наступающим частям пришла на помощь авиация. Штурмовики, пикируя, расстреливали фрицев из пулеметов и скорострельных пушек, а израсходовав боезапас, круто взмывали в небо, чтобы дать место следующему звену. Не успели они улететь, как пришла очередь бомбардировщиков. Тяжелогруженные самолеты с красными звездами на крыльях, раз за разом сбрасывали свой смертоносный груз на головы отступающих и растерянных немецких солдат, а затем ложились на обратный курс. Оказавшись под массированным ударом русской авиации, гитлеровцы дрогнули и стали быстро отступать.

Гревели разрывы, стреляли пулеметы и винтовки, с громким топотом пробегали мимо солдаты, где-то дико кричали раненые, но все эти звуки боя сливались в моей голове в невнятный, но громкий гул. Я почти не воспринимал окружающую действительность, пока в какой-

то момент не стало тяжело дышать. Инстинкт самосохранения заставил меня задержаться, и спустя какое-то время я смог освободиться от навалившейся на меня тяжести. Открыл глаза и увидел труп партизана. Это его бросило на меня во время очередного разрыва снаряда. Лица у него не было. Меня вырвало, и я снова потерял сознание. Снова очнулся уже от жесткого толчка в грудь, а затем услышал чей-то громкий голос:

– Тут фриц живой!

Очнувшись, ощутил на губах вкус крови и рвоты, а в верхней части груди – огненно-острую боль. Не сдержавшись, застонал.

– Товарищ сержант, сюда идите! – снова раздался тот же голос.

Я попытался разглядеть крикуна, но стоило повернуть голову, как перед глазами поплыла муть, и сознание снова провалилось в пустоту. Когда я очнулся в очередной раз, то увидел, что лежу на носилках, в каком-то полутемном бараке. Кругом стоял шум, и все почему-то говорили по-немецки. Меня мутило, думать ни о чем не хотелось.

– Смотрите, наш унтер глаза открыл, – раздался чей-то голос.

«Кто унтер?» – спросил я сам себя, но так и не получил ответа, губы сами по себе прошептали по-немецки:

– Пить.

Кто-то поднес мне кружку с холодной водой. Стоило мне напиться, я сразу закрыл глаза, чтобы избежать лишних вопросов, а затем сам для себя незаметно провалился в сон. Следующий раз очнулся уже где-то утром, когда мои носилки грузили в машину. Когда кузов заполнился ранеными, грузовик тронулся. Кругом опять были немцы.

– Как ты? – вдруг кто-то спросил меня по-немецки.

Я скосил глаза на солдата, задавшего мне этот вопрос. Осунувшееся лицо, тоска в глазах, двухдневная щетина и перевязанное плечо явно не красили этого молодого немецкого парня.

– Я... не знаю.

– Тебя в голову ранило. И в грудь, – неожиданно сообщил мне немец.

– Куда... мы едем?

– В сборный лагерь для военнопленных, так сказал старший нашей охраны. Название какое-то странное... М-м-м... – это ответил мне уже немецкий солдат с перевязанной головой и задумался, вспоминая название.

– Синель-никово, – подсказал ему кто-то из раненых с запинкой, из дальнего угла.

Сказанное по-русски название пункта прибытия неожиданно заставило заработать мозг, и спустя пару минут мне стало понятно, в какой нелепой ситуации я оказался. Попытался вспомнить, как оказался в бараке для немецких раненых, но память наотрез отказалась мне в этом помочь. Остальное все отлично выкладывалось в логическую цепочку. Когда меня нашли, на мне был мундир унтер-офицера, а на голове немецкая каска, поэтому нетрудно было предположить, что именно это сыграло решающую роль.

Привезли нас уже к вечеру. Распределили по баракам, и я еще одну ночь провел в качестве военнопленного среди других немецких раненых, собранных в одном помещении. Утром в барак пришел лейтенант – переводчик. Я поманил его рукой. Он подошел, потом сухо и быстро спросил по-немецки:

– Имя? Фамилия? Звание?

– Константин Звягинцев. Младший лейтенант. Четвертое управление НКГБ, – тихо сказал я, стараясь не привлекать внимание других немцев.

Лейтенант, услышав мои слова, замер, не веря своим ушам.

– Как вы здесь оказались? – наклонившись ко мне, так же тихо спросил лейтенант.

– Может, мы в другом месте поговорим?

– Хм. Вы ходить можете?

– Давно не пробовал, но когда-то все равно начинать надо. Так что...

Я попробовал сесть, потом, опираясь на спинку кровати и руку лейтенанта, встал под изумленные взгляды пленных немцев. Спустя час, когда я уже лежал на кровати в отдельной палате, так называемом изоляторе, ко мне пришел старший лейтенант из СМЕРШа. Беседовали мы с ним долго и подробно, особенно в той части, что касалось обстоятельств моего выхода из немецкого тыла. О задании, с которым мы были направлены в тыл врага, я говорить отказался, мотивируя данной мною подпиской о неразглашении государственной тайны, после чего сообщил ему свою фамилию, звание, место службы и личный цифровой пароль. По окончании разговора я попытался выяснить у него судьбу нашей группы, но единственное, что он смог мне сообщить: никто из разведгруппы, кроме меня, не вышел в расположение наших частей.

– А Кораблев? Как он?

– Погиб. Кроме вас, в том бою выжило девять партизан. Трое из них, как и вы, сейчас в госпитале.

– Повезло. Выжили. Их на смерть послали, а они наперекор ей выжили, – глядя ему прямо в глаза, сказал я.

Неделя, проведенная между жизнью и смертью, подточила мою осторожность и хладнокровие. Говоря о партизанах, я имел в виду не столько их, сколько нашу разведгруппу, которую точно так же послали на смерть.

– Не на смерть, а на подвиг они пошли! За Родину свою смерть приняли!

– Что со мной об этом, что пнем по сове – ей все едино конец, – произнес я это уже равнодушно, без капли эмоций.

С минуту особист внимательно смотрел на меня, потом сказал:

– Крепко тебе, Звягинцев, досталось. Понимаю. Ничего! Подлечишься, в себя придешь, – неожиданно в его взгляде и в голосе я уловил сочувствие.

Потом он похлопал меня по плечу и встал:

– Ну, бывай, разведчик!

Спустя сутки меня перевезли в госпиталь.

На полуразрушенной железнодорожной станции по воинскому литеру я получил билет на поезд, пожал руку сопровождающему меня офицеру из местного территориального отдела НКГБ, после чего закинув за плечо «сидор» с сухим пайком, двинул в сторону платформы, где уже попыхивал паром локомотив с десятком обшарпанных вагонов.

В своей плацкарте я был первым, что позволило мне занять место у окна, а еще через несколько минут подтянулись попутчики. Поздоровавшись и перебросившись с ними несколькими дежурными фразами, я стал смотреть в окно. Скоро раздался гудок, и мимо меня медленно поплыл назад железнодорожный вокзал с перроном и тянущимися вдоль дороги пакгаузами. Где-то под полом вагона дробно простучали выходные стрелки. По мере того как паровоз набирал скорость, районный городок со всеми пригородами быстро остался сзади, а навстречу мне уже бежали луга и рощи. Картинка за вагонным стеклом показалась неинтересной, и мысли неожиданно свернули в новое русло.

«Раньше мне часто снился Афган. Пыльные дороги, натужно ревущие грузовики, горы, остовы обуглившихся танков и бронетранспортеров, погибшие друзья. Потом как отрезало. Если что и снилось, то, просыпаясь, этого просто не помнил. Это, кстати, очень странно, ведь потом я столько лет воевал... Теперь почему-то снова пришли сны. Лес. Мертвые тела. И главное, непонятно, кто убит. Стоит присмотреться, но черты лица сразу расплываются. К чему это?» – додумать мысль я не успел, как почувствовал, что меня кто-то тронул за плечо. Вскинувшись, я развернулся, но сразу замер, глядя на испуганно-удивленные лица попутчиков. Похоже, я настолько ушел в свои мысли, что не сразу понял, что мои соседи по плацкарте пытаются обратить на себя мое внимание.

– Извините меня, но у вас такое мрачное лицо было. Вот я и подумал... – начал оправдываться мой сосед по вагонной полке.

– Это вы меня извините. Задумался, – при этом я изобразил виноватую улыбку и одарил его попутчиков, – и сразу не представился. Звягинцев Константин. Еду после госпиталя домой, на побывку.

– Я так и подумала, – жалостливо улыбаясь, сказала сидевшая напротив меня женщина с добрыми и усталыми глазами. – Молодой, а с лица осунулся. Вон уже прядь седая на виске. Тяжело пришлось, сынок?

– Нелегко, – честно ответил я.

– С какого года воюешь, боец? – поинтересовался, как я узнал чуть позже, ее муж.

– С мая сорок второго.

Мне не хотелось лишних вопросов, не хотелось врать или что-то придумывать, поэтому я сам стал расспрашивать попутчиков. Так узнал, что семейная пара Бирюковых ехала забирать своего младшего сына из госпиталя, находившегося где-то под Москвой.

– Мы с мужем сына младшего, нашего Сашеньку, из госпиталя едем забирать, – объяснила мне Варвара Николаевна сразу после знакомства. – Врачи говорят, что у него со зрением после ранения стало плохо, но мы узнали, что в Москве, вроде в специальной клинике, нам смогут помочь. Мы очень на это надеемся.

Пожилой, худой мужчина с запавшими глазами, инженер-технолог, ехал в столичный наркомат решать вопросы с поставками каких-то редких добавок для металла. Он имел пышные черные усы с обильной сединой и живые глаза. Рядом с ним лежало с десяток газет, которые до этого он внимательно читал. Когда его об этом спросил супруг Варвары Николаевны, инженер ответил, что у него просто времени ни на что не хватает.

– На сон еще выкроишь шесть-семь часов, а все остальное время уходит на работу. Даже ем на ходу. Вот и решил воспользоваться командировкой, чтобы хоть немного отоспаться да почитать газеты.

Соседи, видно, уже успели кое-что рассказать о себе, и теперь им хотелось побольше узнать о попутчике, который о чем-то сильно задумался.

– Может, для скрепления компании тяпнем по рюмочке, – неожиданно предложил супруг, при этом кося глазом на жену.

– Поддерживаю! – повеселел технолог. – У нас в запасе тоже кое-что имеется!

Он кинул газету, которую читал, на стол и встал, чтобы достать с верхней полки небольшой чемоданчик.

Только я начал разворачиваться к своему сидору, лежавшему у меня за спиной, как при этом случайно мазнул взглядом по раскрытой странице. И замер.

«...За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками... Наградить посмертно... капитана Мирошниченко Владимира Васильевича... старшего лейтенанта Швецова Павла Ивановича... старшего лейтенанта Смоленского Алексея Сергеевича...»

Свой среди чужих

Все персонажи этой книги, а также имена, которые они носят, вымышлены. Всякое сходство с реальными лицами случайно.

Глава 1

– Ну, здравствуй, лейтенант.

– Здравия желаю, товарищ подполковник.

Он внимательно посмотрел на меня, после чего сказал:

– Похоже, у нас с тобой будет нелегкий разговор.

Я промолчал.

– Садись. В ногах, как говорится, правды нет, – и он сел, положив рядом с собой объемистый пакет, который держал в руке.

Вслед за ним опустился на кровать и я.

– Из рапортов мне известно, как погибли ребята. Ты ничего не хочешь добавить?

– Что добавлять? Бумаги написаны с моих слов.

– Ясно. К этому могу только добавить одно: найдены, опознаны и похоронены тела только трех человек. Михаила Кораблева. Павла Швецова, Григория Мошкина. Насчет остальных разведчиков можно предположить, что гитлеровцы закопали их тела просто в лесу, – подполковник помолчал, потом продолжил: – Судя по твоему каменному лицу, несложно догадаться, о чем ты думаешь, Звягинцев: опытных и проверенных людей взяли и послали на смерть. Так?

– Разве не так? Вы сами прекрасно знаете, что у нас свои задачи, отличные от армейской разведки. И на своей работе мы принесли бы намного больше пользы, чем просто по-дурному умереть.

– Выбирай выражения, лейтенант! Сейчас идет война! Тяжелая, суровая, на истребление, требующая от нас всего, без остатка! Или ты до сих пор этого не понял?!

Взгляд у подполковника потяжелел, а голос стал злым. Слушая его, в свою очередь, я тоже почувствовал злость, так как давно убедился, что командир имеет собственный взгляд на окружающую действительность, и рассчитывал на его понимание, но вместо этого он стал мне высказывать прописные истины. Из-за этого мне захотелось его поддеть, уколоть побольнее.

– Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории. Это выдержка из полевого устава РККА. А вот еще одна, из того же устава. В любых условиях и во всех случаях мощные удары Красной Армии должны вести к полному уничтожению врага и быстрому достижению решительной победы малой кровью. Как-то они не сочетаются это с вашими словами, товарищ подполковник. Почему?

Сказал и сразу подумал о том, что зря сказал. Эмоции до добра не доводят, да и тема скользкая. «Сейчас командир понесет на меня. И будет прав».

Я уже приготовился к лавине гнева, который обрушится на мою голову, но к моему удивлению, Камышев сумел быстро взять себя в руки и продолжил разговор, как будто ничего не случилось.

– Знаешь, Костя, как человек, который родился и воспитывался в стране Советов, ты ведешь себя так, словно не понимаешь простых вещей, которые советский человек впитывает с молоком матери. Я бы еще понял твои умственные завихрения, если бы ты воспитывался в буржуйской семье, но оба твои родителя настоящие, проверенные временем, верные делу партии коммунисты. Я даже знаю, что твой отец еще при царском режиме в тюрьме сидел, а ты... Ну не знаю, как тебе еще сказать! Понимаешь... Сейчас у нас не может быть ничего своего

личного, так как я, ты и миллионы других людей – мы представители советского народа. Мы все идем вперед, вместе шагаем к светлому будущему, и ты идешь с нами, вот только почему-то... не в ногу с остальными людьми. У тебя все как-то по-своему. Ты и с нами, и в то же время... – сам по себе. – Какое-то время он молчал, глядя на меня и пытаясь понять, какое впечатление произвели его слова, но, не дождавшись никакой реакции, продолжил: – Ладно. Не о том я хотел сказать. Сейчас идет война, Костя, и наши жизни не имеют той ценности, как в мирной жизни. Все, весь советский народ, отдаем самих себя для победы, в том числе и свои жизни, так как мы защищаем светлое будущее, и не только нашей страны, а всего мирового пролетариата! Понимаешь ты это?

– Если отбросить лишние слова, товарищ подполковник, то из сказанного вами можно сделать один простой вывод: люди в этой войне используются только как расходный материал.

Я снова не удержался, но мне давно хотелось это сказать, к тому же я знал, что дальше Камышева мои слова не пойдут. Взгляд подполковника снова потемнел, ему явно хотелось ответить резкой отповедью дерзкому лейтенанту, от слов которого так и веяло застенками Лубянки, вот только он был настоящим профессионалом, который, пройдя Испанию и Финляндию, видел много того, что расширило его сознание и дало свое, более правильное понимание советской действительности. Он не мог не признать, что немалая доля правды в словах этого лейтенанта есть, хотя они выглядели предательской клеветой на военную политику партии и правительства. К тому же он знал и ценил Звягинцева, несмотря на все его странности, как хладнокровного, смелого и опытного бойца, отлично показавшего себя в деле. Именно поэтому, несмотря на провокационные слова, от которых отдавало предательством, подполковник понял, что они были вызваны не трусостью или предательством, а той частью Звягинцева, которую он до сих пор не мог понять. Он понимал, что Костя по-своему видит этот мир. Вот только почему он его так видит, было для него загадкой, как и необыкновенные военные таланты Звягинцева.

– Чтобы подобных слов я никогда не слышал! Ты понял меня, лейтенант Звягинцев?!

Теперь в его словах звучал точно отмеренный гнев и негодование, то есть то, что необходимо выразить коммунисту и офицеру, который услышал подобные слова.

– Так точно, товарищ подполковник!

Камышев какое-то время смотрел мне в глаза, потом, отведя взгляд, долго молчал. Я тоже молчал, так как высказал личное мнение о бессмысленной гибели ребят, которые своей жизнью заплатили за чужие ошибки. Наконец командир снова заговорил: – Знаешь, не у меня одного сложилось такое мнение о тебе. Васильич в свое время сказал мне про тебя так: «Звягинцев, он вроде свой и в то же время как бы чужой нам человек».

– Это вам мешает?

– Мешает. Сильно мешает! Как я могу быть полностью уверен в тебе, Костя, если не могу до конца понять, кто ты есть на самом деле! Ты воюешь так, словно уже прошел такую, как эта, войну. Иначе по-другому никак не объяснить твой боевой опыт. Тебя прямо сейчас поставь на мое место, и ты отлично справишься с этой работой, а тебе еще и двадцати лет нет!

– К чему этот разговор, товарищ подполковник?

Опять пристальный взгляд, который спустя несколько секунд потух и стал сонным и равнодушным. Я просто физически почувствовал, как устал этот человек. Душой и сердцем устал.

– Ни к чему, Костя. Просто выговориться захотелось. Теперь о тебе. Я выбил для тебя у начальства отпуск на две недели, но перед этим ты в обязательном порядке пройдешь полное медицинское обследование в госпитале.

– Это еще зачем?

– Сдержаннее надо быть, лейтенант, в своих словах, и тогда никто не усомнится в состоянии твоего душевного спокойствия.

«Особист. Из-за тех слов. Видно, приложил к рапорту свое особое мнение».

– Понял, товарищ подполковник.

– Хорошо, если понял. А это тебе. Держи, – и он протянул мне темно-коричневую коробочку, которую достал из кармана.

Я взял. Открыл. На подушечке из бархата лежал орден Красного Знамени и две звездочки. Закрыл крышку и поднял на него глаза.

– Мне лейтенанта дали?

– Правильнее сказать: присвоили воинское звание.

Я криво усмехнулся:

– А почему без торжественного строя и развернутых знамен?

– Тебе это надо?

– Нет, – я подкинул в руке коробочку. – И это мне... тоже не нужно.

Мне хотелось так сказать, но я оборвал фразу на половине, потому что иначе мне назначат дополнительное обследование уже не в госпитале, а в психбольнице. Камышев только бросил на меня внимательный взгляд, но ничего говорить не стал, а вместо этого стал разворачивать сверток. Спустя минуту на табуретке, прикрытой бумагой, стояли стаканы, бутерброды с салом и колбасой, а рядом с ними краснели боками четыре крупных помидора. На кровати рядышком лежали две бутылки водки.

– Эх, соль забыл, – скользнув взглядом по помидорам, раздосадованно буркнул Камышев, распечатывая бутылку. Быстро разлил по полстакана водки. – За наших товарищей, за наших боевых друзей. За тех, кто уже не вернется, но всегда останутся в наших сердцах.

Мы выпили. Закусывать не стали, только посмотрели друг на друга, а затем отвели глаза в сторону. Командир разлил остатки водки.

– За нашу удачу, Костя.

Опрокинув стакан в рот, я только сейчас почувствовал вкус водки. Взял бутерброд. Какое-то время мы закусывали, потом Камышев сказал:

– Я новую группу принял. У них командир недавно погиб. Хорошие парни. Опытные. Через неделю уходим.

– Куда?

– Западная Украина.

– Почему не в Беларусь?

– Приказы не обсуждают.

– Там вам удача точно не помешает.

– Открывай!

Я распечатал вторую бутылку, но только разлил по половине стакана, как подполковник сказал:

– Разливай все. Награду обмоем.

Достав из коробочки орден и звездочки, я бросил их в стакан с водкой, затем опрокинул его в рот. Поставив стакан на табуретку, взял бутерброд с салом и стал медленно жевать.

Камышев выпил вслед за мной, потом впился зубами в помидор, какое-то время аппетитно его ел. Вытерев руки о газету, он как бы невзначай сказал:

– Не вижу в тебе радости, Звягинцев. Или ты не рад?

– Почему? Рад. Только устал я сильно за это время, товарищ подполковник, вот поэтому она как бы незаметна. И не столько физически, сколько душой, – оправдывался я чисто автоматически, при этом прекрасно понимая, что он мне не поверит.

В ответ Камышев криво усмехнулся:

– Вот-вот. А ты говоришь: зачем тебе обследование?

Он встал. Я вскочил за ним следом.

– На сегодня всё. Документы на тебя и направление в госпиталь лежат в канцелярии. Вопросы есть, товарищ лейтенант?

– Никак нет, товарищ подполковник.

Оказавшись в госпитале, я первым делом поинтересовался у своего лечащего врача, сколько мне предстоит лежать.

– Вы куда-то торопитесь, товарищ Звягинцев? – с легкой улыбкой поинтересовался у меня Валентин Сергеевич.

У него было лицо героя-любовника с правильными чертами лица, ухоженными усиками и аккуратной прической. Еще от него излишне сильно и резко пахло одеколоном.

– Не тороплюсь, но хотелось бы знать.

– Неделю. Потом вас осмотрит психиатр, профессор Думский, и даст свое заключение.

– А раньше он меня не может осмотреть?

– У него другое место работы и очень загруженный график работы, поэтому к нам он приезжает раз в неделю, именно для таких консультаций.

– Ясно. Еще один вопрос. У вас работает врач по имени Таня. Где ее можно найти?

– Она у нас больше не работает.

– Почему? – я настойчиво и испытующе посмотрел на доктора, которому явно не хотелось отвечать на мой вопрос.

– М-м-м... Ее отца осудили, – его глаза забегали, он не хотел встречаться со мной взглядом.

– Где она сейчас?

Валентин Сергеевич пожал плечами:

– Не интересовался. Извините, мне надо идти. Полно дел.

Спустя девять дней я покинул госпиталь с заключением военно-медицинской комиссии: здоров. Никаких отклонений не обнаружено. Годен к военной службе.

Выйдя за ворота госпиталя, я прищурился на солнце, вылезшее из-за тучи, и с удовольствием подумал о том, что у меня впереди две недели отпуска.

«Погода вроде неплохая. Самое время загулять, душу порадовать».

С деньгами у меня проблем не было. Только с последней экспроприации я взял около ста двадцати тысяч рублей, к тому же за последние полгода моей службы должно было накопиться прилично денег по одной простой причине: времени, чтобы их тратить, у меня просто не было. Теперь оно у меня появилось, а значит, пора начинать их тратить. Дойдя до ближайшего телефона-автомата, позвонил на квартиру Сафроновых. Мне никто не ответил. Повесил трубку.

«Костик, наверно, на своих курсах, – решил я, так как насчет Олечки даже не задавался подобным вопросом. Та жить не могла без компании, предпочитая проводить все свое время, сидя в кафе с подругами, устраивать шоп-туры по магазинам или принимать ухаживания очередного кавалера. – Может, зайти в институт? Посмотреть, кто сейчас учится».

Мысль мелькнула и почти сразу исчезла, так как институт и все связанное с ним было жизнью настоящего Кости Звягинцева, которую я честно отработывал. Только в самом начале мне было интересно, но уже к концу первого года учебы я откровенно стал тяготиться ролью студента-первокурсника. Соответствовать образу жизни советского комсомольца было нелегко, причем не из-за учебы, а политической мишуры, которая здесь называлась общественной жизнью. Для этого нужно было получить соответствующее воспитание и иметь сознание маленького, одного из миллионов, «винтика», встроенного в государственный механизм социалистического строя, а я всегда был сам по себе. Хотя я очень старался выглядеть советским студентом Костей Звягинцевым в этом мире, но жить двойной жизнью, как оказалось, делом было очень нелегким. Мне помогали выживать, сами того не зная, мои приятели: Сашка Воровский и Костик. Они стали для меня своеобразной отдушиной. Хотя оба были детьми своего времени, но при этом представляли собой самостоятельные личности, которые избежали

политического зомбирования и поэтому имели свою жизненную позицию по самым спорным вопросам. Если Воровский прожил около пяти лет за границей, и ему было с чем сравнивать советскую действительность, то Костик, по причине своего разгильдяйского характера, вообще плевал на политическую сторону советского бытия. Если я сознательно отделял себя от советской жизни, то парни, сами не зная того, жили двойной жизнью, даже не подозревая, что противопоставляют себя государственной политике страны.

Я знал, что придя в институт, сразу пойдут разговоры о войне, о тех, кто погиб, и кто где воюет, вот только мне это было неинтересно, так как ребята понимали эту войну по-своему, не так как я. Да, она была моим призванием. Я не раз думал на эту тему. Почему именно мне интересно сеять вокруг себя смерть? И ведь не маньяк. Кровь понапрасну проливать не буду. Рейды, зачистки, засады – все это было, но при этом я не перешел границу, не стал убийцей, получавшим удовольствие от пролитой крови. Я умел наслаждаться жизнью в полной мере, но мне, как и наркоману, были нужны мгновения натянутых до предела нервов, кипящая от адреналина кровь, копошащийся внутри страх, придававший большую остроту... и, наконец, радость победы над врагом. На втором месте стояла достойная оплата моего тяжелого и кровавого труда, так как любой контракт рано или поздно заканчивался, и тогда начиналась полоса мирной и спокойной жизни, для которой нужны были хорошие деньги.

«Наверно, я уже родился наемником, или жизнь, найдя подходящую заготовку, выточила из меня человека войны».

Дальше подобных мыслей я так никуда и не пришел в той жизни, а сейчас я вообще об этом не думал, а просто воевал в силу своих умений и способностей. Меня далеко не все устраивало, но при этом надо было откровенно признать, что мне очень здорово повезло с Камышевым. Командир оказался не только отменным бойцом, но и настоящим человеком. Я уже не раз думал о том, что из него получился бы отличный «вольный стрелок».

«Впрочем, не о том думаю. Да и неинтересно мне с моими однокурсниками, а если честно говорить, их детские понятия о жизни меня уже задолбали. Вот с Сашкой Воровским я бы поговорил. А так...»

Я покрутил головой. Оглянулся на ворота госпиталя, из которых только что вышел, увидел во дворе белые халаты медперсонала и неожиданно вспомнил о Тане. Пока я лежал в госпитале, за это время успел познакомиться кое с кем из женщин-врачей. В разговорах мимоходом упоминал о враче Тане, с которой случайно познакомился, когда навещал здесь пару раз своего раненого командира. Одни из врачей сразу и резко уходили от разговора, дескать, ничего общего с дочерью «врага народа» они не имели, а поэтому ничего о ней не знают, да и знать не хотят. Другие жалели ее, говорили, что она добрый и отзывчивый человек, и хотя всего год работает, но показала себя, как хороший специалист, вот только не повезло ей с отцом. Именно из объяснений ее подруг мне стало известно, что девушке в какой-то мере сильно повезло. Четыре года тому назад ее отец получил назначение в столицу, а к нему – новую высокую должность в НКВД. Подруги Тани не знали подробностей, но спустя пару лет после переезда в столицу ее родители развелись, поэтому арест отца не затронул по большому счету ни его детей, ни жену. Несмотря на это, ее матери, заведующей одного из столичных магазинов, как и дочери, пришлось уволиться с работы. По собственному желанию. Затем я вспомнил о нашей неожиданной встрече два дня назад.

После нескольких сумрачных дней с постоянно морсящим дождиком, от вида которого вполне можно впасть в депрессию, неожиданно разошлись тучи и выглянуло солнце, засверкав в лужах и каплях на стеклах окон. Все ходячие больные, кто с папиросами, кто так, сразу устремились во двор. Сестры пытались загонять их в палаты, но все без толку. Правдами и неправдами те просачивались на улицу, несмотря на все угрозы и предостережения. Я тоже вышел. Сначала какое-то время стоял недалеко около главного входа и дышал сырым и свежим воздухом, временами щурясь на солнышко. Чуть позже, когда лестницу оккупировали куриль-

щики, и воздух пропитался табачным дымом, я чуть поморщился и пошел вглубь двора, осторожно обходя лужи. Остановился, оглядываясь по сторонам. Неожиданно мимо меня пробежала медсестра Маша из нашего отделения. Я уже хотел ее окликнуть, но проследив взглядом направление, не стал, а вместо этого неторопливо пошел за ней. У ворот стояла Таня. Она не сразу заметила меня, оживленно говоря с Машей, а стоило увидеть, оборвала разговор на полуслове, сердито и недовольно посмотрев на меня.

– Здравствуйте, Таня.

– Здравствуйте, – довольно сухо поздоровалась со мной девушка.

– Не хочу перебивать ваш разговор. Только один вопрос. Вы не уделите мне потом несколько минут вашего внимания?

В ее глазах появилось недоумение, но видно, для себя что-то решила, потом кивнула головой и сказала:

– Хорошо.

Я отошел в сторону метров на пять и отвернулся от продолжавших разговор девушек. Какое-то время я стоял в перекрестии любопытных взглядов раненых. Большинство из них сейчас думали обо мне, как о шустром парне, которому стоило увидеть красотку, и он сразу решил за ней приударить.

– Так что вы хотели мне сказать? – раздался голос у меня за спиной.

Я повернулся. Она смотрела на меня настороженно, но при этом с каким-то вызовом. Я усмехнулся про себя.

– Хотел сказать, что рад снова вас увидеть. Еще хотел сказать, что знаю о случившемся с вашим отцом. Сочувствую. И последнее. Как насчет того, чтобы сходить в кино и поесть мороженого, после того как меня отсюда выпишут?

Девушка, видно, ожидала от меня других слов, потому что было видно, как она растерялась.

– В кино?

– В кино, – подтвердил я. – Почему красивой девушке и молодому парню не сходить в кино? У меня будет две недели отпуска, после того, как меня выпишут из этой богадельни. Так что в любое время.

– А вы не боитесь...

– Если вы про отца, то не боюсь. Или вы о чем-то другом хотели сказать? Извините, что перебил. Так как все-таки насчет кино?

Она какое-то время растерянно смотрела на наглого парня, идущего напролом, потом улыбнулась краешками губ и сказала:

– Хорошо. Когда вас выписывают?

– Завтра меня должен принять профессор Думский и тогда...

– Если все будет хорошо, то вас выпишут на следующий день после его осмотра. М-м-м... Тогда... сделаем так. Четверг вас устроит?

– Меня все устроит. Время и место скажите.

– Давайте... Двенадцать часов. Вот вам адрес... Все запомнили? – я кивнул головой. – До свидания.

– До свидания, Таня.

Несколько секунд смотрел вслед стройной фигурке девушки, потом повернулся и медленно пошел к главному корпусу госпиталя, провожаемый завистливыми взглядами раненых.

Все эти воспоминания быстро пронеслись у меня в памяти, затем снова улеглись на свои места.

«Все лишние мысли прочь. Думаем только о культурно-развлекательной программе на ближайшие две недели», – с этой мыслью я пошел по улице.

Найдя улицу, я стал высматривать номер нужного мне дома. Нашел. Дошел до подъезда, посмотрел на часы. До того как девушка должна спуститься, оставалось еще пятнадцать минут. Номера квартиры она мне тогда не сказала, а попросила подождать у подъезда. Я не простоял и нескольких минут, как стал накрапывать дождик.

«Совсем некстати, – с этой мыслью я шагнул в полумрак подъезда и чуть не столкнулся с выходящей на улицу парой, мужчиной и женщиной. Сделал шаг назад, и понял, что это Таня вышла с офицером. Подполковник-летчик.

– Здравствуйте, Костя, – поздоровалась она, увидев меня.

– Здравствуйте, Таня.

– Познакомьтесь. Это Вениамин Александрович.

Подполковник оказался хорошо сложенным, моложавым мужчиной лет сорока. От него сильно пахло одеколоном, словно он только что вышел из дверей парикмахерской. Выражение лица подполковника при виде меня не изменилось, но судя по выражению его глаз, в его друзьях мне точно не придется состоять. Если, конечно, прямо сейчас не попрощаюсь, а затем не развернусь и уйду.

– Костя, – я протянул ему руку.

– Вениамин, – он попытался с силой сжать мою руку, но спустя несколько секунд почувствовав, что его ладонь словно сжали клещами, сразу ослабил хватку. Возникло некоторое напряжение. Женщины очень хорошо чувствуют подобные вещи, поэтому Таня попробовала разрядить ситуацию:

– Вы знаете, Костя, Вениамин Александрович приехал в Москву для награждения. Ему вчера в Кремле вручили звезду Героя Советского Союза. И орден Ленина.

– Поздравляю вас, – при этом я постарался изобразить на лице улыбку.

– Спасибо, – сухо ответил поклонник девушки.

В этом у меня уже не было сомнений. Его взгляды, которые он бросал на меня, которого, судя по всему, уже определил в конкуренты, и на девушку, говорили о том, что подполковник ревнует.

– Мы с Костей собрались погулять. Вы не хотите пойти с нами?

– Спасибо за приглашение, но отпуск короткий, а у меня еще много дел. Все же, Таня, мне не хочется с вами прощаться, поэтому я очень надеюсь, что вы примете мое приглашение.

– Большое вам спасибо, Вениамин Александрович, но я свое решение менять не буду. Извините.

– И все же...

– До свидания, Вениамин Александрович, мы пойдем.

– До свидания, – попрощался он, при этом обжигая меня злым взглядом.

«Старая истина права: красота женщины выбивает у мужиков мозги почище пули», – подумал я.

Мы сходили в кино, потом посидели в кафе. В разговоре с девушкой я случайно узнал, что она усиленно изучает французский язык и мечтает когда-нибудь поехать в Париж. Пришлось ее удивить знанием французского языка. Говорила она плохо, но очень старалась. Время пролетело незаметно, и уже спустя пять часов мы подходили к ее подъезду. Напротив я увидел стоящую машину. Такси. Девушка тоже ее увидела и нахмурилась. Не успели мы подойти к подъезду, как распахнулась задняя дверца такси, и из машины вышел подполковник. Краем глаза я успел заметить, что кто-то сделал попытку его удержать, но тот страхнул руку и решительно направился к нам. Он был выпивший, но не пьян. Следом за ним из машины вылез плотный и кряжистый майор – летчик и зашагал вслед за своим приятелем. Подполковник загородил нам дорогу. Делая вид, что меня здесь просто нет, летчик сразу обратился к девушке:

– Таня, вы простите меня за мою настойчивость, но я не мог не увидеть вас снова. Дело в том... Понимаете, как какой-то мальчишка, я похвастался перед своими боевыми товарищами,

что познакомлю их с самой красивой девушкой Советского Союза, а так как я из тех людей, что раз слово дал, то это навсегда, поэтому прошу войти в мое положение и...

– Извините меня, Вениамин Александрович, но я уже вам сказала. Я не пойду.

Подполковник заводился все больше и больше.

– Не могу я принять от вас отказа, Таня! Вы...

– Идите с вашим приятелем к машине, Вениамин Александрович, и уезжайте! Очень прошу вас! И вы, Костя, тоже идите. Спасибо вам большое за урок французского языка.

Несмотря на то, что у подполковника на лице читалось явное желание врезать мне в челюсть, он сумел каким-то образом сдержаться. Как-никак боевой офицер. Все же сдаваться он не желал, но только снова открыл рот, как девушка нанесла ему последний удар, расставив приоритеты своего отношения к обоим мужчинам:

– До свидания, Костя. Прощайте, Вениамин Александрович, – при этом она внимательно и пристально посмотрела на подполковника.

Тот бросил на меня свирепый взгляд, потом перевел взгляд на девушку и сказал:

– До свидания, Таня, – и развернувшись, пошел к машине.

Вслед за ним потопал майор, подарив мне напоследок злой взгляд. Таня посмотрела на меня и сказала:

– За меня не волнуйтесь, идите, – после чего вошла в подъезд.

Развернувшись, я зашагал к остановке трамвая, но не прошел и ста метров, как впереди, у тротуара, в метрах десяти, остановилось такси.

– Стой, лейтенант! Разговор есть!

Я остановился, ожидая, когда парочка приятелей вылезет из такси. Подполковник почти вплотную подошел ко мне, в то время как его приятель остановился за его спиной, в нескольких метрах от меня.

– Слушаю.

– Ты чего к ней липнешь, лейтенант?! Других баб тебе мало?! Их в Москве вон сколько!

– Ты бы ехал, подполковник, в ресторан. Там тебя дружки и водка ждет.

– Не тебе мне указывать, сосунок, что мне делать! Меня вчера лично сам товарищ Калинин наградил в Кремле!

Мне уже было понятно, что подполковник от меня так просто не отстанет, поэтому решил сократить время нашего разговора до предела. Уж очень не хотелось выслушивать оскорбления, которые в конечном счете приведут к драке.

– Ты мне надоел. Подотри радостные сопли и иди, куда шел!

– Да за эти слова! Я тебя, крыса тыловая!.. – и он попытался выхватить из кобуры пистолет.

– Веня! – раздался за спиной подполковника предупреждающий крик майора, но ревность и злоба, замешанные на водке, сделали того слепым и глухим к любым доводам.

Я был готов к подобному повороту событий, и стоило подполковнику расстегнуть кобуру, как он получил тычок пальцами в горло, после чего, захрипев, рухнул на колени. Майор, до этого ни словом, ни делом не принимавший участия в событиях, кинулся на меня с кулаками. Судя по его рывку и бешеным глазам, он сейчас напоминал тупого быка, летящего на красную тряпку. В последнюю секунду уйдя с линии атаки, я ударил его ребром ладони ниже уха. У летчика словно ноги отнялись, и он с глухим шлепком упал на мокрый тротуар. Повернувшись, я махнул рукой водителю такси, который все это время, стоя у дверцы машины, наблюдал нашу стычку с открытым ртом. Через десять минут, с помощью шофера, погрузив незадачливую парочку в такси, я пошел к трамвайной остановке.

Немногочисленные жители столицы, в большинстве своем женщины, которые видели нашу стычку, даже испугаться толком не успели. Никто не издал ни звука, ни крика. Они только тарасили большие от удивления глаза.

Я находился в кабинете начальника отдела уже минут пятнадцать, после того как доложил о драке. За это время полковник выкурил две папиросы и сейчас доставал третью из коробки. Прикурил. Затянулся, выпустил струю дыма.

– Натворил ты дел, Звягинцев. Кстати, мне уже звонили. Твоя драка в комендантскую сводку попала, а значит, прокуратура это дело без внимания не оставит. То, что ты пришел и рассказал, это правильно, но если бы ты вообще без драки обошелся, было бы еще лучше! Ведь ты не просто так вышестоящему офицеру в морду дал, а Герою Советского Союза, который получил награду из рук самого товарища Калинина. Кое-кто может преподнести это как политическую провокацию. Ты это понимаешь?

– Понимаю, товарищ полковник.

– Что мне теперь с тобой делать, лейтенант? Ведь буквально месяц тому назад мы с Камышевым о тебе говорили. Перед самым его отъездом. Хвалил он тебя. Сказал, что ты смелый, хладнокровный офицер, который никогда не теряет голову в минуты опасности... Мы даже думали со временем тебя на командира группы ставить. И старшего лейтенанта дать. Вот где было во время драки твое хладнокровие?! А?! Нет, ты мне ответь, глядя прямо в глаза?!

– Честное слово, товарищ полковник, я был совершенно спокоен. Два выпивших дурака...

– Какая разница, какие они были, лейтенант! Был бы ты при девушке, то еще можно было понять твое рукоприкладство, а так нет! Не понимаю! Ты, Звягинцев, советский комсомолец и боевой офицер! Орденоносец! Как ты мог опуститься до уличной драки?!

– Мне что, их надо было пристрелить? Или вы считаете, что надо было убежать?

– Пристрелить! Убежать! Что ты как мальчишка?! Ты что, не понимаешь, что допустил важнейшее нарушение армейской дисциплины?! Ударил вышестоящего по званию офицера!

– Так не просто так, а за дело.

Глаза полковника стали злые и жесткие.

– Товарищ лейтенант!

Я подскочил со стула и стал навтыяжку.

– За грубое нарушение воинской дисциплины – трое суток ареста!

– Есть трое суток ареста!

Полковник испытующе посмотрел на меня, но я смотрел на него честно и преданно. Мои актерские способности за эти годы значительно выросли, и теперь я, наверно, мог играть любые роли в заштатном театре какого-нибудь провинциального городка. Если он мне поверил, но только наполовину, так был профессионалом, но когда начальник отдела продолжил говорить, то в его голосе уже не было стали:

– Сидеть будешь не на гауптвахте, а в казарме. Я отдам распоряжение, чтобы тебя там, в части, на довольствие поставили. Свободен, лейтенант!

Я не знал, что после моего ухода начальник отдела срочно попросился на прием к начальнику управления. Как и не знал, что на следующий день, ближе к вечеру, состоялся разговор, который стал новой поворотной точкой в моей судьбе.

– Товарищ комиссар, прибыл по вашему вызову, – выйдя на середину кабинета, вытянулся начальник отдела, вглядываясь в усталое лицо хозяина кабинета, при этом пытаясь понять, что он услышит. Хорошие или плохие новости его ждут?

– Садись, Степан Тимофеевич, – после того как полковник сел, хозяин кабинета тяжело вздохнул. – Тяжелый день сегодня выдался. Два совещания, а потом еще к наркомму пришлось идти. Да. Да! Из-за твоего Звягинцева! Занозистый, скажу я тебе, оказался вопрос с твоим лейтенантом. Вроде бы все просто, тем более что сразу выяснилось, а затем подтвердилось, что не твой лейтенант драку начал. Вот только тот подполковник получил в Кремле самую высо-

кую награду нашей Родины из рук товарища Калинина. И это еще не все! Он, оказывается, ходит в друзьях его сына, Василия Сталина! Как только об этом узнали некоторые излишне бдительные товарищи, то сразу попытались перевести обычную драку в акцию с политической подоплекой. Именно поэтому мне пришлось идти и лично просить товарища наркома за Звягинцева. Расписал его как героя. Рассказал, что он один из всей разведгруппы уцелел и ценные сведения передал командованию, за что лейтенанта к Красному Знамени представили. Он меня выслушал, а затем спросил: почему ваши люди по Москве болтаются? У нас, что война закончилась, и больше дел нет? Я ему говорю, что лейтенант только что вышел из госпиталя, а мне в ответ, причем сердито так: раз он такой герой, то ему место на фронте, пусть там подвиги совершает. Затем, идите, говорит. Только я вышел, как в приемной мне его порученец бумагу дает. Беру, а это уже готовый приказ: в течение суток вывести лейтенанта Звягинцева из состава сотрудников Четвертого управления НКГБ и отправить в распоряжение отдела кадров Западного фронта. Вот такие дела. Ну, чего смотришь?!

– Зачем, товарищ комиссар?! Зачем опытного разведчика отправлять на передовую, если он и так рискует жизнью в тылу врага? Ведь еще неизвестно, где хуже!

– Твоя правда, вот только с ней теперь к наркому пойдешь ты сам.

Полковник покачал головой.

– Не пойду, товарищ комиссар. Вот только жаль из-за пустяка такого человека терять. Для нас такие люди на вес золота, если можно так выразиться.

– Сделать ничего не могу. Я уже отдал приказ в кадры. Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ комиссар!

К концу второго дня ареста меня в спортзале нашел дневальный и сообщил, что мне надо подойти в канцелярию.

– Зачем, Коробкин?

– Сообщение у них для вас есть, товарищ лейтенант.

Сполоснулся, затем оделся и неторопливо отправился в канцелярию.

– Для вас телефонограмма, товарищ лейтенант, – вытянулся до этого сидевший за столом сержант.

– Давай.

Взял листок. Прочитал: «Лейтенанту Звягинцеву. Вам завтра надлежит прибыть в отдел кадров, к 9 утра. Начальник отдела».

«Отдел кадров? Неужели... перевод?!»

Мысли по поводу моей дальнейшей судьбы у меня были разные, но подобного варианта развития событий даже не рассматривал, почему-то считая, что начальство меня отстоит. Без излишнего самодовольства я считал себя ценным сотрудником, да и начальник отдела в своем разговоре со мной дал это понять. Вот только почему-то на следующее утро я оказался не нужным здесь человеком, о чем говорило полученное мною направление в 33-ю армию Западного фронта.

Глава 2

Над головой начальника отдела контрразведки СМЕРШ 33-й армии Западного фронта висел портрет Сталина. Полковник был не один. На одном из стульев, стоявших по другую сторону стола, сидел майор. Перед обоими стояли стаканы с чаем и раскрытая коробка с папиросами, а рядом с ней пристроилась пепельница, сделанная из гильзы снаряда. Перед начальником отдела контрразведки армии поверх других бумаг картонная папка. Это, как нетрудно было догадаться, было мое дело. Войдя, вскинул руку к козырьку фуражки.

– Товарищ полковник, лейтенант Звягинцев прибыл для продолжения службы.

– Молодец, что прибыл. Знакомся. Это старший оперуполномоченный, майор Брылов. Он твой непосредственный начальник.

Майор встал. Он был среднего роста, но при этом имел мощные плечи и широкую грудь, на которой висели орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги». Лет навскидку сорок – сорок три. Глаза спокойные, но при этом цепкие и внимательные. На лице шрам, переходящий с щеки на подбородок.

«Боевой дядька», – почему-то сразу подумал я.

– Степан Трофимович, – представился он, протягивая мне ладонь.

– Звягинцев Константин Кириллович.

Руки мы жали явно не для знакомства, так как, судя по силе, с которой старший оперуполномоченный сжал мою ладонь, это была своеобразная проверка. Судя по всему, Брылов подобный прием уже не раз применял, потому что полковник, явно знакомый с таким испытанием, сейчас с интересом наблюдал за мной. Рука майора была словно из железа, поэтому мне пришлось очень сильно постараться, чтобы противостоять его нажиму и не дать расплющить мне пальцы. Спустя полминуты майор отпустил мою руку, и, удовлетворенно кивнув головой, с явным удовольствием сказал полковнику:

– Ничего не скажешь, крепок-то молодец. Сколько ему годков?

Хозяин кабинета усмехнулся и, не заглядывая в мое дело, сказал:

– Двадцать.

Майор неспешно сел, достал из коробки папиросу, закурил, а полковник тем временем кивнул головой на стоящий стул, сказал:

– Садись, лейтенант. Говорить будем.

Судя по всему, эти офицеры хорошо друг друга знали, уж больно домашняя обстановка была в кабинете. Вполне возможно, что они даже были хорошими друзьями, потому что полковник был такого же возраста, что и майор, только может чуть постарше. Лицо интеллигентное, умное. На груди два ордена. «Красная Звезда» и «Отечественной войны».

– Рассказывай, Константин Кириллович, как ты у нас оказался. Судя по твоему делу, ты хорошо воевал, да и награды сами за себя говорят. Характеристику тебе, скажу я так, отменную дали. Просто кладёшь всяческих достоинств. И вдруг – раз! – отправляют в действующую армию. Что смотришь удивленно? – полковник постучал пальцем по папке с моим делом. – Тут говорится только о том, что ты избил двух вышестоящих офицеров из-за женщины. Подполковника и майора. Причем оба, насколько можно судить по бумагам, выгораживать себя не стали и признали себя зачинщиками. Хм. Обычно такое дело кладут под сукно и забывают о нем навсегда, а от тебя решили избавиться. Так в чем там было дело, лейтенант?

– Не избивал я их. Ударил по одному разу. Это первое. Подполковник был Героем Советского Союза и получил награду в Кремле из рук товарища Калинина. Это второе. Но это вы, наверно, уже знаете, а вот то, что подполковник был другом Василия Сталина, этого в деле нет. Это третье.

Об этом мне стало известно в беседе с начальником отдела, к которому я пошел, перед тем как явиться в отдел кадров. Услышав об этом, полковник и майор переглянулись, почти одновременно ухмыльнулись, но уже в следующую секунду их лица приняли прежнее выражение.

«Точно. Друзья-приятели», – сразу подумал я.

– Теперь понятно, а то мы гадать уже начали... Хм. Раз все ясно, поговорим об основных задачах, стоящих перед войсковой контрразведкой. Они заключаются в одной фразе: всемерно оказывать помощь командованию для обеспечения победы над врагом. Более конкретные задачи вам поставит товарищ майор, а заодно расскажет о вашем новом назначении.

– Обо всем мы поговорим, лейтенант, у меня, а вот насчет твоего направления скажу прямо сейчас. Ты направляешься на должность оперуполномоченного отдела контрразведки СМЕРШ по обслуживанию 174-й отдельной армейской штрафной роты.

Снова внимательные взгляды. Как отреагирует на эти слова наглый лейтенант, избивший вышестоящих офицеров?

«Все же сумели сунуть меня в дерьмо», – с некоторой обидой подумал я, после чего как можно равнодушнее поинтересовался:

– Что это значит: по обслуживанию?

– Это значит, что ты в постоянный состав офицеров штрафной роты неходишь, а являешься прикомандированным, хотя и будешь состоять в ней на всех видах довольствия. Ясно?

– Так точно, товарищ майор.

– В твоем деле отмечено, что ты владеешь двумя языками. Немецким и французским. Как хорошо?

– Немецкий язык – в совершенстве, французский – средне, так как у меня не было хорошей языковой практики, – секунду подумав, добавил: – Немного знаю английский язык. Сам его изучал.

– Да ты у нас знаток иностранных языков. Молодец! Теперь иди к полковнику Калите Трофиму Степановичу. Он у нас главный по политчасти. Ты комсомолец?

– Так точно, товарищ майор.

– Тогда к комсору загляни... Впрочем, Трофим Степанович сам тебя направит. Когда закончишь со всеми делами, жди меня у входа. Иди.

Я вскочил.

– Разрешите идти, товарищ полковник?!

– Идите.

Помимо обстоятельного разговора с подполковником, который явно знал, как я здесь оказался, мне пришлось выслушать много всего, но в основе его речи можно было выделить жесткое предупреждение: если нечто подобное повторится, то быть мне не офицером при штрафной роте, а рядовым в этой самой роте.

– Надеюсь, товарищ лейтенант, вы меня поняли в достаточной степени?!

– Так точно, товарищ подполковник!

Разговор с секретарем комсомольской организации был слабой копией с заместителем по политической части, после чего я был направлен в отдел политпропаганды, где получил кипу листовок и газет двухдневной давности, а затем отправился на вещевой склад. Нагрузившись полученным по аттестату обмундированием, я еще минут сорок сидел в ожидании майора и все думал о том, что жизнь меня качает словно маятник, из стороны в сторону. Неожиданно вспомнил о нашем разговоре с начальником отдела, когда тот обмолвился, что за меня просили на высшем уровне, но как видно... не судьба. Плетью обуха не перешибешь.

«Ладно. Что есть, то есть. Так, что я про штрафные роты знаю? Да почти ничего. Постоянный и переменный состав. Политзаключенных не брали. Уголовники? Вроде тоже нет. А

так... Самострельщики. Дезертиры. Предатели?.. Стоп. Как я сразу не подумал. А где прежний особист? На повышение пошел или...»

– Чего пригорюнился, лейтенант?!

Я вскочил. Передо мной стоял майор Брылов.

– Горюю о своем пропавшем отпуске, товарищ майор. Из двух недель всего лишь один день отгулял.

– Сочувствую, лейтенант. И сразу вопрос: за что тебе такой роскошный подарок сделали? Я, например, за последние два года о нем только слышал, но ни разу не видел.

– Удалось как-то живым вернуться из немецкого тыла. Ну и начальство на радостях наградило и дало отпуск.

– Так за это тебе «Красное Знамя» дали?

– Так точно.

– Хм. Пошли к госпиталю. Там полуторка нас ждет.

По дороге в госпиталь он мне рассказал, что уже неделю на их участке фронта не ведется никаких военных действий, что штрафная рота расположена в полуразвалившемся кирпичном заводике на окраине небольшого городка, и ее командир, капитан Чистяков, в общем, неплохой мужик.

В расположение дивизии мы поехали на полуторке, которая везла медикаменты и перевязочные материалы. Майор, как и положено большому начальнику, сидел в кабине, а мы со старшиной медицинской службы – в кузове. Когда машина остановилась, я спрыгнул, после чего старшина передал мне мои пожитки.

– Сейчас пойдем ко мне. Поужинаем. Чаю попьем. К себе завтра с утра пойдешь. Вернее, поедешь, – майор иронически оглядел все мои вещи, – а то не дай бог, надорвешься. Заодно со старшим лейтенантом Васиным познакомлю. Через него шло формирование штрафников. Хоть молодой парень, да толковый, глядишь, чего и подскажет.

Мы уже пили чай, когда пришел старший лейтенант. Лет двадцать пять. Подтянутый, стройный, жилистый. Лицо серьезное. На груди две медали «За боевые заслуги».

Четко, по уставу, кинул руку к фуражке:

– Здравия желаю, товарищ майор!

– И тебе не хворать. Садись, Саша. Чай будешь? – по-домашнему встретил его Брылов.

– Спасибо, Степан Трофимович. Только чуть позже. Я так понимаю, что нового товарища надо в курс дела ввести?

– Правильно понимаешь, товарищ старший лейтенант. Знакомьтесь.

Я встал, протянул руку:

– Костя.

– Саша. И чего тебе, Костя, в Москве не сиделось? – спросил как бы просто так, а в глазах любопытство так и плещет.

– Меня просто попросили сюда приехать. Сказали, что товарищ Васин с работой не справляется. Надо ему срочно помочь. Я что? Надо, значит сделаем. Вот и приехал, – я сказал это с таким серьезным видом, что Васин невольно бросил взгляд на майора, а когда увидел на его лице улыбку, понял и расхохотался.

– Шутник.

Посмеялись, после чего Брылов сказал:

– Теперь по делу говорить будем. Начну я.

То, что он рассказал, мне совершенно не понравилось. Как оказалось, моей основной задачей была вербовка стукачей. На роту, по его словам, на основе полученного опыта по вербовке, мне должно хватить десятка информаторов, но чем больше удастся их набрать, тем будет лучше для дела. Правда, тут же отметил он, главное не переборщить, выслушивая доносы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.